

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

2 (37)

журнал выходит четыре раза в год

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**
№ 2 (37), 2018

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционный совет

*Акад. РАН В.И. Тишков (председатель);
член-корр. РАН Х.И. Амирханов; акад. РАН Н.Н. Казанский;
акад. РАН А.Б. Куделин; член-корр. РАН В.В. Наумкин;
д.и.н. Ю.А. Петров; д.и.н. В.В. Трепавлов*

Редакционная коллегия

*д.и.н. Б.Х. Бгажноков, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Ж.М. Гузеев,
д.ф.н. А.М. Гутов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Х.Х. Малкондуев,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Р.Г. Оширов, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

2 (37)
the journal comes out four times a year

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH**
№ 2 (37), 2018

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l c o u n c i l

V.I. Tishkov (chairman), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; *V.V. Trepavlov*, Doctor of History

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *Zh.M. Guzeev*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *H.H. Malkonduev*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Дзамихов К.Ф., Муратова Е.Г.</i> История Кабарды и Балкарии XVI–XVIII веков в отражении русских письменных источников	7
<i>Алоев Т.Х., Жанситов О.А.</i> Политический процесс в Кабарде в 40-х гг. XVIII в.: внутренние коллизии в контексте международного признания «вольности» страны	14
<i>Гугова М.Х.</i> Кабардино-Балкария накануне и в начальный период Великой Отечественной войны	23
<i>Жанситов О.А.</i> Кабардино-Балкария в условиях немецкой оккупации: проблемы мобилизации социума в ракурсе травматического опыта большевистских преобразований	30
<i>Кармов А.Х.</i> Боевые действия на территории Кабардино-Балкарии в период битвы за Кавказ	36
<i>Куихабиев А.В.</i> Воспоминания М.М. Кармокова как источник о партизанском движении на территории Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	46
<i>Тетуев А.И.</i> Вклад народов Кабардино-Балкарии в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: военный и трудовой подвиг, формирование памяти	54

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Кешева З.М.</i> Ностальгический туризм и перспективы его развития в Адыгее и КБР	65
---	----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Аппоев А.К.</i> Элементарные и составные термины родства и свойства в карачаево-балкарском языке	71
<i>Дзуганова Р.Х.</i> О месте и роли морфонологических исследований (на материале абхазско-адыгских языков)	76
<i>Алхасова С.М.</i> Единая парадигма и художественный уровень произведений писателей-фронтовиков (А. Евтых, М. Паранук)	83
<i>Базиева Г.Д.</i> Историческая память в художественных текстах о Великой Отечественной войне	87
<i>Баков Х.И.</i> К проблеме русскоязычной черкесской литературы на современном этапе (на опыте творчества Адзинова М.А.)	92
<i>Бетуганова Е.Н.</i> Великая Отечественная война в малой прозе кабардино-черкесских авторов: проблематика и художественное своеобразие	98
<i>Керимова Р.А.</i> Образ родины в военной лирике К. Кулиева	105
<i>Сарбашева А.М.</i> Художественное осмысление войны в балкарской прозе 1960–1970-х гг.	110
<i>Узденова Ф.Т.</i> Малые жанры современной карачаево-балкарской поэзии: национальная специфика	116
<i>Хавжокова Л.Б.</i> Художественный психологизм поэзии о войне (на материале произведений кабардинских авторов)	122
<i>Малкондуев Х.Х.</i> Фольклорные мотивы в «Поэме любви» Кайсына Кулиева	130
<i>Хагожеева Л.С.</i> Мотив «спасения» тела погибшего в адыгском фольклоре	139

CONTENT

HISTORICAL SCIENCE

<i>Dzamikhov K.F., Muratova E.G.</i> The history of the Kabarda and Balkaria of the XVI–XVIII centuries in the reflection of russian sources	7
<i>Aloev T.H., Zhansitov O.A.</i> The political process in Kabarda in the 1940 ^s –XVIII century: internal conflicts in the context of international recognition of “freedom” of the country	14
<i>Gugova M.H.</i> Kabardino-Balkaria on the eve and in the initial period of the Great Patriotic war	23
<i>Zhansitov O.A.</i> Kabardino-Balkaria conditions of the german occupation: problems of mobilizing the society in the perspective of the traumatic experience of the bolshevik reforms	30
<i>Karmov A.H.</i> Military actions in the territory of Kabardino-Balkaria in the period of the Caucasian battle	36
<i>Kushkhabiev A.V.</i> Memories of M.M. Karmokov as source on the partisan movement in the territory of Kabardino-Balkaria in the period of the Great Patriotic war 1941–1945	46
<i>Tetuev A.I.</i> Contribution of the peoples of Kabardino-Balkaria to victory in the great patriotic war of 1941–1945: military and labor feat, formation of memory the article gives a critical analysis of the state of the study of the problem under study	54

PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Kesheva Z.M.</i> Nostalgic tourism and prospects of its development in Adygee and KBR	65
--	----

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM

<i>Appoev A.K.</i> Elementary and composition terms and properties in karachayevo-balkarian language	71
<i>Dzukanova R.H.</i> About the place and role of morphonological research (on the material of the Abkhaz-Adyghe languages)	76
<i>Alkhasova S.M.</i> Single paradigm and artistic level of the works of writers-veterans	83
<i>Bazieva G.D.</i> Historical memory in art texts of the Great Patriotic war	87
<i>Bakov H.I.</i> To the problem of russian-charled chirkes ‘literature at the present stage (on the experience of the creativity of Adzinov M.A)	92
<i>Betuganova E.N.</i> Evolution of the story genre in kabardino-circassian literature of post-soviet time: development trends	98
<i>Kerimova R.A.</i> Homeless motherland in the military lyric K. Kuliev	105
<i>Sarbasheva A.M.</i> Artistic interpretation of the war in balkar prose of the 1960–1970 ^s	110
<i>Uzdenova F.T.</i> Small genre of modern karachayevo-balkarian poetry: national specification	116
<i>Havzhokova L.B.</i> The art of psychology of the poetry on the war (on the material of works of Kabardian authors)	122
<i>Malkonduev H.H.</i> «Poem of love» of Kaisyn Kuliev and folklore motives in it	130
<i>Hagazheeva L.S.</i> The motive of “saving” the body of the deceased in the adyghe folklore	139

УДК 930.2 (470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-7-13

ИСТОРИЯ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ XVI–XVIII ВЕКОВ В ОТРАЖЕНИИ РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ*

Дзамихов Касболат Фицевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), casbolat2013@yandex.ru

Мурагова Елена Георгиевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, lena_gm@mail.ru

В статье представлен аналитический обзор русских архивных документов по истории Кабарды и Балкарии XVI–XVIII вв. Описаны источники, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном военно-историческом архиве, Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, рукописном фонде Государственного исторического музея и других архивных собраниях. Представлен видовой обзор выявленных документов и отмечена специфика содержащейся в них информации. Эти источники, частично опубликованные в разных документальных сборниках, отражают политические, социальные и правовые отношения между народами Кабардино-Балкарии и Российским государством в XVI–XVIII вв.

Ключевые слова: Кабарда, Балкария, XVI–XVIII века, историография, архивы, архивные источники, источниковедение.

В источниковедческих работах выдающихся отечественных кавказоведов Е.Н. Кушевой¹, М.О. Косвена², А.П. Пронштейна³ и других ученых показан приоритет русских письменных источников в изучении истории Северного Кавказа XVI–XVIII вв. Не является исключением история Кабарды и Балкарии этого периода.

Фонды Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), сформировавшиеся на основе «столпов» Посольского приказа и бумага Коллегии иностранных дел, содержат материалы, связанные с северокавказскими народами. Из документов РГАДА материалы об адыгах отложились в фондах «Кабардинские, черкесские и другие дела» (ф. 115) с 1588-го по 1719 г. (остальная часть, начиная с 1720 г. передана, как и все другие кавказские дела, в АВПРИ; «Кумыцкие и тарковские дела» (ф. 121); «Грузинские дела» (ф. 110) с 1586-го по 1700 г.; «Донские дела» (ф. 111) с 1623-го по 1770 г.; «Калмыцкие дела» (ф. 119) с 1673-го по 1683 г.; «Кабинет Петра I» (ф. 9); «Секретная экспедиция Сената» (ф. 259). Политическая история адыгских (черкесских) княжеств в контексте международных отношений XVI–XVIII вв. хорошо отражена в фондах: «Сношения России с Турцией» (ф. 89), дела с 1496-го

* Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление» по проекту «Исторический опыт и актуальные проблемы интеграции культурно-сложного макрорегиона в российское государственное пространство: Северный Кавказ». Номер государственного учета – АААА-А18-118021490153-5.

по 1719 г.; «Сношения России с Ногайской ордой» (ф. 127) с 1489-го по 1659 г.; «Сношения России с Крымом» (ф. 123) с 1474-го по 1718 г.; «Сношения России с Персией» (ф. 77) с 1588-го по 1700 г. Среди фондов АВПРИ следует назвать: «Кабардинские дела» (ф. 115), «Осетинские дела» (ф. 128), «Кизлярские и Моздокские дела» (ф. 118), «Кумыцкие и тарковские дела» (ф. 121), «Сношения России с Крымом» (ф. 123).

Документы о связях России с Балкарией отдельно не сформировались, но фрагментарные свидетельства о балкарских обществах XVII–XVIII вв. встречаются в фондах «Сношения России с Грузией», «Кабардинские дела» и «Осетинские дела». Самые ранние сведения русских источников о балкарцах содержатся в документах Посольского приказа, относящихся к концу 1620-х гг. Еще в первой половине XIX в. часть документов этого учреждения, касающаяся разведки месторождений серебра на Центральном Кавказе, была отослана из Москвы в Петербург академику Гамелю и осталась в его собрании (ф. 175), хранящемся в настоящее время в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.

Кроме того, в этом архивохранилище находится документация Астраханской приказной палаты (ф. 178), которая представляет огромный интерес для изучения северокавказского региона, так как именно через Астрахань в конце XVI–XVII вв. проходила вся переписка царского двора с Терским городом и феодальными правителями Северного Кавказа. Например, здесь хранится переписка астраханских и терских воевод о связях с Кабардой; отписки терских воевод с просьбами кабардинских князей о помощи против «недругов», о посылке на Терек жалования, о военных действиях под Терским городом в 1651, 1672, 1689 гг. и другие интересные источники.

Многое из комплекса дипломатической документации Посольского приказа и Коллегии иностранных дел по взаимоотношениям России с народами Северного Кавказа в XVIII в. стало известно благодаря деятельности П.Г. Буткова. Собранный им еще в XIX в. разнообразный документальный материал отложился в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (ф. 99) и Военно-ученом архиве Российского государственного военно-исторического архива (ф. 482). Другие коллекции ВУА РГВИА также содержат обширные сведения о внутривнутриполитической и внешнеполитической обстановке в Кабарде и соседних этнополитических образованиях северокавказского региона в XVIII в.

Среди региональных архивов важное значение для истории Кабарды и Балкарии XVIII в. имеют материалы архива Кизлярского коменданта, поступившие в 1959 г. после многократных перемещений в Центральный архив Дагестанской Республики. Среди хранящихся здесь документов 1730–80-х гг. на русском, кавказских и иностранных языках особую ценность представляют источники местного происхождения. Часть их, в большей степени имеющая отношение к Дагестану, написана по-арабски, другая – на литературном языке «тюрки», который использовался в тот период в качестве регионального языка обыденной и деловой переписки на Северо-Восточном и Центральном Кавказе. Причем, в феодальных владениях с нетюрским населением (например, в Кабарде) при составлении документов местная социальная терминология заменялась тюркскими эквивалентами.

Наиболее важные комплексы источников по истории Кабарды и Балкарии XVI–XVIII вв., хранящиеся в указанных архивохранилищах и частично опубликованные, можно представить следующим образом.

Систематические взаимоотношения адыгских (черкесских) княжеств с Россией начались с 50-х гг. XVI в., когда их посольства принимали присяги о подданстве. Официальные документы об этих событиях не сохранились, но они были использованы во время составления при царском дворе официальной летописи. Известно, что с конца XV в. Посольский приказ имел отношение к русскому летописанию. Определенные представления об этом дают описи «Царского архива» и архива Посольского приказа. Работа, проведенная А.А. Зиминым по реконструкции

отдельных пластов документальных материалов, из которых складывался государственный архив XVI в., позволяет считать, что адыго-русские отношения, начиная с известных посольств 1552, 1555, 1557 гг. оформлялись соответствующими дипломатическими документами. В описи царского архива, дошедшей до нас в дефектном виде, имеются отметки о содержавшихся в ящиках 183-м, 201-м, 211-м, 226-м следующих дел: «... посылки о сватовстве в Литву и в Свейскую землю, и в черкасы... черкасских князей приезды и Домануко... посылки черкасские ко князю Темрюку, и книги, писаны в тетради от лета 7070-го до лета 7072-го»⁴. А.А. Зимин, используя разработанную А.А. Шахматовым методику текстологического анализа летописного материала, дал обширные комментарии содержания всех «ящичков» архивной описи. Восстанавливая посольские дела из ящика 211-го, где говорится: «...и грамоты Крымшевкаловы и Темгрюковы; и приезд Темгрюкова сына Солтанука», он пришел к выводу, что в целом ящик сформирован около 1557–1558 гг., хотя, возможно, содержал и более ранние материалы (1555 г.). Позднее интерес к нему возрос после брака Ивана IV с Марией Темрюковной (1561 г.), чем и объясняется перемещение его в группу ящиков 60-х гг. XVI в.»⁵. Опись Посольского приказа 1614 г. содержит указания лишь на обрывки приведенных дел царского архива XVI в. Последние лишь частично восстанавливаются летописными материалами.

Как показывают документы фонда «Кабардинские, черкесские и другие дела», поток документации, затрагивающий Кабарду, и в целом северокавказский регион, шел в двух направлениях и параллельно по двум каналам. Из Москвы от имени царя или Посольского приказа документы направлялись кабардинским владельцам, а также астраханским и терским воеводам. Это были жалованные грамоты, указы. Обратная документация шла в Москву из Кабарды, Астрахани и Терского города. Она состояла из челобитных кабардинских владельцев, отписок и докладов русских воевод. В этих источниках затрагивается разнообразный круг вопросов: о поездках кабардинских владельцев в Астрахань и выдаче им жалования, о противоборствующих княжеских группировках в Кабарде и участии в этом противостоянии терских и астраханских служилых людей, о приведении к присяге на подданство России (шертовании) князей и организации контроля за выполнением шертных обязательств, об отправлении кабардинских отрядов для участия в военных действиях против Швеции и Крымского ханства, о позиции кабардинской правящей верхушки по вопросу взаимоотношений Русского государства с Турцией, Крымом, Грузией, Ногайской ордой, Калмыцким ханством и народами Северного Кавказа. В многочисленных «памятях» различных приказов содержатся известия по определению жалования кабардинским князьям и мурзам, об освобождении отдельных из них от таможенных пошлин, имеются также сведения о доставляемых из Кабарды лошадях.

В русской дипломатической документации XVI–XVII вв. важное место занимают статейные списки различных посольств, которые характеризуют внешнюю политику Московского государства, укреплявшего постепенно свои позиции на Кавказе и стремившегося нейтрализовать в этом регионе влияния Персии, Турции и ее вассала – Крымского ханства. Как правило, посольства перед выездом снабжались «наказами», включавшими обширный перечень вопросов о географическом положении страны, ее народонаселении, городах, укрепленных местах, хозяйстве, торговле, военной силе, обычаях и т. д. Но главными были вопросы о внешнеполитических связях и политической ориентации. На примере статейных списков И.П. Новосельцева (1570 г.) и А.Ф. Жирового-Засекина (1600–1601 гг.) видно, как русские послы, отвергая притязания турок и персов, аргументированно доказывали, что Кабарда находилась в подданстве Русского государства⁶. В статейных списках Ф. Е. Елчина (1639–1640 гг.), Н.М. Толочанова и А. Иевлева (1650–1652 гг.), посольской документации В. Жидовинова и Ф. Порошина (1655 г.) отражены взаимоотношения и династические связи грузинского царского

дома и кабардинских великокняжеских домов, данные о хозяйстве и структуре кабардинских удельных княжеств XVII в.⁷, а также имеются сведения о балкарско-имеретинских контактах, балкарских владельцах и населении ущелья реки Восточный Черек⁸. Кроме того, в посольских делах, отразивших в мельчайших подробностях все обстоятельства пребывания в Москве грузинского царя Теймураза и приехавших с ним владельцев Тушинской и Шибутской земель, зафиксирован визит к русскому царю Алексею Михайловичу одного из «балхарских владельцев» Аргутая Айдаболова⁹. Это самое раннее письменное свидетельство о прямом политическом контакте представителя балкарской знати с русским правительством.

В XVIII в. несколько расширяется круг русских письменных источников о балкарских обществах, которые попадают в поле зрения российской администрации в связи с кабардинскими и осетинскими делами. Одним из наиболее информативных является документ «Дополнение к кабардинскому описанию», датированный 1743 г. Источник содержит лаконичную, но емкую характеристику «пятого народа», под которым подразумеваются все этнические подразделения балкарцев. В качестве переводчика при составлении этого документа выступал кизлярский дворянин Алексей Тузов, чьи сообщения об археологических памятниках на территории Балкарии, о религиозных верованиях, о местах жительства балкарцев существенно расширяют представления об этом народе в рассматриваемый период¹⁰.

Большой интерес для изучения кабардино-русских отношений XVI–XVIII вв. представляют такие акты, как шертные и жалованные грамоты. Шертные грамоты содержали присягу (шерть) кабардинских владельцев в верности России. Эта группа документов позволяет раскрыть формы и политико-правовую природу русско-кабардинских отношений в этот период¹¹. Наряду с шертными записями политико-правовые взаимоотношения сторон оформлялись дачей русскими государями верховным кабардинским князьям и всей кабардинской земле «царских жаловальных з золотой печатью» грамот, из которых самой ранней из дошедших до нас является грамота 1588 г.¹² Они были по своему виду договорными и близкими к княжеским «докончальным», повторяли при этом основные положения шертных присяг. Сам тип этих грамот свидетельствует о союзническом характере отношений, установившихся между Русским государством и Кабардой. Одновременно клаузулы документов указывают на их вассально-подданнический контекст: «...кто нам будет недруг, то бы и вам был недруг».

Помимо договорных грамот служившим в Терском городе кабардинским князьям выдавались жалованные грамоты типа льготно-несудимых. Так, в 1615 г. Сунчалея Янгличевич был пожалован князем «над окочаны и черкасы» «с правом судить и в ратном строении, и во всяких делах их ведать»¹³. Грамоты, предоставлявшие такие права, получили в свое время Шолох Сунчалеевич и Касбулат Муцалович¹⁴. Эти грамоты позволяют предполагать, что окоцкое и черкесское население Терского города пользовалось экстерриториальностью и не подчинялось терскому воеводе.

Параллельно с жалованными грамотами кабардинским князьям царская власть направляла указные грамоты астраханским и терским воеводам. В них воеводам сообщались фамилии жалованных кабардинских князей, давались инструкции по отношению к ним, определялся порядок выдачи жалования, содержались наказания по организации совместных походов и т. д. На жалованных грамотах кабардинским князьям, в отличие от указных, употреблялась всегда красная печать, что подчеркивалось в конце текста: «У той грамоты привешена на шелковом снуру из красного воску печать».

Со стороны кабардинских князей огромное количество грамот поступало в Посольский приказ и Коллегию иностранных дел. В них князья просили защиты от внешних и внутренних врагов, оказания военной и материальной помощи, документы содержали просьбы об отпуске в Москву к государю, а также сообщения

о планах и действиях недругов государства¹⁵. Таким образом, взаимоотношения Кабарды с Россией в рассматриваемый период оформлялись важнейшими публично-правовыми актами.

Комплекс материалов по вопросам военной и административной организации господствующей аристократии сосредотачивался с середины XVI по XVIII в. в Разрядном приказе, который являлся центральным военным учреждением государства. Эта группа документов в большей степени отражает общественно-политическую деятельность представителей различных ветвей кабардинских и западно-адыгских Черкасских, служивших в Москве и Терском городе. Содержащиеся в «Дворцовых разрядах» многочисленные «местнические дела» указывают на высокое положение Черкасских в иерархической структуре русского феодального общества. Согласно таким источникам, как Дворцовая тетрадь 1550-х гг. и Список чинов 1588–1589 гг., дающих наиболее полную картину состава служилых князей Московского государства, Черкасские к тому времени уже являются составной частью русской аристократии¹⁶.

Из документов Разрядного приказа наибольшую ценность имеют родословные книги, содержащие информацию о политической жизни различных адыгских княжеств. Возникновение родословных росписей князей Черкасских в России было, скорее всего, связано с необходимостью определения их положения наряду с другими служилыми фамилиями, а также местническими вопросами. Родословные «выезжих» адыгских князей начали составляться с начала XVII в. Они показывают, как адыгские князья со второй половины XVI в. в ранге служилых влились в состав правящего класса Московского государства и многие из них заметно проявили себя на политическом и военном поприще. Самыми известными и наиболее полными являются родословные росписи кабардинских князей, которые содержатся в родословных книгах А.М. Пушкина и А.Б. Лобанова-Ростовского¹⁷. В них говорится о внутреннем положении Кабарды конца XVI–XVII вв., характеризуются сословные права кабардинских владельцев, размеры их населенных пунктов (кабаков) и количество подвластного населения. Родословные росписи дают возможность полнее восстановить историю взаимоотношений адыгов с соседними народами – осетинами, вайнахами, дагестанцами, ногаями и калмыками, а также с такими государствами, как Россия и Крымское ханство. В этом контексте следует прежде всего назвать подробные росписи потомков Черкасских, содержащиеся в редакции родословной книги, в списке П. П. Вяземского¹⁸; родословные росписи Ахамашуковых, Егуповых и Чумаховых Черкасских из разрядного приказа РГАДА¹⁹; дело «По прошению владельца М. Кабарды майора князя Бековича-Черкасского» из фонда «Кавказское областное дворянское депутатское собрание» Ставропольского архива²⁰. Дошедшие до нас родословные росписи являются как бы остовом, по которому в сочетании с этногенетическими преданиями восстанавливается генеалогия адыгских княжеских родов. Они содержат массу сведений о деятельности, родстве, участии представителей различных ветвей Черкасских в политической жизни русского общества.

К указанной группе материалов близко примыкают документы частной переписки, адресованные Черкасским, которые служили в Москве. Они свидетельствуют о том, что князья Черкасские, занимая видное место в среде русской высшей феодальной знати, своим положением и связями оказывали влияние на ход северокавказских событий. В качестве примера можно сослаться на письма княгини Тауки Салтанбековны из Терского города, адресованные сыну, Михаилу Алегуковичу Черкасскому, или письмо тарковского шамхала Сурхая князю и воеводе Григорию Сунчалеевичу Черкасскому²¹. Другая часть писем адресована российскими государями Михаилу Алегуковичу, Александру Бековичу и Алексею Михайловичу Черкасским и касается проблем внутренней и внешней политики страны в конце XVII – первой половине XVIII в. и опубликована в многотомном издании «Письма и бумаги императора Петра Великого».

Общественно-политическая деятельность Черкасских в России также нашла отражение в документах Центрального государственного исторического архива (ф. 1088, Шереметевы), архива АН России (ф. 94, А.М. Шегрен), РГАДА (ф. 1293, Русское генеалогическое общество; ф. 197, А.Ф. Малиновский) и фондах отдела письменных источников Государственного исторического музея (ф. 68, 229, 253, 445, 450).

С конца XVIII в. меняется видовая структура всего корпуса источников по истории Северного Кавказа. Появляются военно-топографические и статистические описания, отчеты многочисленных научных экспедиций, делопроизводственная документация кавказской администрации, письма и воспоминания служивших на Кавказе военных, материалы различных правительственных комиссий, статистика, периодические издания.

При этом особо следует подчеркнуть, что в XIX в., когда в русском обществе резко возрастает интерес к Кавказу и народам его населяющим, в России разворачивается большая археографическая работа. И если 12-томное издание «Актów, собранных Кавказской археографической комиссией» лишь в незначительной степени затронула русские источники до XIX в., то деятельность С.А. Белокурова и П.Г. Буткова по публикации архивных документов XVI–XVIII по истории Кавказа трудно переоценить. Часть «кабардинских» и «грузинских» дел, не вошедшая в публикации С.А. Белокурова, хранится в его личном фонде в РГАДА (ф. 184) и Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 23). Многие из комплекса дипломатической документации Посольского приказа и Коллегии иностранных дел по взаимоотношениям России с Крымским ханством, Османским государством, Ногайской Ордой, Грузией, народами Северного Кавказа, донскими и терскими казаками благодаря Н.И. Новикову, А.Ф. Малиновскому, Г.Ф. Карпову, Г.Ф. Штедману, Ф. Лашкову, Н.И. Веселовскому, А.А. Лишину, Н.Н. Бантыш-Каменскому, С.Н. Кологривову, М. Оболенскому, И. Даниловичу, А.А. Цагарели, М.И. Броссе, М.Г. Джанашвили, П. Юдину и другим исследователям было опубликовано и введено в научный оборот уже к началу XX в. Советская историческая наука пополнила кавказоведение академическим археографическим изданием «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.», не потерявшим своего огромного значения и по сей день. В настоящее время продолжают архивоведческие разыскания и публикация документов по истории Кабарды и Балкарии XVI–XVIII вв.²².

Примечания

1. Кушева Е.Н. Северный Кавказ и международные отношения XVI–XVII вв. (обзор материалов русских архивов) // Исторический журнал. М.: Издательство «Правда», 1943. № 1. С. 60–68.

2. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Восточная литература, 1961. 259 с.

3. Пронштейн А.П. Материалы о народах Северного Кавказа XV–XVIII вв. в советских архивах // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Обществ. науки. Ростов-на-Дону, 1978. № 2. С. 3–6.

4. Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. С. 36–43.

5. Государственный архив России XVI столетия : Опыт реконструкции: В 3 ч. / Подгот. текста и коммент. А.А. Зимина. М.: Институт истории СССР, 1978. Ч. 2. С. 473.

6. Бушнев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государства в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1976. С. 369–371.

7. Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / отв. ред. Д.С. Лихачев. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 490 с.

8. Муратова Е.Г. Русские делопроизводственные материалы XVII века о Балкарии и балкарцах // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2011. № 1. С. 43–49.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 110. Оп. 1. 1658 г. Д. 5. Л. 1–69.
10. Материалы по истории Осетии (XVIII в.) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. VI. Орджоникидзе, 1934. С. 34–36.
11. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2-х тт. Т. I. XVI–XVII. М.: АН СССР, 1957. С. 51–346.
12. Там же. С. 51–367.
13. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI -30-е годы XVIII века). М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 294.
14. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2-х тт. Т. I. XVI–XVII. С. 107, 325.
15. Там же. С. 58–180.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Столпцы Московского стола. № 751. Столпик 3. Л. 19, 21.
17. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2-х тт. Т. I. XVI–XVII. М.: АН СССР, 1957. С. 383–387.
18. Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. М.: Наука, 1975. С. 61–63, 186–187.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 18. Д. 117.
20. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 53. Д. 85. Л. 1–118.
21. Кашкин Н.Н. Столпцы князей Черкасских. СПб.: Русское генеалогическое общество, 1902. С. 10–11; Поливектов М.А. Из переписки северокавказских феодалов XVII в. // Академия наук – академику Н.Я. Марру. М.–Л.: АН СССР, 1935. С. 745–755.
22. Народы Кабардино-Балкарии и Россия в политической истории Кавказа (сер. XVI – первая половина XIX в.). Документы и материалы. Ч. 1 / сост. К.Ф. Дзамихов. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 400 с.

THE HISTORY OF THE KABARDA AND BALKARIA OF THE XVI–XVIII CENTURIES IN THE REFLECTION OF RUSSIAN SOURCES

Dzamikhov Kasbolat Fitsevich, Doctor of history, professor, director of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), casbolat2013@yandex.ru

Muratova Elena Georgievna, Doctor of historical sciences of the Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov, lena_gm@mail.ru

The article reviews the documentary sources on the history of Kabarda and Balkaria of 16th–18th centuries. The subject sources of the following central archives are described: the Russian State Archive of Ancient Documents, the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, the Russian State Military Historical Archive, the Archive of the St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, the Manuscript Fund of the State Historical Museum and other archival collections. The authors offer a classification documents and point out unique features of the information contained in these sources. These sources, partially published in various collections of documents, reflect the political, social and legal relations between the peoples of Kabardino-Balkaria or their representatives and the Russian state in the 16th–18th centuries.

Keywords: Kabarda, Balkaria, 16th–18th centuries, historiography, archives, archive sources, source study.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-7-13

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В КАБАРДЕ В 40-х гг. XVIII в.: ВНУТРЕННИЕ КОЛЛИЗИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ «ВОЛЬНОСТИ» СТРАНЫ

Алоев Тимур Хазраилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), aloborsa@mail.ru

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), osman.zhansitov@yandex.ru

В статье исследуются основные траектории политического процесса в Большой Кабарде в контексте действия 6-й статьи Белградского договора 1739 г., где зафиксирован ее «вольный» статус. Одним из основных хронологических реперов повествования выступает 1742 г., когда в Кабарде возобновилось межкняжеское противостояние Баксанской и Кашкатауской партий. В работе отслеживается динамика политических пертурбаций в среде правящей элиты, которая спустя несколько лет привела к резкой потере баланса в системе «сдержек и противовесов» кабардинского политикума, что явилось результатом изгнания княжеского клана Мисост. Обращение к первоисточникам при выяснении этого нетривиального для политического процесса Кабарды рассматриваемого периода события позволяет выявить не только эндогенные факторы сюжета, но и мощные внешнеполитические детерминанты процесса. В этой связи особое внимание уделяется реализации приоритетов российской дипломатии в Кабарде, как посредством использования условий международного договора, так и через продолжение политики манипуляций межкняжескими противоречиями.

Ключевые слова: Кабарда, Белградский договор, политический процесс, Баксанская партия, Кашкатауская партия

Исследование сущностных черт интерференции различных социополитических сил на Северном Кавказе в середине XVIII в. имеет основополагающее значение для понимания «логики» последующей траектории развития исторического процесса в регионе. В этом плане рассмотрение взаимодействия двух основных акторов в регионе – Кабарды и России, от которых зависел динамизм и вектор политического процесса на Кавказе (несмотря на то, что в более широком геополитическом контексте равновеликим игроком для первой выступало Крымское ханство, а для последней – Оттоманская Порта) будет способствовать выявлению степени «инкубационности» рассматриваемого периода относительно характера взаимоотношений, проявившегося во второй половине столетия. Думается, что хронологически весьма непротяженный исторический сюжет, связанный с изгнанием в 1747 г. княжеского рода Мисост из Кабарды, позволит углубить понимание содержания политики России (стремительно приближавшейся к положению безоговорочной военно-политической доминанты в регионе) в отношении неумолимо терявшей свои позиции Кабарды, а также высветить, в некоторой степени, насколько явственно обозначившееся с 1763 г. открытое «столкновение» между ними «генетически» произрастает из сформулированных в это время подходов.

Если вплоть до окончания войны с османами (1739) Россия видела в Кабарде потенциальную, а зачастую и реальную союзницу, чья внутренняя устойчивость и сплоченность политической элиты была, как правило, желаемой, то с этого времени привлекательность последней в этом качестве в глазах Петербурга начала существенно ослабевать. По-видимому, это было связано как с внутривосточной нестабильностью в Большой Кабарде, давно приобретшей хронический характер, так и со сменой геополитических приоритетов России в регионе, к которым стремление к сохранению прежних равноправных (с элементами патернализма) отношений с политиями Северного Кавказа более не относилось.

Во всяком случае, начиная со времени обозначившегося начала очередного цикла противостояния между Баксанской и Кашкатауской партиями в середине 1742 г. и до изгнания клана Мисост из Кабарды в 1747 г. в полной мере проявилась выразительная тенденция, свидетельствующая о новых внешнеполитических ориентирах Российской империи в Кабарде. Как справедливо отмечал В.Н. Кудашев: «Борьба партий в Кабарде (возобновившаяся в 1742 г. – Т.А.) открывала для России путь широкого влияния на кабардинские дела»¹. В этот период в полной мере проявляются задачи и способы осуществления российского влияния в Кабарде, направленного на обеспечение устойчивого режима, если не контроля, то предсказуемости политических процессов. Приступая к реализации новой модели политического взаимодействия с Кабардой, российскому руководству необходимо было внедрять ее крайне осторожно, учитывая, как возможность обострения отношений с Портой (в случае его неуклюжих действий), так и продекларированную совместно с последней «вольность» Кабарды.

Высвечивая алгоритм мероприятий Петербурга, подтверждающих формирование политики «устойчивого вмешательства» в дела Большой Кабарды и ее соотнесенность с вышеизложенными «внешними» факторами, пожалуй, следует начать с кабардинского посольства в Россию во главе с князем Мисост Магометом в 1742–1744 гг. Его инициаторами были князья Баксанской партии, которые после возобновления конфликта с Кайтуко Асланбеком попытались использовать ресурсы России для окончательной победы над «кашкатауцами». В своем письме в Петербург «баксанцы» отмечали: «От приводу брата нашего Арслан-бека (Кайтуко Асланбек. – *Авт.*)... завсегда на нас крымского войска мы покою себе иметь не можем, и для того все подданнейше просим, когда ради помощи нам войско потребно будет, дабы калмыцкое или донское казачье войско всемиловнейше назначено и определено было»². Безоговорочная поддержка «баксанцев» в той форме, в которой предлагалась ими, грозила России осложнением отношений, а то и возобновлением военного противостояния с Османской империей. Поэтому Коллегия иностранных дел после длительного (более года) изучения данных об антироссийской направленности действий лидера «кашкатауцев» пришла к выводу о том, что «Арслан-бек российским интересом противности не чинит, то для партикулярной их («баксанцев» с «кашкатауцами». – *Авт.*) ссоры войсками российскими смирить его с вышеписанным трактатом (Белградским. – *Авт.*) сходства быть не может... »³. Таким образом, формулировка позиции российского руководства, апеллировавшей к условиям Белградского мирного договора 1739 г., по которым державы признавали «вольность» Кабарды и фиксировали отказ от военного давления на нее подтверждает вышеприведенный тезис о гибкости и осторожности наращивания Петербургом вмешательства во внутренние дела княжества. И действительно, деятельность внешнеполитического ведомства в отношении Кабарды в этот период продемонстрировала особую изощренность в способах своего влияния и предельную заостренность на достижение главной цели – осуществление режима «устойчивого вмешательства» через поддержание раскола ее политической элиты.

В свете вышеизложенного становится понятно, что впечатление провальности посольства Мисост Магомета в Петербург в 1742 – 1744 гг. является обманчивым.

В самом деле, данное посольство было неудачным как «кабардинское», а если рассматривать его как сугубо «баксанское», становится очевидным его успешность. Чтобы понять это, достаточно вспомнить, что ни по одной из проблем, выдвинутых Мисост Магометом, разрешение которых напрямую затрагивало общекабардинские интересы, в Петербурге не нашли возможностей для положительного решения. Российское руководство, по сути, не поддержало требование о возврате «беглецов» из Кабарды. Оно не дало положительного ответа и на такую просьбу, чтобы «узденей в аманаты не брали б». Да и возобновление выплаты ежегодного «жалованья», на котором справедливо настаивали кабардинцы, не было осуществлено. Теперь этот пункт кабардинских требований стал в руках Коллегии дополнительным рычагом манипулирования противостоянием потомков Пшеапшоко Кази.

Казалось бы, своими отказами по всем главным направлениям кабардино-российских отношений Петербург демонстрировал полное пренебрежение ими и рисковал их подрывом. Однако его поощрительная позиция, направленная на поддержку Баксанской партии нейтрализовала такую угрозу. В одном из документов, явственно характеризующих политические приоритеты России в кабардинских делах, в частности говорится, что императрица Елизавета «...указать соизволила послать в Кабарду знатную персону, брегадира и царицынского коменданта Кольцова, которому их, кабардинских владельцев, в зашедших между ими ссорах добрым способом примирить и согласить, *причем им, владельцем баксанской партии всевозможная Е. И. В. милость показана быть может*»⁴ (курсив наш. – Авт.).

Покровительство по отношению к «баксанцам» проявлялось и в других ситуациях. Так, 15 декабря 1743 г., незадолго перед выездом на родину, Мисост Магомету была вручена августейшая грамота, по которой посол информировался о выдаче князьям Баксанской группировки 2000 рублей. Спустя три дня, 19 декабря, Коллегия иностранных дел подготовила две грамоты с одинаковым содержанием в адрес лидеров обеих партий, где сообщалось о направлении в Кабарду посредника для примирения сторон. Однако не примирение само по себе было целью «миротворческой» миссии бригадира Кольцова, а условия при которых оно должно было быть достигнуто. То есть, требовалось «мир учинить (в Кабарде. – Авт.) без предосуждения к стороне нашей (российской. – Авт.), и с возможною баксанской партии пользою»⁵ (курсив наш. – Авт.). Такая однозначная установка Коллегии столь же, по-военному, прямолинейно была воспринята царицынским комендантом. Приехавшие к месту расположения Кольцова лидеры «кашкатауцев» «увидели зделанной кругом ево лагоря вал и поставлены пушки и караул, и с ним были вместе все баксанские владельцы...» Дальнейший ход событий Кайтуко Асланбек описывал следующим образом: «...и он к нам выслал с приказом, чтоб мы с себя сняли панцыри и сабли, и конечно чтоб при нас и ножика не было; и я в разсуждении том, что он, брегадир, словами нас обнадеживал, якобы разсудить и помирить приехал, а по притчине той, что он велел нам сабли сняв к себе притти, убоялся и затем я к нему, брегадиру не пошел»⁶. Кайтуко Асланбек аргументировал свой поступок тем, что даже к Петру I он заходил с оружием⁷.

Здесь уместно отметить, что выработка такой однозначной политики как в отношении Кабарды и столь же настойчивая ее реализация не были типичными схемами взаимодействия России с политическими образованиями на ее юго-восточных рубежах. К примеру, на протяжении всех 40-х гг. XVIII в. и позже российское руководство никак не могло определиться с выработкой единой стратегии обеспечения своих интересов в казахских степях. Здесь соперничали два различавшихся подхода по упрочению российских позиций в регионе⁸.

Еще одним показателем успешности миссии Мисост Магомета в качестве посла от Баксанской партии является тот факт, что во многом, благодаря его усилиям наметившийся был альянс между «кашкатауцами» и калмыцким ханом Дондук-Дашей против «союзных» кланов Хатокшоко и Мисост не состоялся. Во время

нахождения Мисост Магомета в России, в 1743 г., калмыцкий правитель получил указ из Петербурга о запрете любых антикабардинских, т.е. антибаксанских акций⁹. Примеры явного или косвенного стимулирования «баксанского» преобладания в Кабарде, предпринятые со стороны российского руководства в рассматриваемый период не ограничиваются вышеуказанными проявлениями. Однако и их достаточно, чтобы очертить общие контуры системы российского вмешательства в политическую жизнь «вольной» Кабарды.

Становым хребтом российской политики в Кабарде, предопределенной условиями Белградского мира 1739 г. и начавшей рельефно проявляться со времени появления в Петербурге «баксанского» посла Мисост Магомета в 1742 г., стали подпитка источников противостояния расколотой правящей элиты и стимулирование деструктивного потенциала политической системы страны. Обеспечивалось это через предоставление существенных преференций Баксанской партии в ущерб «кашкатауцам». Ввиду того обстоятельства, что решительный перевес «баксанцев» над «кашкатауцами» привел бы к устранению условий российского вмешательства во внутренние дела Большой Кабарды, Петербург пристально следил за сохранением здесь выгодного ему баланса сил. Доминировавшие тогда в Кабарде дезинтеграционные тенденции предоставили России инструменты влияния на ее политическую систему, уязвимость которой под воздействием внешних факторов становилась очевидной и неизбежной. В этих условиях дипломатия Российской империи приблизилась к той степени влияния в Кабарде, когда характер протекания по преимуществу внутреннего конфликта в стране стал бы целиком и полностью зависеть от ее воли. Фактически к исходу первой половины 1740-х гг. Россия уже обладала рычагами эффективного воздействия, контроля и манипулирования умело внедренной схемой взаимодействия между враждующими партиями страны.

Однако непрочность указанной системы российского вмешательства в кабардинские дела проявилась сразу же после смерти Кайтуко Асланбека во второй половине 1746 г. Его уход спровоцировал обнаружение острых противоречий между кланами, образовавшими Баксанскую партию и носивших до этого латентный характер. В результате «оставшие владельцы, братья и дети его (Кайтуко Асланбека. – Авт.) в 1747-м году с старшим баксанским владельцем» Хатокшоко Баматом, «посредством детей его от расланбековой сестры рожденных, примирились и согласились так, что одним без других ничего не делать и ни с кем не списываться, и тогда выгнали с Баксану» Мисост Касая «с его братьями, а сами и с своими подданными для житья перешли в Баксан и завладели Касаевыми подданными»¹⁰.

Не вдаваясь в выяснение всех причин такого завершения очередного цикла межкняжеского противостояния, рассмотрим формы реагирования Петербурга на крушение платформы российской политики в Кабарде и меры, предпринятые им для восстановления своего влияния здесь.

Примечательно, что покинувшие Кабарду представители высшей знати не колебались в выборе (в отличие, например, от клана Бекмурза, оказавшегося в 1737 г. в таком же положении) рычагов воздействия на княжеское сообщество страны для быстрейшего восстановления своего status-quo. Они, и, прежде всего их глава – многоопытный политик князь Касай, отчетливо понимали, что их изгнание не могло быть воспринято равнодушно в России. Именно поэтому Мисост Касай со своим кланом из двенадцати человек, в сопровождении сотенного отряда уорков, вместе с «собственными тех владельцев конскими стадами» вскоре появились в Кизляре¹¹.

В течение лета-осени 1747 г. российская сторона предприняла ряд попыток по возвращению изолированного и выдвинутого из страны клана в Кабарду. 13 июня Бекмурза Батоко и Хатокшоко Бамат получили письмо от астраханского губернатора Брылкина с изложением негативной реакции России на изгнание неугодных им князей. Правители Кабарды проигнорировали его рекомендации. Безрезультатной оказалась и поездка Э. Бекович-Черкасского, осуществленная по указанной

причине¹². Тщетными были и усилия вице-канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, который в своем письме от 29 сентября 1747 г. лично к Хатокшоко Бамату взывал то к его интеллектуальным способностям, то к моральным качествам, напоминая о долголетней дружбе с Касаем. В целях поощрения российский вице-канцлер предлагал в случае следования Хатокшоко Бамата его рекомендациям снизить количество кабардинских аманатов до двух человек. Но самый могущественный князь Большой Кабарды остался равнодушен и к этому предложению, т. к. среди аманатов не было ни одного представителя клана Хатокшоко.

В течение всего 1747 г. находившиеся в Кизляре князья выступали в роли заинтересованных, вполне информированных о событиях в Кабарде, но весьма ограниченных в возможностях влияния на них наблюдателей. Им оставалось уповать на действенность российского нажима на княжеское сообщество Кабарды. С обострением внутривнутриполитической ситуации в стране в самом начале 1748 г. и расколом феодальной коалиции, образовавшейся после изгнания клана Мисост, последние получили дополнительную мотивацию для активизации своих действий. На наш взгляд, именно с этого времени князья Мисост начали упорно добиваться российского военного вмешательства для восстановления своих позиций. Большой опыт, накопленный Мисост Касаем за десятилетия активной политической деятельности, наполненной участием в формировании и трансформации разных феодальных коалиций, подвиг его на решение воспользоваться особенностями сложившейся новой конфигурации межкняжеского противостояния в Кабарде. А они заключались, прежде всего, в том, что линия раскола между противостоявшими группировками знати прошла не по удельному или «партийному» признаку. В разных лагерях, оказались Бамат – глава удела Хатокшоко и Кайтуко Джамбулат с одной стороны и пщышхуэ Бекмурза Батоко с Кайтуко Хамурзой с другой. Так как в это время в уделе Кайтуко доминировал сын покойного пщышхуэ Хамурза (несмотря на старшинство Джамбулата) использование ресурсов удела старшим представителем рода было проблематичным. Таким образом, лагерь, возглавляемый пщышхуэ Батоко, имел значительно более предпочтительные позиции. К тому же главный актер в деле изгнания клана Мисост – Хатокшоко Бамат скомпрометировал себя поиском поддержки у Бахчисарая.

В феврале 1748 г. Бекмурза Батоко передал через кизлярского дворянина А. Брагунского, что «нынешним летом возьмут они (Бекмурза Б. и Кайтуко Х. – *Авт.*) его, Касая, с партией к себе в Кабарду»¹³. Чем бы не руководствовался пщышхуэ, иницируя сближение с Мисост Касаем ясно, что при присоединении к нему ресурсов последних его противники оказывались в изоляции. Однако каким бы естественным и разумным не казалось их стремление к сближению, реализация такой потенции была далека от завершения. Ведь неспроста пщышхуэ отсрочивал возвращение клана Мисост до лета. Он понимал, что непреодолимых противоречий с Хатокшоко Баматом и Кайтуко Джамбулатом у него нет. К тому же было ясно, что впредь влиять на дискредитировавших себя перед Россией князей будет легче, чем на пользующихся всемерной поддержкой последней князей.

Следует отметить, что и князья Мисост не желали возвращаться в Кабарду на правах прощенных, а значит уязвимых и зависимых участников политического процесса. Они хотели продемонстрировать, что за ними стоит мощь Российской империи. В силу того, что пограничные власти не могли без санкции из центра предпринять военный поход в Кабарду, клан Мисост направил в Петербург с миссией добиться указанной цели младшего брата Касая – Бактагирея. Однако далее Астрахани ему проехать не разрешили. Российское руководство мотивировало это тем, что «хотя б он Бактагирей и сюда был допущен, но с ним яко с молодым бекком о его Касаевой пользе разсуждать было неудобно...»¹⁴. Надуманность такой отговорки очевидна хотя бы потому, что в это время «молодому беку» было примерно 46 лет¹⁵. По всей видимости, такой ответ имел целью оттянуть время для

решительных действий. Даже совсем не заинтересованные в осуществлении Петербургом активных мероприятий по поддержке изгнанного клана кабардинские князья констатировали, что ситуация с изгнанниками «проволочитца».

Более полному пониманию тактики «проволочения», избранной в это время российским руководством, ее источников и форм осуществления будет способствовать документ под названием «Записка, по которой кабардинскому владельцу Касаю Атажукину (Мисост Касаю. – *Авт.*) объявлены притчины, для чего посылать нельзя в Кабарду российских войск для его тамо утверждения»¹⁶. По сути, эта записка являлась инструкцией пограничным властям, содержание которой необходимо было довести до адресата в устной форме.

Примечательно, что документ, состоящий из пяти пунктов, каждый из которых оправдывал воздержание России от военной поддержки клана Мисост, начинается с утверждения о том, что «давно б мочно было войсками Е.И.В. ево Касая в Кабарде и силою возставить...»¹⁷. Однако в таком пассаже внешнеполитического ведомства имелась определенная доля лукавства, в том смысле, что попытка силового воздействия на княжескую олигархию сама по себе сулила непредвиденные последствия для ее инициатора. Фактически Россия не имела опыта военных действий с Кабардой в XVIII в. И, несмотря на то, что войска последней относились к разряду иррегулярных, т.е. а ргiогi более уязвимых, чем по-европейски организованная армия Российской империи возможности военного потенциала Кабарды не были полностью прозрачны для российского руководства. Поэтому отнюдь не случайно, что известное «Описание кабардинского народа...», где особое внимание уделяется военному потенциалу как Большой, так и Малой Кабарды было подготовлено в рассматриваемое время, т.е. в мае 1748 г.¹⁸ Возможно военное вторжение в Кабарду какое-то время и фигурировало как одно из вероятных сценариев реставрации позиций клана Мисост. Однако внушительный военный потенциал Кабарды и продекларированная правящей коалицией жесткая позиция, не допускавшая ни малейшего вмешательства в ее внутренние дела¹⁹, в значительной степени обусловили отказ Петербурга от силовых методов влияния на кабардинские дела.

Отказ от прямой военной поддержки «князей-изгоев» и проявленная медлительность в выработке иных способов давления на политическую элиту Кабарды вынудил клан Мисост предпринять самостоятельные меры по своему возвращению в страну. Князья покинули Кизляр в промежутке между маем и ноябрем 1748 г., видимо с намерением воспользоваться новыми межкняжескими противоречиями. В это время отношения Мисост со своими покровителями (по крайней мере, с пограничным начальством) отнюдь не характеризовались взаимной комплиментарностью. Об этом со всей очевидностью свидетельствует тот факт, что «князья-изгои» не проинформировали кизлярское начальство ни о цели, ни о конечном пункте своего очередного перемещения. Российское руководство не знало, находятся ли Мисост «в осетинских горах или в Чечнях или| в Малой Кабарде...»²⁰.

Именно в этот период была составлена вышеупомянутая «Записка...», целью которой стала реанимация репутации России как последовательного покровителя клана Мисост (в глазах последних) в условиях свершившегося факта утраты Петербургом политической инициативы в этом вопросе. Видимо поэтому пункты «Записки...» представляли собой попытку создания благоприятного идеологического фона самооправдания оставляющего впечатление жеста отчаяния.

Опорной идеей «Записки...» является увязка действий России в отношении Кабарды с имплементацией положений Белградского договора. Для доведения до сведения Мисост Касаю здесь говорится, что «сие с Турецким государством в трактате постановление (шестая статья Белградского договора. – *Авт.*) учинено, более для того, чтоб крымцы и кубанцы их кабардинцев набегами своими необеспокоивали...»²¹. Хотя по большому счету именно этот договор подводил формальную базу под возможности систематического вмешательства держав-

контрагентов Белградского договора во внутренние дела Кабарды. Для того, чтобы понять это достаточно вспомнить концовку шестой статьи указанного трактата: «...а ежели помянутые кабардинцы причину жалоб подадут одной или другой державе, то каждой позволяется наказать»²². Думается излишне доказывать, что при необходимости и Порты, и Россия с легкостью могли найти «причину жалоб».

Далее, составители «Записки...», постаравшиеся показать, что именно Белградский договор является наиболее действенным гарантом безопасности Кабарды, в весьма откровенных выражениях очертили диапазон действий, за рамки которых Петербург не был готов идти в поддержании клана Мисост. В тексте документа отмечается: «И для того, и что Магомед Кургокин (Хатокшоко Бамат. – *Авт.*) с прочими кабардинскими владельцы доньне к российской стороне, никакой противности наказанию достойной не учинили, а с ним Касаем и с его братьями по их кабардинским обычаям между себя партикулярно поссорились, российских войск на Кабарду посылать противно справедливости, и мирному с Туркиєю трактату, как и он Касаи сам разсудить может, что для их кабардинских владельцов партикулярных ссор между двумя великими империями холодность произвести не пристойно...»²³.

После этого, напоминания о неоднократных попытках помочь через посланных в Кабарду «нарочных» и предоставление на волю князя Касая решение судьбы находившегося в Астрахани аманатом Кайтуко Аслануко служили слабым утешением для князей Мисост. На этом фоне весьма умелым психологическим ходом внешнеполитического ведомства можно признать указание на те предпочтения, которыми пользовался изгнанный из Кабарды род. В документе по этому поводу отмечается, что «...удовольствие его Касаи з братьями и узденями в бытность его в Кизляре кормовыми денгами чинено, как и он Касай признает, в разсуждении прежней его Касаевой служб и в показание к нему высочайшей Е.И.В. милости и другим не в пример, что и сим подтверждается, ибо в 1737-м году по изгнании из Кабарды Бекмурзиных детей (клан Бекмурза. – *Авт.*) хотя из оных Касим... приезжал в Астрахань, и тогда оной не токмо кормовыми денгами не доволствован, но из Астрахани выслан»²⁴.

Следует также отметить, что негативная реакция, вызванная недопущением князя Бактагирея в Петербург, не могла быть сглажена одним только словесным выражением поддержки князьям Мисост. Внешнеполитическому ведомству необходимо было продемонстрировать более весомый аргумент своей неослабной благосклонности к ним. В известном смысле беспроигрышным шагом в этом направлении явилось «... позволение самому ему Касаю побывать здесь (в центре. – *Авт.*) на время для единого того, дабы его от неперемной к нему Е.И.В. милости уверить, и по его искусству... и кабардинских дел знанию советовать с ним не найдутся ль другие какие меры чтоб бес посылки российских войск в Кабарду он принят был»²⁵.

Примечательно, что эта санкция была дана в тот период, когда местонахождение князей Мисост не было известно ни в центре, ни пограничным властям в регионе. Если бы даже за время пересылки документа на Кавказ они и появились в Кизляре, само указание на то, что предметом обсуждения возможных переговоров князя Касая в Петербурге могли стать только упомянутые «невооруженные» способы его водворения в Кабарде, уже лишало лидера изгнанного клана мотива для поездки в Россию. Таким образом, Петербург, подтверждая свою линию поддержки клана Мисост показывал, что она будет проводиться только в той мере, в которой ее осуществление не будет угрожать его собственной безопасности. И все же понимание того обстоятельства, что без лояльности со стороны Мисост перспективы возрождения удобной модели вмешательства России в кабардинские дела были весьма туманными подвигало авторов «Записки...» к демонстрации своей готовности повторно принять Мисост в Кизляре и обещанию, что «...и кормовые деньги, велено ему и со обретающимися при нем производить по-прежнему»²⁶.

Как бы то ни было не позже октября 1748 г. расколовшаяся в начале того же года коалиция была восстановлена²⁷. В связи с этим самостоятельные инициативы

князей Мисост были обречены на провал. Это означало, что и опасения российского руководства, заставлявшие его прибегнуть к определенным уступкам стали беспочвенными. Ведь вчерашние недоброжелатели особо усилили свою антимиостовскую политику. Так, 30 ноября 1748 г., вернувшийся из Большой Кабарды уорк изгнанного княжеского клана извещал, что «третьего дня и вчерась владельцы и уздени были все в собрании в доме Баток бека (пщышхуэ Бекмурза Батоко. – Авт.) и положили де владельцы» напасть на находившегося в Анзоровых кабаках князя Касая²⁸.

Лишь спустя год после этих событий, не позднее октября 1749 г., состоялось возвращение изгнанников в Кабарду. На данный момент нельзя достоверно сказать о роли России в его осуществлении. Однако бесспорно, что российское руководство считало значительным успехом возвращение клана Мисост в кабардинский политический процесс в качестве полноправного его актора. Об этом свидетельствует письмо канцлера Бестужева-Рюмина от 10 ноября 1749 г., направленное лидерам новой коалиции, образовавшейся после изгнания из Кабарды, теперь пщышхуэ Бекмурза Батоко. В нем высокопоставленный российский чиновник отмечал, что «...весьма приятна была сия ведомость, что ныне все ваши такие... вам же вредительные ссоры полезным миром прекратились. И вы, Касай-бек, находитесь по-прежнему в отечестве и в доме вашем благополучно»²⁹. Далее следует извещение о том, что императрица указала выдать «жалованья денег тысячу рублей».

Несмотря на то, что возвращение клана Мисост сопровождалось изгнанием пщышхуэ, а следовательно и политический кризис в стране всего лишь вошел в военную фазу своего развития А.П. Бестужев-Рюмин умудрился увидеть в этом достижение «мира и доброго покоя» чем и советовал пользоваться получателям своего послания³⁰. Однако понятно, что рекомендация российского канцлера была направлена не на сохранение мира, (мнимость которого ему была хорошо известна), а на поддержку удобной и контролируемой внутривосточной конфигурации сил в Большой Кабарде, которая в основных чертах была реанимирована с возвращением в Кабарду клана Мисост.

Примечания

1. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 59.
2. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. (Документы и материалы в 2-х томах). М., 1957. Т. II. С. 104 (в дальнейшем – КРО).
3. Там же. С. 109.
4. КРО. М., 1957. Т. 2. С. 110.
5. Там же. С. 120.
6. Там же. С. 125.
7. Там же.
8. См.: *Khodarkovsky M. Colonial Frontiers in Eighteenth-Century: From the North Caucasus to Central Asia // Extending the Borders of Russian History. Essays in honor of Alfred J.Rieber. Edited by Marsha Siefert. Budapest: New York, 2003. P. 131.*
9. КРО. Т. 2. С. 111.
10. Там же. С. 155.
11. КРО. Т. 2. С. 146, 158.
12. Там же. С. 156.
13. КРО. Т. II. С. 158.
14. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 3 (в дальнейшем – АВПРИ).
15. В марте 1732 г. князь М. Мисостов при расспросе в Коллегии иностранных дел сообщал, что у него имеется брат родной «Вахтыгирей-бек – 30 лет» (КРО. Т. II.). С. 58. Князь Касай Мисостов приходился упомянутым лицам старшим братом.
16. АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1. Д. 1. Л. 3.
17. Там же. Л. 1.
18. КРО. Т. II. С. 152–161.

19. Там же. С. 156; Правящая княжеская коалиция озвучила свою жесткую позицию во время приезда в Кабарду Э. Бекович-Черкасского. Он прибыл с целью убедить правителей страны разрешить вернуться Мисостовым. Российскому представителю, в частности, было заявлено, «что ежели они, кабардинцы, потребны быть в подданстве Е.И.В., то б с российской стороны в дела их не вступать...» (КРО. Т. II. С. 156). А подданство они понимали как выполнение возложенных на себя обязательств. О видении кабардинской элитой своего статуса во взаимоотношениях с Россией свидетельствуют следующие примеры. В 1765 г. Касай Мисостов, Мисост Баматов и Кази Кайсинов писали Екатерине II: «...мы нижайше вашему величеству издревле присяжными именуемся и для того ту нашу присягу и донныне наблюдаем безпорочно...» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/2, 1762–1778. Д. 8. Л. 112). В декабре 1779 г. ген. Якоби информировал свое начальство: «Будучи таким образом принуждены силой оружия, прислали они (кабардинцы. – Т.А.) просить прощения; но и при сем случае, однакож, в письме своем объявили, что с самых времен царя Иоанна Васильевича они никогда не были российскими подданными, а находясь так, как кунаки (гости или приятели), в покровительстве, что и ныне желают покориться на тех же условиях» (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1866. Т. I. С. 91).
20. АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 3.
21. Там же. Л. 1.
22. Юзефович Т. П. Договоры России с Востоком. СПб., 1869. С. 19.
23. АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 1.
24. Там же. Л. 2.
25. Там же. Л. 3.
26. АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 1.
27. КРО. Т. II. С. 161.
28. АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 1. 1748. Д. 5. Л. 50; Цит. по: *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 254.
29. КРО. Т. II. С. 165.
30. Там же.

THE POLITICAL PROCESS IN KABARDA IN THE 1740S. XVIII CENTURY: INTERNAL CONFLICTS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL RECOGNITION OF “FREEDOM” OF THE COUNTRY

Aloev Timur Khazrailovich, Candidate of History, senior researcher of the Department of Medieval and Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), aloborsa@mail.ru

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of History, senior researcher of the Department of Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), osman.zhansitov@yandex.ru

The article examines the main trajectories of the political process in Greater Kabarda in the context of the 6th article of the Belgrade Treaty of 1739, where its “free” status is fixed. One of the main chronological reference frames of the narrative appears in 1742 when the inter-princely confrontation between the Baksan and Kashkatau parties resumed in Kabarda. The work tracks the dynamics of political upheavals among the ruling elite, which led to a sharp loss of balance in the system of “checks and balances” of Kabardian politics several years later, which resulted from the expulsion of the princely clan Misost. Appeal to primary sources in elucidating this event, which is not trivial for the political process of Kabarda of the period under consideration, allows us to identify not only the endogenous factors of the plot, but also the powerful foreign policy determinants of the process. In this regard, special attention is paid to the implementation of the priorities of Russian diplomacy in Kabarda, both through the use of the terms of the international treaty, and through the continuation of the policy of manipulation inter-princely contradictions.

Keywords: Kabarda, Belgrade Treaty, political process, Baksan party, Kashkatau party

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-14-22

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Гугова Марина Хабасовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), gugowa@mail.ru

В статье анализируется социально-культурное и экономическое развитие Кабардино-Балкарии накануне и в начальный период Великой Отечественной войны. Годы социалистических преобразований разрушили сложившийся на протяжении многих веков традиционный уклад жизни. Результаты в повышении уровня образования и грамотности населения относятся к успехам советской власти, оказавшим решающее влияние на европеизацию образа жизни кабардинцев и балкарцев. Особое внимание автор уделяет деятельности партийных и советских органов власти по мобилизации ресурсов республики для нужд войны. Рассматривается роль населения в оказании помощи армии в отражении натиска врага на территории республики. Основные выводы: в предвоенный период народы Кабардино-Балкарии пережили коренные изменения в социально-культурной и экономической сферах, совершили мощный рывок от традиционного общества к индустриально-аграрному. Народы Кабардино-Балкарии внесли весомый ратный и трудовой вклад в победу в Великой Отечественной войне. Об этом свидетельствуют масштабы военной мобилизации и добровольчества, участия гражданского населения в строительстве оборонительных сооружений и в поставке фронту продукции.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, Великая Отечественная война, народное хозяйство, промышленность, сельское хозяйство, мобилизация.

В конце 1920-х гг. в СССР начинается активная фаза советской модернизации, связанная с переходом к курсу на индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства. В Кабардино-Балкарии растет фабрично-заводская промышленность. Наибольшее развитие получает пищевая, легкая, лесная отрасли промышленности. В ходе индустриализации к 1939 г. в Кабардино-Балкарии ввели в эксплуатацию 73 промышленных предприятия (11700 рабочих). 33% всех предприятий имели союзное подчинение, 17% – подчинение РСФСР¹. Преобладали предприятия легкой и пищевой промышленности (2/3 всей промышленной продукции). Пищевая промышленность составляла половину всей довоенной валовой продукции Кабардино-Балкарии². В других отраслях выделялись Тырныауский горно-обогатительный комбинат, Нальчикский машиностроительный и Прохладненский мотороремонтный заводы, предприятия строительной промышленности. В тоже время хлебозаготовительные кампании сопровождалась массовым и насильственным изъятием у крестьян продукция и инвентаря. В октябре 1929 г. колхозы области объединили 14% крестьянских хозяйств. Но к концу года «назрели условия для сплошной коллективизации». В погоне за высокими показателями партийное руководство к марту 1930 г. коллективизировало 84 % хозяйств (по Северному Кавказу – 78%, по стране – 54%)³.

Крутой поворот в советской политике, методы насилия и принуждения вызвали волну вооруженных восстаний по всему Северному Кавказу, охватившую в 1928–1930-х гг. и ряд кабардинских и балкарских сел. В Баксанском округе,

Чегемском и Баксанском ущельях, с. Верхний Курп в них приняли участие тысячи крестьян (арестовано свыше 250 чел., расстреляно – 20)⁴.

Участники крестьянских выступлений были против насильственной коллективизации и вмешательства власти в религию и обычаи. Часть кулаков и мусульманского духовенства, встав в оппозицию к власти, запугивала население тем, что коллективизация грозит русификацией, ликвидацией института семьи, «обобществлением» жен, домашних животных и материальных ценностей.

Тем не менее, накануне войны в республике действовали 151 колхоз, 10 совхозов, 16 МТС. 90 % полей возделывались машинами (свыше 1000 тракторов и 326 комбайнов)⁵. Соотношение площади зерновых угодий, урожая зерна и численности скота к аналогичным показателям страны превышало соотношение площади Кабардино-Балкарии к общесоюзной в 3, 4 и 14 раз соответственно⁶.

В 1929/30 учебном году в Кабардино-Балкарии работали 186 советских школ всех типов с охватом более 17,5 тыс. детей, в 1939 г. – 240 школ (75 тыс. детей)⁷. Советская власть за сравнительно короткий срок сформировала национальные кадры, интеллигенцию, преодолела неграмотность горцев. Так, к 1939 г. доля грамотных на родном языке среди кабардинцев составила 63,3%, балкарцев – 62,7%⁸, при том, что их языки перешли с латиницы на кириллицу в 1936 г.

Результаты в повышении уровня образования и грамотности населения относятся, без сомнения, к успехам советской власти, оказавшим решающее влияние на европеизацию образа жизни кабардинцев и балкарцев⁹. Но практика смены графической основы и борьбы с религиозными школами вскрыла на рубеже 1920–1930-х гг. сложные проблемы в качестве обучения, грубые издержки и деформации в социальной политике¹⁰.

С помощью принципиально новой культурно-образовательной инфраструктуры власть пыталась изменить внутренний мир людей и воспитать нового человека с целевыми установками на социализм. Культурные новации давались горцам ценою отказа от культурно-исторического наследия и забвения вековых традиций и обычаев¹¹.

На Северном Кавказе большевики активно внушали населению негативное отношение к культуре прошлого¹². В конце 1920-х развернулась борьба с адатами и «внешними пережитками», а затем начался «поход против кинжала и черкески». В противовес национальному костюму, олицетворению «тенденций недавнего собственника», в одежду вносились элементы социалистической культуры¹³.

К середине 1930-х гг. большевики свертывают эксперимент по развитию этнического многообразия, и с утверждением тоталитаризма и возобновлением репрессий в национальной политике начался поворот к нивелированию национального многообразия и тотальной унификации, разрушению прежней социальной организации народов¹⁴.

Наиболее негативным следствием этих процессов являлась порочная практика 1930-х годов – списывание неудач на врагов (кулаков, мулл, «буржуазных националистов»). Хотя открытые противники коммунистического режима были ликвидированы еще во времена Гражданской войны, перманентные репрессии стали привычным методом «зачистки» общества от «нежелательных» элементов.

Только в 1937 г. в КБАССР расстреляли более 1600 кабардинцев, балкарцев, русских (казаков), евреев, не согласных с властью. В 1917–1953 гг. было репрессировано и депортировано более 60 тыс. жителей Кабардино-Балкарии¹⁵. Последствия масштабных репрессий и ликвидации «классовых врагов» отразились на антисоветских проявлениях в Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны.

Применение насильственных методов и бескомпромиссность власти не стали залогом для завершения советской модернизации национальных регионов к 1940-м гг. В национальных автономиях Северного Кавказа сохранялся значительный разрыв между темпами индустриализации и темпами формирования новой социальной структуры у коренного населения¹⁶.

Доля кабардинцев среди рабочих промышленности, транспорта и строительства составляла 12,4%, балкарцев – 2,1%. К 1939 г. в городах проживало лишь 3,5% кабардинцев и 2,1 % балкарцев (урбанизированность КБАССР – 23,6%, СССР – 32,9 %)¹⁷.

В 1939 г. все еще низкими были показатели по среднему (из 20880 чел. – 4801 кабардинцев и 1252 балкарца) и высшему образованию (из 1483 чел. – 158 кабардинцев и 46 балкарцев)¹⁸. Получение образования, рост кадров, переселение в город требовали повышения уровня владения русским языком. Он был введен как обязательный в национальных школах Кабардино-Балкарии со второго класса лишь в 1938–1939 гг.¹⁹

Таким образом, в предвоенный период народы Кабардино-Балкарии пережили коренные изменения в социально-культурной и экономической сферах, совершили мощный рывок от традиционного общества к индустриально-аграрному.

Однако достижения были отягощены методами принуждения и репрессий, которые затронули значительную часть населения. Власть создала искусственных врагов и изгоев общества, стимулировала их к сотрудничеству с немцами в период войны. Советская модернизация с конца 1920-х гг. проводилась форсированными темпами, но не была завершена к началу 1940-х гг.

При небольшой площади территории (12,5 тыс. кв. км) Кабардино-Балкария к началу Великой Отечественной войны являлась важным стратегическим и экономическим регионом Северного Кавказа. По переписи населения 1939 г. в республике проживали 359219 чел., из них кабардинцев – 152327 чел. (42%), русских (в том числе казаков) – 129067 чел. (35%) и балкарцев – 40747 чел. (11%)²⁰. Среди национальных меньшинств были немцы (5327 чел.) и горские евреи (3414 чел.)²¹.

С началом войны руководство Кабардино-Балкарии решало масштабные и неотложные задачи военного времени. Важно отметить, что издержки предвоенной советской политики и слабое знание русского языка среди горцев не помешали успешному проведению военной мобилизации.

Анализируя призывы в предвоенные и военные годы, исследователь А.И. Тетуев отмечает: «Согласно официальным данным, с начала Великой Отечественной войны всего в Красную Армию по состоянию на 15 августа 1944 г. было призвано из республики 48300 человек. При этом нужно еще учесть призванных в 1938–1940 гг., а также в период с 16 августа 1944 г. по май 1945 г. С учетом этого из Кабардино-Балкарии призвано в Красную Армию до 60 тыс. человек»²².

Это соответствовало показателям в других регионах к началу 1944 г. – 10–15%²³. К октябрю 1942 г. более половины комсомольцев республики (12300 чел.) влилось в ряды Красной армии²⁴. В целом в 1941–1945 гг. на фронте сражались около 25 тыс. кабардинцев и от 7 до 10 тыс. балкарцев, частично мобилизованных накануне войны²⁵.

Республика в 1941–1942 гг. сформировала 115-ю Кабардино-Балкарскую кавалерийскую дивизию численностью 4508 чел. (из них 2919 кабардинцев и 568 балкарцев), участвовавшую в обороне Кавказа и Сталинграда²⁶. Общая численность дивизии к моменту отправки на фронт с учетом всех приданных подразделений составляла 4508 человек²⁷.

К середине июля 1942 г. из республики в Казахстан депортировали 5803 немцев, отнесенных к враждебной категории населения²⁸. С другой стороны, усилился приток граждан из прифронтовых районов страны. По неполным данным до битвы за Кавказ в Кабардино-Балкарию эвакуировались 16,5 тыс. чел.²⁹ В 1941–1945 гг. через 16 эвакогоспиталей прошли 83 тыс. фронтовиков, из них вернулись в строй более 60 тыс. чел.³⁰

К 17 января 1942 г. жители Кабардино-Балкарии сдали в фонд обороны 3300 тыс. руб. деньгами, 4839 тыс. руб. облигациями, сотни тонн пищевой продукции, десятки тысяч единиц теплых вещей³¹. До оккупации население в массовом

порядке было охвачено военным обучением (всеобуч). В возведении оборонительных сооружений с ноября 1941 по октябрь 1942 гг. участвовали 65962 чел.³²

Начало Великой Отечественной войны сыграло важную мобилизующую роль, оттеснив на задний план ошибки и нерешенные проблемы предыдущих лет. 22 октября 1941 г. ГКО СССР вынес постановление об организации Нальчикского комитета обороны. В его состав решением бюро обкома партии от 25 октября вошли: З.Д. Кумехов (председатель), Х.К.Ахохов, С.И. Филатов, Вохмянин, Ивановский³³. В руках Комитета была сосредоточена вся полнота гражданской и воинской власти в республике. Им были разработаны мероприятия по обороне края, дальнейшей мобилизации военнообязанных в ряды Советской Армии, снабжению кавалерийских частей лошадьми, поставке фронту и стране продукции промышленности и сельского хозяйства республики.

Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР полностью подчинялось интересам фронта. Коллективы заводов республики ежедневно увеличивали выпуск боеприпасов. Так, на гидротурбинном заводе производство мин было доведено до 30 тысяч штук в месяц³⁴. На Тырнаузском комбинате была организована переработка ранее не использованного сырья и полуфабриката, что позволило поставить оборонной промышленности страны дополнительные сотни тонн вольфрама и молибдена, которые использовались в изготовлении высококачественной боевой техники. На комбинате было освоено производство ручных гранат Ф-1 с запалами, обойм к автоматам. Нальчикская шорно-седельная фабрика поставляла войскам упряжь и седла, гидротурбинный завод – походные кухни. Напряженно работали предприятия пищевой и легкой промышленности, поставляя фронту продовольствие, одежду и мн. др.

С начала и до конца боевых действий на территории республики, то есть с середины августа по ноябрь 1942 г., снабжение сельскохозяйственными продуктами частей и соединений Советской Армии, находившихся здесь, производилось исключительно за счет сельского хозяйства Кабардино-Балкарской АССР. Хлеб и фураж, убиравшиеся совместными усилиями колхозников и воинов, как правило, непосредственно сдавались в армейские склады. Войска получали от колхозов значительное количество мяса, масла, картофеля, овощей, фруктов и другой сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР полностью было подчинено интересам фронта, разгрому немецко-фашистских войск, вышедших к предгорьям Главного Кавказского хребта. Преодолевая трудности, вызванные оккупацией части территории республики, в результате чего прекратилось снабжение республики фондовыми материалами и машинами, эвакуацией многих работников, оборудования крупных промышленных предприятий и значительного количества сельскохозяйственных машин, население Кабардино-Балкарии отдавало все силы делу победы над врагом.

8 августа 1942 г. с приближением противника к Кабардино-Балкарии начинается второй этап строительства оборонительных сооружений. Строительство оборонительных рубежей в Нальчикском, Баксанском, Урванском, Лескенском, Курпском, Хуламо-Безенгиевском и Черекском районах возглавил Председатель Совнаркома Х.К. Ахохов. Нальчикский Комитет Обороны мобилизовал все взрослое население столицы республики на строительство защитных сооружений города. За 2,5 месяца силами горожан, 116-го отдельного инженерного и 1574-го отдельного саперного батальонов был создан противотанковый рубеж со сложной системой огневых точек³⁵.

Во второй половине августа 1942 г. оборону Кабардино-Балкарии заняла 37-я армия генерал-майора П.М. Козлова. Командование Северной группы войск Закавказского фронта, созданной 8 августа 1942 г. для обороны Терека и его притоков, предприняло срочные меры по увеличению численности 37-й армии. Состав армии был расширен до шести дивизий – 2-я гвардейская, 151-я, 275-я, 295-я,

392-я стрелковые дивизии и 11-я стрелковая дивизия НКВД. Общая численность оборонительных сил увеличилась вдвое и составила к 4 октября 1942 г. 33289 чел. Пополнение осуществлялось и за счет местного населения. На 21 октября в 37-й армии числилось 858 кабардинцев и балкарцев. Боевые действия в августе-сентябре 1942 г. имели два итога. Почти вся равнинная часть Кабардино-Балкарии была оккупирована. Немецкие танковые части закрепились на важном плацдарме в районе Пришибской, Майского и Котляревской на левом берегу Терека. Линия фронта в Кабардино-Балкарии растянулась до 120 км. С потерей Терского и Курпского районов республика была почти отрезана от Северной Осетии, нарушилось единое оперативное пространство вдоль Терской оборонительной линии. С другой стороны, Нальчик, горные ущелья и значительная часть предгорий были сохранены. Параллельно ожесточенным боям в августе-сентябре 1942 г. укреплялась оборонительная полоса 37-й армии. Проверка в конце августа выявила не полную готовность тыловых инженерных работ в частях армии, за исключением полосы 275-й стрелковой дивизии, где готовность окопов на 60%³⁶. Это было обусловлено необходимостью совмещать укрепление тыла и главной полосы.

В сентябре 1942 г. штаб инженерных войск 37-й армии подготовил для саперных частей инструкции «Силки в сочетании с ПОМЗами и ежами» и «Немецкие приемы минирования» для усовершенствования защитных сооружений и минных заграждений. Командование Закавказского фронта приняло меры по скорейшему укреплению Терской оборонительной линии. Численность инженерных войск фронта с 1 августа по 10 октября 1942 г. возросла в 6 раз³⁷.

В связи с изоляцией Закавказского фронта существенно возросла роль местных предприятий и источников сырья. С августа 1942 г. в Кабардино-Балкарии резко увеличился выпуск военной продукции. Начальник политотдела 37-й армии Д.М. Осадчий отмечал высокую инициативу и чувство ответственности граждан республики в деле укрепления обороны. В середине августа по инициативе обкома комсомола республики и отдела химзащиты армии за 2 дня было собрано более 15 тыс. бутылок с пробками. В Нальчике изготавливались горючие жидкости из местных материалов (бертолетова соль, сера, сахарная пудра и т.д.), корпуса противотанковых и противопехотных мин. Предприятия города к 11 октября 1942 г. поставили 37-й армии 570, а к 25 октября – 800 железобетонных колпаков для укрепления ручных и станковых пулеметов и оборудования артиллерийских позиций³⁸.

Всего на строительство оборонительных рубежей в период с октября 1941 по октябрь 1942 г. в Кабардино-Балкарии было мобилизовано 65962 чел.³⁹ В августе-октябре 1942 г. в связи с уборкой урожая и эвакуацией возросла роль женщин, стариков и детей.

Народы Кабардино-Балкарии внесли весомый ратный и трудовой вклад в победу в Великой Отечественной войне. Об этом свидетельствуют масштабы военной мобилизации и добровольчества, участия гражданского населения в строительстве оборонительных сооружений и в поставке фронту продукции.

Немецко-фашистские войска, дошедшие за две недели от Дона до предгорий Кавказа, увязли под Нальчиком. 37-я армия при активной поддержке гражданского населения в августе-октябре 1942 г. сдерживала натиск врага в тяжелейших боях. Армия отвлекала значительную военную группировку противника, активно содействовала успеху войск Закавказского фронта в обороне Орджоникидзе и Грозного. Подвиг защитников Нальчика был высоко оценен в советский и постсоветский период.

Битва за Кавказ стала экзаменом на прочность межнационального единства не только в тылу, но и в Красной армии. Ряд документов свидетельствует о наличии этноментальных и языковых барьеров среди красноармейцев обусловленных незавершенностью интеграции национальных регионов в предвоенные годы. Это не помешало успеху многонациональных войск Красной армии в обороне предгорий Северного Кавказа.

Примечания

1. История индустриализации Северного Кавказа (1933–1941 гг.). Документы и материалы / гл. ред. В.И. Филькин. Грозный, 1973. С. 373.
2. *Бербеков Х.М.* Образование и развитие кабардинской социалистической нации. Нальчик, 1958. С. 154–156, 168.
3. *Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г.* Социальные противоречия в кабардино-балкарской деревне в 20–30-е годы. Нальчик, 1999. С. 49–51.
4. *Айшаев О.О.* Крестьянские восстания в Кабардино-Балкарии в период коллективизации сельского хозяйства. Нальчик, 2009. С. 7–27; *Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г.* Указ. соч. С. 171, 173.
5. Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС / отв. ред. В.К. Тлостанов. Нальчик, 1971. С. 205, 208.
6. Территория и население СССР / сост. С.И. Сулькевич. М., 1940. С. 4; Большая Советская Энциклопедия: в 65 т. М., 1937. Т. 30. С. 401.
7. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / отв. ред. Б. Х. Бгажноков. Нальчик, 2007. С. 437.
8. *Тхамокова И.Х.* Русское население Кабардино-Балкарии в XIX – начале XXI в.: динамика этнокультурных границ. Нальчик, 2014. С. 102.
9. *Мамсиров Х.Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик, 2004. С. 285.
10. Там же. С. 280.
11. Культура Южной России. Кн. 11 / отв. ред. Х.Г. Тхагапсоев. СПб., 2012. С. 193.
12. История Дона и Северного Кавказа (1917–2000) / отв. ред. А.В. Венков. Ростов-на-Дону, 2004. С. 159.
13. *Мамсиров Х.Б.* Указ. соч. С. 186.
14. *Гатагова Л.С.* Советская этнополитика как отражение сталинской империи: новые источники, новые прочтения (1930–1940 гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. М., 2011. С. 593.
15. В КБР почтили память жертв политических репрессий. URL: <http://kbr.ru/?p=8271> (дата обращения: 10.09.2017).
16. *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик, 2007. С. 134.
17. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1992. С. 23–34; *Тхамокова И.Х.* Указ. соч. С. 98–100.
18. *Тхамокова И.Х.* Указ. соч. С. 102.
19. *Шхагапсоев С.Х., Тхова С.М.* Из истории просвещения Кабардино-Балкарской республики (1918–2012 гг.). Нальчик, 2012. С. 83.
20. Всесоюзная перепись населения 1939 года ... С. 66.
21. Этнокавказ. Национальный состав КБР по переписям 1897–2002. URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnkbr.html> (дата обращения: 15.07.2017).
22. *Тетуев А.И.* Отечественная историография об участии народов Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 57.
23. *Мякшев А.П.* Коллаборационизм на Северном Кавказе: историческая правда или исторический миф // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Вып. 4. С. 114.
24. Страницы истории комсомола Кабардино-Балкарии. Документы и материалы (1918–1978) / отв. ред. Б.М. Зумакулов. Нальчик, 1980. С. 257.
25. *Тетуев А.И.* Зарубежная диаспора карачаевцев и балкарцев: история и современность. Нальчик, 2016. С. 86; *Сабанчиев Х.-М.А.* Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XX в.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 33.
26. *Безудольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012. С. 200.
27. *Тетуев А.И.* Указ. соч. С.58 .
28. *Плохотнюк Т.Н.* Депортация немцев Северного Кавказа // «Выселить с треском». Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев: Сборник научных статей и воспоминаний / под ред. А.А. Германа, О.Ю. Силантьевой. М., 2011. С. 161.

29. Хакуашев Е.Т. Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик, 1978. С. 62.
30. Саральпов Б.К. Военно-патриотическое воспитание населения Кабардино-Балкарии (1921–1945 гг.). Нальчик, 1990. С. 119.
31. Там же.
32. Хакуашев Е.Т. Указ. соч. С. 57–58, 76.
33. Там же. С.54.
34. ЦДНИ КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 275. Л. 7.
35. Хакуашев Е.Т. Указ. соч. С. 74.
36. Бирюков П.И., Истомин В.П., Федосеев Е.Н., Цирлин А.Д. Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М., 1970. С. 136–137.
37. Там же.
38. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны ... С. 147.
39. Бадагин Б.В. На боевых рубежах Кавказа. Очерки по инженерному обеспечению битвы за Кавказ в Великой Отечественной войне. М., 1962. С. 36–37.

KABARDINO-BALKARIA ON THE EVE AND IN THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Gugova Marina Habasovna, Candidate of History, senior researcher of the Department of the recent history of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), gugowa@mail.ru

The article analyzes the socio-cultural and economic development of Kabardino-Balkaria on the eve and during the initial period of the Great Patriotic War. The years of socialist transformation destroyed the traditional ways of life that had developed over many centuries. The results in raising the level of education and literacy of the population are undoubtedly the successes of the Soviet government, which had a decisive influence on the Europeanization of the way of life of the Kabardians and Balkars. The activity of party and soviet structures of the authorities on mobilizing the resources of the republic for the needs of war. The role of the population in rendering assistance to the army and repelling the onslaught of the enemy on the territory of the republic is considered. The main conclusions are seen in the following: in the pre-war period, the peoples of Kabardino-Balkaria experienced radical changes in the socio-cultural and economic spheres, made a powerful leap from traditional society to industrial-agrarian. The peoples of Kabardino-Balkaria have made a significant military and labor contribution to the victory in the Great Patriotic War. This is evidenced by the scale of military mobilization and volunteerism, the participation of civilians in the construction of defensive structures and in the supply of products to the front.

Keywords: Kabardino-Balkaria, The Great Patriotic War, National economy, industry, agriculture, mobilization.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-23-29

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ МОБИЛИЗАЦИИ СОЦИУМА В РАКУРСЕ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА БОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), osman.zhansitov@yandex.ru

В статье рассматривается влияние последствий репрессивной социальной политики большевиков на возможности мобилизации населения в условиях внешней угрозы. Внимание, в частности, акцентируется на проблемах организации сопротивления войскам Вермахта на территории Кабардино-Балкарской республики в период Великой Отечественной войны. Отмечается, что здесь, как и в других районах страны, имевшие место случаи уклонения от призыва на фронт или же контакты с немецким командованием, в подавляющем большинстве не являлись актами предательства и разделения нацистской идеологии, а скорее были следствием реакции на два десятилетия тоталитарного прессинга. Исследователи истории республики в годы Второй мировой войны обходили вниманием данную проблематику, что обуславливало однобокость в освещении событий того периода. Для историографии вопроса характерно сосредоточение на процессах героической борьбы, что оставляло в тени положение угнетенных слоев населения, которое на фоне немецкого вторжения не было в достаточной степени мотивировано на сопротивление, что негативно сказалось на обороноспособности региона.

Ключевые слова: революция, вермахт, большевики, Кабардино-Балкария, репрессии, Северный Кавказ, индустриализация, дезертирство.

Говоря о трагических последствиях революции 1917 г. для судеб российского народа, связанных с Гражданской войной, террором, репрессиями, продразверсткой, коллективизацией, голодом, игнорированием фундаментальных прав и свобод человека и гражданина в условиях укрепления тоталитарной системы, тем не менее, допускают оправданность этих невзгод необходимостью решения более масштабных задач. Это, прежде всего, модернизационный скачок, выразившийся в превращении аграрной страны в индустриальную, что в свою очередь, позволило значительно повысить ее военную мощь и обороноспособность. Считается, что именно эти усилия большевиков спасли страну от поражения во Второй мировой войне.

Можно дискутировать о том, могла ли Россия, не будь революции со всеми ее потрясениями, достичь того же модернизационного сдвига и в те же временные рамки? И насколько оправданы жертвы индустриализации, если советская промышленность не смогла в полной мере обеспечить потребности фронта, которые были компенсированы крупными поставками союзников по антигитлеровской коалиции, прежде всего США.

Но, не вызывает сомнений следующее обстоятельство. Заданная революцией агрессивная политика большевиков в социальной, национальной, духовной, хозяйственной сферах и жестокие репрессии против недовольных такой политикой, способствовали формированию значительного слоя людей в той или иной степени притесненных действиями властей, лояльность которых поддерживалась угрозой

насилия. Естественно, на фоне немецкого вторжения угнетенные слои советского населения, в том числе и мобилизованного в армию и на тыловые работы, не были в достаточной степени мотивированы на сопротивление, что негативно сказалось на обороноспособности страны. Отсюда и сотни тысяч советских солдат, попавших в плен в первые месяцы войны, и случаи перехода целых воинских подразделений на сторону противника (конечно для борьбы с большевизмом, а не со своим народом), и невозможность обеспечить тотальное сопротивление многомиллионного населения, оказавшегося на оккупированной территории. Подобное не случалось в Российской империи, также участвовавшей в крупных военных компаниях.

А. Солженицын в своем «Архипелаге...», озвучивая причины непротivления или же прямого сотрудничества части населения страны с немцами, отмечает, что его ряды в подавляющем большинстве составляли не бывшие белогвардейцы, монархисты и прочие контрреволюционеры, мечтавшие расквитаться с большевиками, а, собственно, советские граждане, возросшие при коммунизме. *«Эти же десятки и сотни тысяч – полицаи и каратели, старосты и переводчики – все вышли из граждан советских. А это прежде всего те, по чьим семьям и по ком самим прошли гусеницы Двадцатых и Тридцатых годов. Кто потерял родителей, родных, любимых. Или сам тонул и выныривал по лагерям и ссылкам. ...Всех этих несчастных душили, травили, не принимали на работу, гнали с квартир, заставляли подыхать. А верующие? Двадцать лет кряду гнали веру и закрывали церкви. Пришли немцы и стали церкви открывать. ... Не могла быть родною та власть, которая ...довела до колхозной нищеты, до нравственного вырождения и вот теперь до оглушающего военного поражения. Оказалось, что республики хотят только независимости! деревня только свободы от колхозов! рабочие – свободы от крепостных указов. Когда началась советско-германская война – через 10 лет после душегубской коллективизации, через 8 лет после великого украинского мора, через 4 года после бесовского разгула НКВД, и все это при 15-миллионных лагерях в стране и ясной памяти пожилородного населения о дореволюционной жизни, естественным движением народа было – вздохнуть и освободиться, естественным чувством – отвращение к своей власти. Кто помнит великий исход населения с Северного Кавказа в январе 1943, и кто его даст аналог из мировой истории? Чтобы население, особенно сельское, уходило бы массами с разбитым врагом, с чужеземцами, только бы не оставаться у победивших своих. Вот здесь и лежат общественные корни тех добровольческих сотен тысяч, которые даже при гитлеровском уродстве отчаялись и надели мундир врага»¹.*

Беспокойство относительно благонадежности населения в условиях гитлеровского вторжения у советского командования вызывали национальные регионы страны, в том числе, и Северный Кавказ. Здесь революционные «преобразования» так же негативно сказались на жизни многих слоев населения, что накладывалось, к тому же, на эхо Кавказской войны и связанные с ней образы потерянной свободы, этнической катастрофы и колониального прессинга.

Большевики, утверждая свою власть в регионе выступили поначалу как освободители северокавказских народов из-под «имперской пяты», пообещав им широкую автономию, вплоть до создания независимых государств, и возвращения земель, отторгнутых под крепости и казачьи станицы в период российской военной колонизации. Эти обещания привлекли широкие слои горцев, поддержка которых (в частности, в борьбе против Добровольческой армии А. Деникина) явилась одним из решающих факторов победы советской власти на Северном Кавказе.

Однако, дальнейшие события показали, что обещания были тактическим ходом, маневром большевиков на пути советизации региона. Предоставленные горцам национальные образования по сути не обладали сколько-нибудь выраженной политической самостоятельностью и управлялись, спускаемыми из центра указами. Наделение земель одних народов, осуществлялось за счет других, в частности

кабардинцев. Но наиболее болезненно воспринимались в горской среде мероприятия большевиков «по борьбе с национальными и религиозными пережитками», якобы препятствующим построению светлого будущего. Именно под этим лозунгом проходила кампания по закрытию мечетей, учебных духовных заведений, шариатских судов, дискредитации традиционной культуры и насаждению чуждых социалистических культурных стандартов в бытовую сферу социума. Подобная ситуация сложилась и в Кабардино-Балкарской республике, на событиях в которой в годы Великой Отечественной войны, здесь фокусируется внимание.

В. Кажаров, исследуя проблемы этнического воспроизводства кабардинцев в условиях советской государственности писал, что «царская Россия покорив» последних «и затем установив жесткую систему колониального господства над их остатками, при этом не вторгалась в жизненно важные сферы традиционной культуры народа». Советская же Россия активно занималась разрушением этой культуры². Наступление на культурные ценности, сопровождавшееся репрессиями и прямой ликвидацией представителей национальной интеллигенции и духовенства и усилившееся на фоне коллективизации, спровоцировало в конце 20-х гг. XX в. крупные крестьянские антисоветские восстания.

Тем не менее, с началом Великой Отечественной войны в Кабардино-Балкарии была проведена мобилизация и тысячи ее жителей достойно проявили себя в борьбе с Вермахтом. Однако два десятилетия тоталитарного гнета все же отразились на настроениях как оказавшихся на фронте, так и оставшихся в тылу, а за тем и в зоне гитлеровской оккупации. Военный комиссар Баксанского района Кабардино-Балкарии А. Алексеев вспоминал, что накануне занятия немцами Нальчика был вынужден эвакуировать своих малолетних детей и жену, поскольку «в городе были предатели, которые могли передать семью военного комиссара гестапо, а такие факты были»³.

На состоявшейся 28 декабря 1946 г. Областной партийной конференции первый секретарь Кабардинского областного комитета ВКП(б) Н. Мазин подверг резкой критике деятельность своего предшественника З. Кумехова по руководству региона в военные годы. В числе прочего, Мазин, не ставя под сомнения заслуги жителей республики в победе над противником, все же отметил следующее: *«В первый же период Великой Отечественной войны, при мобилизации людей на фронт в республике было массовое дезертирство. Многие скрывались от мобилизации, уходили в леса и горы. При этом, среди дезертиров было много коммунистов. Уже тогда в горах были случаи вооруженного нападения на партийных и советских работников. 72 процента областной партийной организации не эвакуировалось. При этом, на оккупированной земле остались не только рядовые коммунисты, но и часть руководящих работников явно не желала эвакуироваться. Созданная из кабардинцев и балкарцев 115 национальная кавалерийская дивизия при первых столкновениях с врагом показала неустойчивость, многие перешли на сторону немцев, до 700 человек покинуло фронт и с оружием вернулось в селения республики, большинство из них ушло в банды и на нелегальное положение. Настоящего партизанского движения в республике не было. Сформированные накануне оккупации партизанские отряды, по существу, бездействовали и не находились в тылу немецких войск. Более 50 процентов партизан перешло линию фронта и сдалось добровольно немцам. Например, партизанский отряд Нальчикского района полностью перешел к немцам. За весь период немецкой оккупации не было случая выступления населения против немцев. При отступлении немцев с территории Кабарды с ними добровольно ушло по далеко неполным данным 1679 человек»*⁴.

Озвученные партийным руководством республики факты подталкивают к корректировке устоявшихся в историографии представлений, касающихся некоторых сюжетов периода немецкой оккупации Кабардино-Балкарии.

На наш взгляд, дезертирство и уклонение от мобилизации в немалой степени явились своего рода реакцией жителей республики на репрессивную политику советской власти. В годы Первой мировой войны горцы Северного Кавказа, несмотря на сложности адаптации в российском имперском пространстве, добровольно сформировали Кавказскую конную (Дикую) дивизию, завоевавшую славу как наиболее боеспособное, дисциплинированное, эффективное воинское подразделение. В действиях царской администрации на Кавказе имелись случаи правовой и хозяйственной дискриминации в отношении горцев, но в отличие от большевистской власти она не покушалась на духовную сферу и традиционный уклад их жизни.

В царской армии, в отличие от советской, в горские подразделения, экипированные в национальные костюмы, включались духовные лица, для служащих-горцев изготовлялись ордена со специальной культурно близкой символикой. В знак особого расположения горские полки возглавляли члены императорской фамилии. Высокие военные чины и сам Император считали возможным лично выражать признательность горцам за службу.

Как пример такого обходительного обращения можно привести встречу с Николаем II кабардинского общественного деятеля, также служившего в Кавказской конной дивизии, В. Кудашева, о подробностях которой он поведал в письме Начальнику Нальчикского округа С. Клишбиеву: «Николай II, – сообщает Кудашев – удостоил меня особым вниманием как представителя кабардинского народа, поблагодарил за службу в Кабардинском конном полку и сказал, что его брат князь Михаил, будучи начальником Кавказской Дивизии удостоился ордена св. Георгия благодаря блестящим действиям именно Кабардинского полка»⁵. Горские полки на различных фронтах оправдывали оказанное им доверие. Уже после Февральской революции, когда начался развал российской армии, они сохраняли дисциплину и до момента роспуска готовы были подчиняться приказам начальства. Мобилизованные же в Красную армию жители Кабардино-Балкарии не могли рассчитывать на какое-либо особое отношение командного состава, с поправкой на этноконфессиональные отличия.

Приступая к продвижению на Северный Кавказ, немцы преподносили себя как освободители горских народов от большевистского режима и обещали вернуть дореволюционные порядки. Эти обещания, конечно, встречали поддержку. Солдаты Вермахта при взаимодействии с местным населением в соответствии со специальными инструкциями⁶, должны были избегать грубости и насилия. Конечно, это не касалось комиссаров, партийных работников, членов партизанских отрядов, подлежащих уничтожению. Были случаи репрессий в отношении и мирных жителей. Но, в целом, период гитлеровской оккупации в горских областях и, в частности в Кабардино-Балкарии не сопровождался массовыми карательными акциями в отношении гражданских лиц, подобными, к примеру, той, что произошла в Хатыни в 1943 г. Напротив, такие акции проводились частями Красной армии. Случаи вооруженного нападения на партийных работников и военнослужащих, совершенные сформированной в горной местности антисоветской группировкой, послужили поводом для крупной карательной операции, проведенной в ряде сел Черекского района Кабардино-Балкарии в ноябре 1942 г., в ходе которой было уничтожено по разным оценкам до 800 человек, не имевших никакого отношения к деятельности повстанцев, включая стариков, детей и женщин⁷.

Некоторые жители Кабардино-Балкарии, заставшие немецкую оккупацию будучи детьми и подростками, отмечали случаи толерантного поведения солдат Вермахта, а также, что с приходом немцев у людей появилась возможность посещать мечети, открыто справлять религиозные праздники. Жительница Майского района Кабардино-Балкарской республики Вера Лукьянцева вспоминает: «*Запомнилось немецкое Рождество. Два немца пришли к нам, пропели свои колядки и*

вручили каждому по леденцу. Перед приходом немцев отелилась корова. Теленок подрос и бегал по загону. Немцам он очень нравился. Они обступали загон и от души смеялись над его проделками. Немцы скот, птицу не воровали. Немцы оставили о себе мало плохих воспоминаний, мало кто их ругал»⁸.

После отступления советских войск с территории Кабардино-Балкарии здесь было создано «Национальное правительство в Свободной Кабардино-Балкарской республике». Его члены в переговорах с главнокомандующим группировкой Вермахта фельдмаршалом фон Клейстом озвучили свои политические требования: признание за народами Кабардино-Балкарии права на свое национально-государственное самоопределение, роспуск колхозов, образование национального правительства в республике с передачей ему всей полноты власти по народно-хозяйственному и гражданскому управлению страной, неприкосновенность горских евреев, проживающих в республике, разделение земли на основе частной собственности, организация выборов духовных лиц и открытие мечетей, возвращение бывшим владельцам их частной собственности, экспроприированной большевиками. Фельдмаршал согласился практически со всеми требованиями, в том числе, признал независимость Кабардино-Балкарской республики, но попросил повременить с роспуском колхозов, так как немцам было удобней контролировать и направлять хозяйственную деятельность местного населения по созданным большевиками механизмам, но уже самим пользоваться ее плодами. Однако это не устроило правительство республики, и оно направило фон Клейсту письмо, в котором указывалось, что «роспуск колхозов – решающий политический фактор и, что неприятие выставленных требований вызовет обратную отрицательную реакцию и уход всего мужского населения и части женского в партизаны для ведения борьбы уже против немцев». В письме также указывалось, что «народы Кабардино-Балкарии боролись и борются против большевиков за свою свободу и будут продолжать борьбу и против немцев, если народ не получит полной свободы». В итоге германское командование пошло на уступки в вопросе роспуска колхозов. День освобождения от большевиков (30 октября 1942 г.) был объявлен нерабочим днем. Состоялись торжества и был поднят флаг свободной Кабардино-Балкарии⁹.

Как видно из действий самопровозглашенного политического руководства республики периода гитлеровской оккупации, оно, помимо прочего, реализовывало курс на демонтаж революционных преобразований, на возврат к дореволюционному укладу жизни социума, в чем было крайне заинтересовано большинство местного населения. Немецкое командование, как гарант реализации данного курса, надеялось на лояльность местного населения. В то же время речь не шла о поддержке руководством и жителями республики нацистской идеологии, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что здесь в отличие от остальных оккупированных Гитлером территорий, как в Европе, так и в СССР еврейское население оказалось в неприкосновенности. И в этом заслуга как простых граждан, так и политических лидеров, оказавшихся у власти в Кабардино-Балкарии после отступления частей Красной армии. Конечно, нельзя не учитывать тот факт, что проводимые Вермахтом в Кабардино-Балкарии мероприятия носили пропагандистский характер и были направлены на ослабление советского сопротивления.

Таким образом, рассмотренные факты позволяют иначе взглянуть на события периода оккупации Кабардино-Балкарии. Вскоре после освобождения новое руководство республики подвергло критике неудовлетворительную реализацию своими предшественниками эвакуации партийных органов, организации партизанского движения и допущенными случаями сотрудничества населения с немецким командованием. Обнародованные факты можно расценивать как проявления активных и пассивных форм неприятия политики советской власти в 1920–30-х гг. Возникшие проблемы мобилизации социума в чрезвычайных условиях военного времени были связаны с последствиями Российской революции 1917 г., которая,

начавшись как движение к демократии, привела к установлению большевистской диктатуры. На примере Кабардино-Балкарии наглядно проявилась закономерность, которая заключалась в том, что тоталитарные режимы в случае внешней угрозы сталкиваются с проблемами мобилизации угнетаемого населения, которое, в условиях потери властью прежних возможностей принуждения и насилия, лишается должной мотивации к сопротивлению противнику, связывая с ним (часто напрасно) перспективы нормальной жизни, невозможной при «своем» режиме.

Примечания

1. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ // <http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/gulag3.txt>
2. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 58.
3. Архив КБГИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 44. Л. 73.
4. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1380. Л. 121–126.
5. УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 33. Л. 13. С. 15.
6. См.: *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.
7. См. подробнее: Черекская трагедия. Нальчик, 1994.
8. *Вера Лукьянцева.* Немцев мало кто ругал // Газета Юга. 15 марта. 2018. № 10.
9. Архив КБГИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 24. Л. 1–9.

KABARDINO-BALKARIA CONDITIONS OF THE GERMAN OCCUPATION: PROBLEMS OF MOBILIZING THE SOCIETY IN THE PERSPECTIVE OF THE TRAUMATIC EXPERIENCE OF THE BOLSHEVIK REFORMS

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of History, senior researcher of the Department of Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), osman.zhansitov@yandex.ru

The article examines the impact of the consequences of the repressive social policy of the Bolsheviks on the possibilities of mobilizing the population in the face of an external threat. Attention, in particular, focuses on the problems of organizing resistance to Wehrmacht troops in the territory of the Kabardino-Balkarian republic. Here, as well as in other parts of the country, cases of evasion from conscription to the front or contacts with the German command, in the overwhelming majority were not acts of treason and sharing of Nazi ideology, but rather were an outcome of reaction to two decades of totalitarian pressure.

During the Second World War researchers of the history of the republic ignored this problem, which caused one-sidedness in covering the events of that period. The focus on the scenes of the heroic struggle left the situation of the oppressed groups of the population in the background, which was not sufficiently motivated to resist the German invasion, that had a negative impact on the country's defensive capability.

Keywords: revolution, Wehrmacht, Bolsheviks, Kabardino-Balkaria, repression, the North Caucasus, industrialization, desertion.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-30-35

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ПЕРИОД БИТВЫ ЗА КАВКАЗ

Кармов Амерби Хазретович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), karmovamerbi@mail.ru

В условиях нарастания информационной войны Запада против России историческая наука становится заложницей русофобской политики западных держав. Наиболее значимым объектом информационно-пропагандистской атаки является история Великой Отечественной и Второй мировой войн. Их итоги подвергаются ревизией, отрицается очевидный исторический факт решающей роли СССР в победе над чумой XX века. Поэтому объективное исследование истории победы Советского народа в Великой Отечественной войне на примере боевых действий на территории Кабардино-Балкарии в период битвы за Кавказ является весьма актуальным. В таком историческом контексте данная проблема рассматривается впервые.

В статье рассматриваются соотношение сил и средств немецко-фашистской группировки армии «А» и оборонявших кавказское направление войск Южного фронта к началу битвы за Кавказ, анализируются причины неудач Красной Армии на первом этапе борьбы. Особое внимание уделяются военным действиям на территории Кабардино-Балкарии: началу оккупации территории республики, боевым действиям на нальчикском, моздокском, малгобекском направлениях, участие местного населения в боевых действиях на курпских высотах и в партизанских отрядах республики.

Ключевые слова: Битва за Кавказ, фашистская группировка «А», дивизия «Эдельвейс», 910 высота, Кызбурун-I, Малгобекская операция, «Эльбрус», партизанское движение.

В современных условиях, когда изменились ценностные ориентиры, когда, казалось бы, незыблемые исторические факты о ведущей роли советского народа в разгроме фашистской Германией не могут быть преданы забвению или извращены, мы обнаруживаем, что это вовсе не так, что весь западный мир ополчился против очевидного исторического факта решающей роли СССР в победе над чумой XX в. Поэтому объективное освещение исторических фактов и борьба против их фальсификации стали императивом современной реальности. В этом контексте обращение к истории Великой Отечественной войны приобретает особое звучание.

По многим параметрам: по степени жесточести борьбы, по своим масштабам и продолжительности боевых действий, сложности управления войсками на Кавказском театре войны и др. битва за Кавказ занимает видное место в Великой Отечественной войне.

Как известно, в силу ряда стратегических и тактических просчетов Ставки Главного Командования летом 1942 г. Красная Армия оказалась разбитой. В результате потери Крыма, поражения в районе Барвенкова, в Донбассе и под Воронежем противник вновь захватил стратегическую инициативу. Она дала возможность гитлеровскому командованию осуществить план непосредственного овладения Кавказом под кодовым названием «Эдельвейс», который был изложен в директиве № 45 от 23 июля 1942 г. «О продолжении операции «Брауншвейг» (Блау)¹.

Согласно плану «Эдельвейс» группа армии «Юг», под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока, была разделена на две армейские группировки: «А» и «Б». Группировкой «А» командовал генерал-фельдмаршал фон Лист. Последнему ставилась задача – наступление на Кавказ. В соответствии с директивой Гитлера планировалось наступление по двум направлениям: 1) силами горных и егерских дивизий форсировать р. Кубань и захватить возвышенную местность в районе Майкопа и Армавира. В ходе дальнейшего продвижения группировка должна была быть усилена горными частями и во взаимодействии с 11-й армией, в состав которой находился румынский горный корпус, захватить Черноморское побережье; 2) одновременно группировка, имеющая в своем составе главным образом танковые и моторизованные соединения... должна захватить район Грозного и частью сил перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги по возможности на перевалах. В заключении ударом вдоль Каспийского моря овладеть районом Баку².

Таким образом, по плану «Эдельвейс», немецко-фашистское командование намерено было осуществить захват Северного Кавказа путем обхода Кавказского хребта с запада и востока, и проникновения с севера через перевалы.

Следует отметить, что к началу боевых действий немецкая группировка «А» располагала тремя армиями: 1 танковая армия Клейста, 17 армия Руоффе (5 армейский и 49 горнострелковый корпуса), 3 румынская армия. Всего в группировке армии «А» было 40 дивизий, в которых насчитывалось 167 тыс. солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и минометов, до одной тыс. самолетов³.

Войска Южного фронта под командованием генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского, прикрывали кавказское направление. Общая ширина полосы обороны составляла 320 км. Этот огромный участок фронта обороняли пять малочисленных армии Южного фронта: 51-я (генерал-майор Т.К. Коломиец), 37-я (генерал-майор П.М. Козлов), 12-я (генерал-майор А.А. Гречко), 18-я (генерал-лейтенант Ф.В. Комков), 56-я (генерал-майор А.И. Рыжов), в которых насчитывалось 112 тысяч человек. На вооружении фронта имелось 17 танков, 130 самолетов разных систем. 17 артиллерийских полков, числившихся за фронтом, не использовались эффективно из-за отсутствия снарядов⁴. Таким образом, как по численности личного состава, так и по вооружению фашистские войска в значительной степени превосходили защитников Кавказа.

25 июля гитлеровские войска при мощной поддержке авиации перешли в наступление в направлении Сальска, Ставрополя, Краснодара. Войска Южного фронта под натиском превосходящих сил противника вынуждены были отходить с боями на юг и юго-восток. Немецко-фашистские войска за 25 и 26 июля продвинулись на кавказском направлении на 80 км. Выход бронированных соединений противника за Дон, в Сальские степи и предкавказские просторы Кубани создал серьезную угрозу прорыва группы армии «А» вглубь Кавказа.

В целях надежной обороны Закавказья Ставка Верховного Главнокомандования 30 июля 1942 г. образовала Закавказский фронт (командующий генерал-армии И.В. Тюленев, нач. штаба генерал-лейтенант П.И. Бодин). Перед войсками Закавказского фронта была поставлена задача – занять и подготовить к обороне подступы к Кавказу с севера, а также создать многополосную оборону на направлении Грозный – Махачкала – Баку.

Боевые действия на Северном Кавказе в конце июля – начале августа 1942 г. приобрели ожесточенный характер.

Имея подавляющее преимущество в вооружении и в живой силе, немецкие танковые и моторизованные соединения быстро продвигались к Ставрополю, Майкопу и Туапсе. 6 августа немцы форсировали р. Кубань в районе Армавира, 10 августа они захватили Майкоп, 11 августа – Краснодар. После захвата Краснодара и Майкопа немецкое командование группы армий «А» сосредоточило

главные усилия на туапсинском направлении с целью выйти к побережью Черного моря. Однако немцам не удалось осуществить задуманный план.

В соответствии с приказом Ставки Верховного Главнокомандования от 10 августа командование Северо-Кавказским фронтом сосредоточило большие силы против немцев на этом направлении. Атака немцев была отбита. Таким образом, во второй половине августа 1942 г. обстановка на Северном Кавказе достигла наивысшего напряжения. Советским войскам удалось остановить врага в предгорьях западной части Главного Кавказского хребта и на направлениях, ведущих к Черному морю. Вместе с тем, противник сосредоточил крупные силы на Грозненско – Бакинском направлении и начал наступление. 5 августа 1942 г. немцы захватили Ставрополь, 10 августа – Минеральные Воды и Пятигорск.

Утром 13 августа подразделения 2-й гвардейской стрелковой дивизии вступили в бой с противником в районе сел. Куба КБАССР. Используя превосходство в численности и в вооружении, в эти дни немцы захватили несколько районов республики: Зольский, Кубинский, Нагорный, Прималкинский, часть Баксанского и Прохладненского⁵.

В условиях тяжелых оборонительных боев на Северном Кавказе, Ставка Верховного Главнокомандования всемерно оказывала помощь Закавказскому фронту. Для его усиления выделялись значительные силы из своего резерва. Так, с 6 августа по сентябрь, Закавказский фронт получил два гвардейских стрелковых корпуса и 11 отдельных стрелковых бригад. 8 августа по приказу Ставки была создана Северная группа войск Закавказского фронта в составе 44-й и 9-й армий под командованием генерал-лейтенанта И.И. Масленникова⁶.

В эти напряженные дни на территории Кабардино-Балкарии развернулись ожесточенные бои, в которых части и соединения Северной группы войск проявили стойкость и мужество, благодаря которым враг был остановлен на рубежах Терека и Баксана.

Воины 2-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Ф.В. Захарова успешно отражали многочисленные атаки превосходящих сил противника в районе горы Хара-Хора, сел. Заюково и Кызбурун I, где враг пытался развить наступление на Нальчик и вверх по Баксанскому ущелью к перевалам Главного Кавказского хребта – Донгуз-Орун-Баши, Бечо, к Тырнаузскому вольфрамо-молибденовому комбинату.

Ареной ожесточенных сражений стала высота 910 и сел. Кызбурун I, через которые противник пытался прорываться к Нальчику. За доблесть, проявленную в этих сражениях, Военные советы Северной группы войск и 37 армии объявили благодарность личному составу 2-й гвардейской стрелковой дивизии⁷. Многие солдаты и офицеры, проявившие мужество и храбрость в борьбе с немецкими захватчиками в районе Кызбуруна-I и 910 высоты, были награждены высокими правительственными наградами⁸.

После неудачных попыток на нальчикском направлении, немцы решили произвести перегруппировку сил, форсировать р. Терек в районе Моздока и по кратчайшему пути выйти к грозненской нефти. Одновременно с наступлением на Моздок, немцы нанесли удар с севера и востока на Прохладный. Захватив его, противник 25 августа начал наступление из этого района на юг вдоль железной дороги Прохладный – Орджоникидзе. Однако все попытки немцев прорвать оборону советских войск на этом участке фронта успеха не имели. Не сумев преодолеть здесь сопротивление советских войск, немцы спешно перегруппировали силы и начали наступление на Моздок вдоль левого берега Терека на Ищерскую и Гудермес. К 1 сентября немецким танковому и армейскому корпусам удалось потеснить передовые подразделения советских войск и захватить Моздок и Ищерскую. Началась Малгобекская оборонительная операция (1–28 сентября 1942 г.)

Немцы решили форсировать р. Терек у Моздока, захватить Малгобекский нефтяной район и развить наступление на Грозный. Этот план представлял реальную

угрозу прорыва немцев к грозненскому и бакинскому нефтяным промыслам. Чтобы не допустить этого, Северная группа войск Закавказского фронта была усилена вновь сформированной 58-й армией, что позволило значительно укрепить положение Северной группы войск Закавказского фронта. Тем не менее, советские войска находились в сложном положении.

Утром 2 сентября немецкие части приступили к форсированию р. Терек на участке Предмостный, Кизляр. Захватив эти населенные пункты, они пытались развить наступление на юг. Однако на этом рубеже части 11-го гвардейского стрелкового корпуса остановили продвижение немцев. Бои приобрели ожесточенный характер.

В 20-х числах сентября противник нанес удар силами 13-й танковой дивизии из района Хамидии на Куян, Арик. К ним на помощь пришли из района Нижнего Курпа части 370 пехотной дивизии, усиленные танками, которые начали наступать на Верхний Акбаш и Плановское. Под напором превосходящих сил врага 151-я стрелковая дивизия 37-й армии вынуждена была отходить вначале на рубеж р. Арик, а затем на левый берег Терека. Одновременно с развитием наступления на юг, противник 23 сентября проводил атаки на Майский, Котляревскую, Александровскую и, захватив эти пункты, к исходу 24 сентября закрепился на левом берегу Терека.

Для усиления Моздокской группировки противник был вынужден снять с тупинского направления одну из лучших своих дивизий – моторизованную дивизию СС «Викинг» и перебросить его в район Моздока. 24 сентября противник ввел части этой дивизии в первую линию в районе Нижнего Курпа. На этот раз немцы решили наступать через Эльхотовские ворота в направлении Орджоникидзе и вдоль дороги Прохладный – Грозный по долине р. Сунжи на Грозный. 27 сентября немцы захватили Эльхотово, но прорваться через Эльхотовские ворота к Грозному не смогли.

В этих условиях Ставка поставила перед руководством Закавказского фронта задачу немедленно ликвидировать немецко-фашистскую группировку южнее и юго-западнее Моздока и восстановить линию фронта по правому берегу Терека. Однако эта задача оказалась невыполнимой в силу тяжелого положения, в котором оказалась Северная группа войск Закавказского фронта. В связи с этим, по решению Ставки Верховного Главнокомандования Северная группа войск перешла к обороне. С таким итогом завершилась Малгобекская оборонительная операция.

Следует подчеркнуть, что на Малгобекском направлении сражалось немало воинов из Кабардино-Балкарии: начальник политотдела 337 стрелковой дивизии Михаил Кербекевич Наков, помощник командира артиллерийского полка 89-й стрелковой дивизии Георгий Семенович Хасровьян, командир орудийного расчета Шу Пагович Мамхегов и многие другие. В оборонительных боях в Кабардино-Балкарии вместе с курсантами Новочеркасского кавалерийского училища принимал активное участие А.О. Шогенцуков⁹. Более 150 наших земляков – воинов 317 стрелковой дивизии участвовали в ожесточенных боях за высоту 103 в районе Верхнего Курпа. Около 50 воинов из нашей республики пали в этих боях, в том числе братья Ильяс и Бетал Татаркановы из сел. Шордаково.

Отважно защищали родные места воины 160 отдельного мотострелкового батальона 37-й армии Залимгери Абанокв из сел. Арик, Махмуд Тарчоков из Плановского, Назир Дадохов из сел. Хамидие, помощник начальника штаба 2 отдельного стрелкового батальона 60-й отдельной стрелковой бригады А.А. Ягодзинский, в прошлом агротехник колхоза «Большевик» (сел. Псыхурей)¹⁰.

Провал наступления немцев на Грозненском направлении вызвал большое недовольство у руководителей рейха. Гитлер в качестве личного представителя прислал начальника штаба оперативного руководства вооруженных сил Германии А. Йодля, который любой ценой должен был обеспечить возобновление наступления немецких солдат и офицеров. Однако сделать этого ему не удалось.

После неудачных попыток прорваться к грозненскому нефтяному району, с малгобекского плацдарма через Эльхотовские ворота, противник решил достичь этой цели наступлением через Нальчик, Орджоникидзе. В ходе подготовки наступления 1-й танковой армии немецкой группы армии «А», удалось скрытно произвести перегруппировку сил и средств. Для маскировки своих намерений немцы имитировали наступательные действия мелкими группами танков в районе Малгобека и, укрепив инженерными сооружениями оборону в районе Илларионовки, Эльхотово, Плановской, сняли оттуда 13-ю и 23-ю танковые дивизии и сосредоточили в районе Майского, Котляревской. К началу боевых действий противник сосредоточил на нальчикском направлении две танковые и одну горнострелковую дивизии, десять батальонов и дивизионов специального назначения. Численность немецких войск составляла 33 894 человек. На вооружении немецких войск, сосредоточенных на нальчикском направлении, имелось 460 орудий и минометов, более 1500 станковых и ручных пулеметов, 178 танков и большое количество мотоциклов и бронемашин¹¹.

Между тем, основные силы Северной группы располагались на Грозненском и Орджоникидзевском направлениях, в то время как на Нальчикском направлении противнику противостояли ослабленные в предшествовавших боях соединения 37-й армии. На участке прорыва, противник превосходил советские войска в пехоте – в 3 раза, в артиллерии – более чем в 10 и в танках – в 20 раз¹². К началу военных действий все силы 37-й армии были равномерно растянутыми на фронте протяженностью 120 км.

Перейдя в наступление утром 25 октября 1942 г. на участке Баксан-Кызбурун-III, части 3-го немецкого танкового корпуса и 2-я румынская горнострелковая дивизия, поддержанная авиацией 4-го воздушного флота противника, продвинулись на юг, преодолев упорное сопротивление соединений Северной группы войск. Наступление немцев сопровождалось налетом авиации (до 100 самолетов) и мощной артиллерийской подготовкой на боевые позиции 37-й армии. В результате бомбового удара были прерваны все линии связи, соединявшие штаб 37-й армии, который находился в Долинске, со штабом Северной группы и штабами воинских подразделений, входивших в состав 37-й армии. Поэтому, несмотря на героизм и самоотверженность советских солдат и офицеров последним не удалось сорвать наступление врага. Тем не менее, бойцы 593-го артиллерийского полка в этот день уничтожили 8 танков и вывели из строя до батальона пехоты. Ожесточенные бои шли и на других участках обороны. Так, бойцы 2-й гвардейской стрелковой дивизии в течение дня отбивали яростные атаки двух полков пехоты, поддерживаемых 80 танками. К исходу дня под давлением превосходящих сил противника воины 295-й стрелковой дивизии частью отошли к Нальчику, частью к высоте 910. К высоте 910 отошла и 392-я стрелковая дивизия¹³. В течение 25 октября было уничтожено до 60 танков и до 800 солдат и офицеров врага¹⁴.

К утру 26 октября противник подошел к Нальчику. В бой с ним вступили части 11-й стрелковой дивизии НКВД, оборонявшие город. Развернулись уличные бои. В течение трех дней советские воины самоотверженно сражались с врагом, нанося ему урон в живой силе и технике. Только к исходу 28 октября 1942 г. защитники оставили город¹⁵.

Захватив Нальчик, гитлеровцы устремились в направлении Чиколы, Дигоры, Алагира, Гизела с задачей прорваться, к Орджоникидзе. В конце октября – начале ноября советские войска нанесли огромные потери частям 13-й и 23-й танковых дивизий противника. Однако, несмотря на эти потери, 1 ноября враг занял Алагир и переправился через р. Ардон. В этот же день авиация противника сильно бомбила Орджоникидзе. В результате бомбежки погибли начальник штаба Закавказского фронта генерал-лейтенант П.И. Бодин, член Военного Совета фронта, первый заместитель председателя Совнаркома Грузинской ССР А.Н. Саджая, народный комиссар внутренних дел СО АССР А.С. Заделава.

С утра 2 ноября 1942 г. противник силами до 100 танков перешел в наступление и к исходу дня захватил Гизель. После этого враг вынужден был перейти к обороне. К этому времени командование Северной группы войск Закавказского фронта сосредоточило в районе прорыва выделенные из резерва и из состава войск, оборонявших грозненское направление, новые подразделения.

6–12 ноября 1942 г. в районе сел. Гизель развернулись ожесточенные бои. 6 ноября войска 9-й армии (командующий – генерал-майор К.А. Коротеев) нанесли мощный контрудар по группировке немецко-фашистских войск. Введя в бой танковые соединения, советские войска нанесли поражение частям и соединениям 1-й танковой армии противника, не выдержавшего контрудара и начавшего отступление в направлении Алагиря. В тяжелых боях в районе сел. Гизель советские войска разгромили 13-ю немецкую танковую дивизию, полк «Бранденбург», 45 самокатный батальон, 7-й саперный батальон, часть 1-й горнострелковой дивизии; серьезный удар был нанесен по частям 23-й немецкой танковой, 2-й румынской горнострелковой дивизий, которые понесли значительные потери. В ходе Гизельского сражения было уничтожено более 5000 солдат и офицеров врага, захвачено 140 немецких танков, 7 бронемашин, 70 орудий разных калибров, 2350 автомашин и многие другие трофеи¹⁶.

В результате разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, обстановка на южном крыле советско-германского фронта резко изменилась. Войска Юго-Западного и Южного фронтов глубоко охватили с севера основные силы группы армий «Дон» и создали угрозу окружения северокавказской группировки противника. Немецко-фашистское командование, стремясь избежать окружения, в начале января 1943 г. начало отвод 1-й танковой армии из района Моздока, Нальчика, Прохладного в общем направлении на Ставрополь.

Войска Северной группы начали преследование отходившего противника. Непосредственно на Нальчик наступала 2-я гвардейская стрелковая дивизия 37-й армии. 3 января подразделения 395-го гвардейского стрелкового полка этой дивизии вступили в город и совместно с партизанами Кабардино-Балкарского объединенного отряда завязали уличные бои. К утру 4 января они полностью очистили Нальчик от противника, а территорию республики – 11 января. Войскам, участвовавшим в освобождении г. Нальчика, приказом Верховного Главнокомандующего от 25 января 1943 г. была объявлена благодарность¹⁷.

Одновременно с оборонительными боями на Грозненском и Новороссийском направлениях, в середине августа начались ожесточенные бои 46 армии Закавказского фронта на перевалах Главного Кавказского хребта (командующий до 28.08.1942 г. генерал-майор В.Ф. Сергацков, затем генерал-лейтенант К.Н. Лесалидзе).

Следует подчеркнуть, что командование Закавказского фронта, готовясь в свое время к обороне высокогорных перевалов в центральной части Главного Кавказского хребта, недооценило всю важность укрепления этого района в инженерном и огневом отношениях. Оно также не учитывало то обстоятельство, что для покорения горных вершин Кавказа, фашистская Германия мобилизовала специально обученные горнострелковые подразделения. Все это привело к тому, что дивизии 49 горнострелкового корпуса противника, начав наступление 18 августа, вынудили к 9 сентября части 3 стрелкового корпуса 46 армии оставить часть перевалов. Перед 46-й армией встала трудная задача – остановить и разгромить очень сильного и профессионально подготовленного противника. Для этого требовались специальные, хорошо обученные горнострелковые войска.

Воспользовавшись отсутствием организованного прикрытия подходов к Главному Кавказскому хребту с севера, части дивизии «Эдельвейс» в середине августа вступили в бой с советскими горнострелковыми отрядами на Эльбрусском и Клухорском направлениях. 18 августа они вышли на южные склоны Эльбруса

и захватили перевалы Хотю – Тау и Чипер – Азау. Как впоследствии стало известно, в боях за перевалы Главного Кавказского хребта в дивизии «Эдельвейс» участвовали многие офицеры, которые в 30-х гг. побывали на Кавказе в качестве туристов, альпинистов, поднимались на его вершины и высокогорные перевалы. И теперь, идя на штурм Главного Кавказского хребта, они свободно ориентировались в этих местах¹⁸. Вышеназванные преимущества позволили немецким егерям подняться 25 августа 1942 г. на обе вершины Эльбруса и водрузить немецкие штандарты со свастикой. После водружения флагов на вершинах Эльбруса во всю мощь заработала пропагандистская машина Геббельса, которая расценила этот локальный факт как символ покорения Кавказа и его народов. Правда, после войны Курт Типпельскирх, автор книги «История второй мировой войны» пишет, что «это значительное достижение альпинизма не имело ни тактического, ни тем более стратегического значения»¹⁹.

В ходе ожесточенных боев вначале 1943 г. немецкие горно-стрелковые части стали отступать. 13 февраля 1943 г. группа инструкторов альпинизма РККА во главе с мастером спорта СССР Н. Гусаком поднялась на Западную вершину Эльбруса. Группа по приказу командования Закавказья, сняла немецко-фашистский вымпел и установила красный флаг СССР. 17 февраля в 11 часов дня на Восточной вершине группа альпинистов из 14 человек сбросила немецкий штандарт и под пистолетный салют водрузила советский флаг²⁰.

Картина героической борьбы с немецко-фашистскими захватчиками на территории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны была бы неполной без анализа деятельности кабардино-балкарских партизан. По мере приближения линии фронта к границам Северного Кавказа для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками были созданы партизанские отряды в республике.

По данным обкома ВКП(б) и НКВД КБАССР в июле-августе 1942 г. в республике из числа партийных, советских и комсомольских работников было организовано 8 партизанских отрядов общей численностью до 500 человек²¹. По другим источникам в республике было сформировано 11 партизанских отрядов²².

Особенность деятельности партизанских отрядов в Кабардино-Балкарии определялась характером боевых действий в условиях предгорной зоны и высокогорья. Было признано целесообразным осуществлять боевые действия не в глубоком вражеском тылу, как это было в Белоруссии и на Украине, а «находиться при воинских частях и выполнять приказы их командования»²³. Тем не менее, партизаны действовали и в тылу врага, и на линии фронта вместе с военными. Так, в донесении политотдела 9-й армии в Политуправление Закавказского фронта от 3 сентября 1942 г. говорилось: «В настоящее время по Кабардино-Балкарской АССР 5 партизанских отрядов находятся и действуют в тылу противника. Эльбрусский партизанский отряд совместно с тремя отрядами войскового подразделения 37-й армии ведет борьбу с десантом противника, который был выброшен в Заюково 31 августа сего года с целью отрезать Баксанское ущелье»²⁴.

С первых дней начала боевых действий на территории республики, партизаны Кабардино-Балкарии активно включились в борьбу против немецких захватчиков. Так, 25 августа 1942 г., Баксанский партизанский отряд совершил налет на военный склад, расположенный в сел. Баксаненок. Без потерь отряд вернулся на свою базу с богатыми трофеями.

18 сентября 1942 г. группа партизан Нагорно-Зольского отряда напала на румынское подразделение, которое заготавливало сено между селениями Верхний Куркужин и Сармаково. В результате было убито 6 оккупантов и ранено 4, захвачено 20 подвод, 5 винтовок. В штаб 2-й гвардейской стрелковой дивизии были доставлены три пленных с картами и документами, изъятыми у последних²⁵.

Первым крупным боевым успехом партизан Кабардино-Балкарии явилось нападение на гитлеровский гарнизон, располагавшийся в сел. Каменномостском –

центре Нагорного района. Операция тщательно была спланирована. К ее проведению были привлечены Нагорно-Зольский, Баксанский, Кисловодский партизанские отряды, а также войны 2-й гвардейской стрелковой дивизии. По данным руководства партизанского движения республики в этом бою погибло 160 солдат и офицеров врага, ранение получило более 30 чел. Не обошлось без потерь и со стороны партизан. Были убиты секретарь Кубинского райкома партии Бот Кодзев и партизан Малкаров, 6 человек получили ранение. Убитых героев партизаны на руках унесли в горы и похоронили в селении Гунделен.

Группа партизан, отличившаяся в этом бою, была награждена орденами и медалями СССР.

После разгрома немецкого гарнизона в Каменноостском было принято решение об объединении партизанских отрядов Прохладненского, Баксанского и Нагорно – Зольского районов. Оно было осуществлено 15 октября 1942 г. Командиром объединенного отряда был утвержден бывший председатель Прохладненского райисполкома Г.М. Царяпин, комиссаром – Ч.К. Кудаев. 17 октября областной комитет партии образовал подпольный обком ВКП(б) во главе с А.Ш. Фокичевым.

Боевой успех в разгроме военного гарнизона противника в Каменноостском воодушевил партизан на новые операции. Так, 1 ноября 1942 г. объединенный партизанский отряд вместе с партизанским отрядом г. Кисловодска, провел дерзкий налет на сел. Хабаз. В трехчасовом бою фашисты потеряли убитыми 82 солдата и офицера, ранеными – 3. Вскоре после этой операции по приказу руководства партизанским движением, объединенный Кабардино-Балкарский партизанский отряд был передислоцирован в район Лескенского фанерного завода, где находилась его основная база.

В начале ноября 1942 г. почти вся территория республики была оккупирована немцами. В это время подпольный обком партии организовал выпуск листовки «За Советскую Кабардино-Балкарию», сыгравшей большую роль в мобилизации населения Кабардино-Балкарии на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

В отрыве от Кабардино-Балкарского объединенного партизанского отряда действовали самостоятельно партизаны Хуламо-Безенгийского, Эльбрусского и Терско-Курпского отрядов, которые внесли значительный вклад в дело борьбы с немецко-фашистскими захватчиками на территории республики.

В ночь с 27 на 28 ноября партизаны осуществили очередное нападение на немецкий гарнизон, расположенный в сел. Верхняя Жемтала. Налет начался по общему сигналу. Партизаны вошли в село незаметно, перерезали телефонную связь с Нижней Жемталой, где находился немецкий гарнизон, выставили заслон для прикрытия отряда. Бой длился более двух часов.

О нападении партизан на немецкий гарнизон в Верхней Жемтале стало известно немцам, расквартированным в Нижней Жемтале, и оттуда гитлеровцы кинулись на помощь разгромленному гарнизону. Однако это не помогло, более того, сами они оказались под перекрестным огнем партизан и многие из них погибли. В операции, длившейся более двух часов, были убиты 71 оккупанта. В этом бою партизаны потеряли одного бойца убитым и двое были ранены.

Воодушевленные героизмом защитников Сталинграда, партизаны Кабардино-Балкарии значительно усилили натиск на врага. Они провели очередные налеты на гитлеровские гарнизоны. Так, 4–5 декабря 1942 г., партизаны объединенного Кабардино-Балкарского отряда вместе с воинами 37-й армии обрушились на немецкий гарнизон в сел. Лескен I, в котором находилось большое количество гитлеровцев. В результате боевых действий врагу был нанесен большой урон – уничтожено более 200 вражеских солдат и офицеров, захвачено 5 винтовок, 1 пулемет и доставлен в штаб 1 немец. В этом бою смертью храбрых погибли 17 партизан, ранение получили 5.

28 декабря 1942 г. партизаны Кабардино-Балкарии совместно с воинами 2-й гвардейской стрелковой дивизии нанесли новый удар немцам в сел. Верхняя Жемтала, в районе горы Тушу и уничтожили 149 вражеских солдат и офицеров²⁶.

За период боевых действий партизан Кабардино-Балкарии, было произведено девять крупных налетов на вражеские гарнизоны. В результате этого, было разгромлено семь штабов противника, в том числе два батальонный и один дивизионный. Кроме этого, партизаны истребили свыше 700 гитлеровцев, взяли в плен 31 фашиста, захватили 10 пушек, два склада с боеприпасами, 2 цистерны с горючим, 5 тысяч снарядов, 5 автомашин, 9 мотоциклов, 10 тысяч патронов²⁷ и т.д.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что к началу битвы за Кавказ для советских войск сложились неблагоприятные условия, вытекавшие из стратегических просчетов Ставки Главного Командования в определении направления главного удара. Это привело к большим потерям материальных и людских ресурсов. Но, несмотря на это, высшему военно-политическому руководству страны удалось к концу осени 1942 г сконцентрировать большие силы на кавказском направлении и приостановить наступление немцев под Орджоникидзе, а к январю 1943 г. перейти в контрнаступление.

Боевые действия на территории Кабардино-Балкарии, являясь составной частью битвы за Кавказ, продемонстрировали героизм советских солдат и офицеров, их всемерную поддержку со стороны местного населения. Сотни патриотов республики воевали с оружием в руках против фашистских захватчиков. Многие из них пали на полях сражений.

Примечания

1. Военный энциклопедический словарь (ВЭС). М., 1984. С. 83.
2. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки, документы и материалы. М., 1973. Т. 2. С. 325–327.
3. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., 1967. С. 166.
4. Битва за Кавказ (1942–1943). Москва–Владикавказ, 2002. С. 34–35.
5. История Кабардино-Балкарской АССР. Т.2. М., 1967. С. 251.
6. История второй мировой войны. 1939–1945. М., 1975. С. 212.
7. *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик, 1878. С. 89.
8. Войска 37-й и 46-й армии в боях на территории Кабардино-Балкарии в период битвы за Кавказ. Август 1942-январь 1943. Сборник документов и материалов. Составитель – О.Л. Опрышко. Нальчик, 2016. С. 34–66.
9. Управление центрального государственного архива АС КБР (УЦГА АС КБР). Ф. Р-814. Оп. 4. Д. 113.
10. *Хакуашев Е.Т.* Указ соч. С. 93–94.
11. *Гречко А.А.* Битва за Кавказ. М., 1967. С. 174.
12. Управление центра документации новейшей истории АС КБР. (УЦДНИ АС КБР) Ф. 1. Оп. 15. Д. 220. Лл. 8–9.
13. *Хакуашев Е.Т.* Указ. соч. С. 99–100.
14. *Ибрагимбейли Х.М.* Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977. С. 171.
15. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 15. Д. 220. Лл. 8–9.
16. *Завьялов А.С., Калядин Т.Е.* Битва за Кавказ. 1942–1943. М., 1957. С. 110–111; *Гречко А.А.* Битва за Кавказ. М., 1967. С. 184.
17. УЦДНИАС КБР. Ф. 1. Оп. 15. Д. 220. Лл. 8–9.
18. *Опрышко О.Л.* На Эльбрусском направлении. Нальчик, 1970. С. 15–16.
19. *Типельскирх К.* История второй мировой войны. Пер. с нем. М., 1956. С. 236.
20. *Опрышко О.Л.* Указ соч. С. 18, 163–164.
21. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Нальчик, 1975. С. 287.

22. История многовекового содружества. Нальчик, 2007. С. 390.
23. Хакуашев Е.Т. Указ. соч. С. 131.
24. История многовекового содружества. Нальчик, 2007. С. 390.
25. УЦДНИ АС КБР. Ф.45. Оп. 1. Д. 4. Л. 50; Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Нальчик, 1975. С. 271–272.
26. УЦДНИ АС КБР. Ф. 45. Оп. 1 Д. 4. Л. 50 об.
27. Хакуашев Е.Т. Указ. соч. С. 140.

MILITARY ACTIONS IN THE TERRITORY OF KABARDINO-BALKARIA IN THE PERIOD OF THE CAUCASIAN BATTLE

Karmov Amerby Hazretovich, Candidate of History, senior researcher of the Department of the recent history of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), karmovamerbi@mail.ru

The Institute for Humanitarian Research – a branch of the Federal State Budget Scientific Institution “Federal Scientific Center” Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences “

The article discusses the balance of forces and assets of the German-Fascist grouping of the “A” army and defended the Caucasian direction of the forces of the Southern Front to the beginning of the Caucasian battle, analyzes the reasons for the Red Army’s failures in the first stage of the struggle. Particular attention is paid to military operations in the territory of Kabardino-Balkaria: territory of the republic, military operations in Nalchik, Mozdok, Malgobek directions, participation of local population in combat operations on the Kurp heights and in partisan detachments of the republic.

Keywords: Caucasian battle, fascist group “A”, division “Edelweiss”, 910 heights, Kizbun-I, Malgobek operation, “Elbrus”, partisan movement.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-36-45

**ВОСПОМИНАНИЯ М.М. КАРМΟΚΟΒΑ
КАК ИСТОЧНИК О ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ
НА ТЕРРИТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.**

Кушхабиев Анзор Викторович, доктор исторических наук, заведующий Центром социально-политических исследований Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ЦСПИ КБНЦ РАН), anzor-vk@mail.ru

В статье анализируются воспоминания М.М. Кармокова о партизанском движении на территории Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны. Анализ мемуаров участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в том числе и воспоминаний М.М. Кармокова, имеет важное значение для реконструкции истории партизанского движения в Кабардино-Балкарии. В них содержатся важные факты и детали о действиях партизан во время оккупации республики войсками фашистской Германии в августе 1942 – начале января 1943 г. По источниковедческой классификации, воспоминания М.М. Кармокова относятся к классическим воспоминаниям, которые записаны участниками событий. Информация, которая содержится в них (описание эвакуации колхозного скота через перевалы в Грузию, описание боевых действий партизан Кабардино-Балкарии и сбора ими разведывательных сведений в августе 1942 января 1943 гг., фамилии участников событий), совпадает с информацией, представленной в опубликованных материалах других участников событий, что свидетельствует о ее достоверности. Воспоминания М.М. Кармокова являются ценным источником и существенно дополняют опубликованную научную и научно-публицистическую литературу по истории Кабардино-Балкарии во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Кармоков М.М., воспоминания, партизанское движение, Кабардино-Балкария, Великая Отечественная война, фашистская Германия, оккупация, боевые действия, разведывательная деятельность.

Воспоминания советского, партийного деятеля Кармокова Мухамеда Машуковича¹ о партизанском движении на территории Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. были написаны в 1963 г. Они опубликованы в 2015 г. в журнале «Архивы и общество» (№34)². Анализ мемуаров участников Великой Отечественной войны, в том числе и воспоминаний М.М. Кармокова, имеет важное значение для реконструкции истории партизанского движения в Кабардино-Балкарии. Несмотря на небольшой объем (15 страниц машинописного текста) и лаконичный стиль воспоминаний М.М. Кармокова, в них содержится описание важных фактов и деталей о действиях партизан³ во время оккупации республики войсками фашистской Германии в августе 1942 – начале января 1943 г.

В воспоминаниях М.М. Кармокова, в частности, рассказывается о создании Баксанского партизанского отряда. В источнике сказано, что 7 августа 1942 г. в селение Заюково приехал комиссар партизанского движения КБАССР Ч.К. Кудаев. Он собрал узкий актив коммунистов и сообщил, что по решению Бюро Обкома партии, организуется Баксанский партизанский отряд из числа сельского актива, коммунистов, комсомольцев и беспартийных. Командиром партизанского отряда был утвержден И.А. Абазов, комиссаром – Х.И. Ерижиков. Ч.К. Кудаев зачислил

в партизанский отряд 10 активистов, которых поручил председателю сельсовета Х. Бухурову на следующий день привести в отряд, располагавшийся в местности Фандуко⁴.

В воспоминаниях М.М. Кармокова также содержится описание эвакуации колхозного скота через перевалы в Грузию, осуществленного на основании решений райкома партии и райисполкома. В источнике сказано, что от каждого колхоза на Нагорные пастбища выехала группа активистов под руководством заместителя сельхозотдела села Заюково Калажокова. Для осуществления руководства эвакуацией скота из Нальчика прибыл К.Т. Тлостанов вместе со специалистами. Но в это время германское командование, чтобы воспрепятствовать эвакуации колхозного скота, перебросило на Нагорные пастбища вооруженную группу из 10-ти завербованных советских военнопленных. Эта группа предупредила чабанов, пастухов и табунщиков, что если они попытаются перегнать скот в Грузию, будут расстреляны на месте. Когда сотни невооруженных колхозников-активистов прибыли на Нагорные пастбища Домбо, Мазеха, Гедмишх и др., вооруженная группа противника встретила их автоматным огнем и не позволила эвакуировать скот. При этом был тяжело ранен, а позднее расстрелян фашистами ветврач Наркомзема⁵ Афаунов⁶.

О развитии ситуации на Нагорных пастбищах М.М. Кармоков сообщил, что в тот же день он собрал 8 активистов, вооружил их винтовками, которые взял в одной воинской части, и поехал на пастбища за скотом. Когда они прибыли на пастбища, вооруженная группа противника сбежала через р. Малку. После этого активистам удалось быстро организовать перегон скота, принадлежащего колхозам им. С.М. Кирова и им. Индустриализации, и разместить его в тылу обороны Красной Армии. Но через три дня германские войска захватили Нагорный район и Нагорные пастбища, на которых находилось большое количество скота. Через несколько дней нарком земледелия КБАССР Сасиков собрал вооруженный отряд, поехал в Нагорный район и угнал большое количество скота с оккупированной территории. К этому скоту присоединили 5000 голов скота и 1800 лошадей колхоза им. С.М. Кирова и погнали по Баксанскому ущелью вверх, в сторону перевала. Вместе с отрядом Сасикова был и М.М. Кармоков. Не доходя до перевала, в селе Былым они узнали о высадке германского десанта в районе Эльбрусского перевала. По этой причине скот временно оставили в районе Былымского рудника в горах, на пастбищах между реками Баксан и Чегем. Постепенно, небольшими частями скот перегоняли в Нальчик и передавали советским воинским частям 37-й армии⁷.

В источнике приведены следующие статистические данные. После уничтожения советскими войсками немецко-фашистского десанта в ноябре 1942 г. в районе Эльбруса, большое количество крупного рогатого скота и овец перегнали через перевалы в Грузию. Скот был передан воинским частям по чековым требованиям. Из скота колхоза им. С.М. Кирова села Заюково воинским частям было передано: 4500 голов крупного рогатого скота, 54 тыс. овец, 1800 лошадей и 250 свиней. М.М. Кармоков также отметил, что в период с 5 по 20 августа 1942 г. он, будучи председателем колхоза им. Кирова села Заюково, неоднократно оказывал помощь воинским частям Красной Армии. Так, 2-й гвардейской дивизии⁸ 37-й армии, занявшей оборону в районе села Заюково, он передал: 400 мешков пшеничной муки; необходимое количество мяса, масла, овощей и картофеля; 100 верховых лошадей с седлами; корм для лошадей воинской части⁹.

Значительный интерес представляют описания первых боевых операций Баксанского партизанского отряда, в который М.М. Кармоков вступил после захвата Заюково германскими войсками 19 августа 1942 г. В источнике сказано, что один полк 37-й армии под командованием Замишевского получил приказ освободить село Заюково от германских войск. Баксанский партизанский отряд принял участие в данной операции. По сведениям М.М. Кармокова, операция началась в 6 часов утра и закончилась к 14 часам. При этом партизаны оказали существенную помощь воинским частям. Но, спустя три недели, фашисты снова заняли Заюково¹⁰.

Большой интерес также представляет информация о разведывательной деятельности в тылу врага, которой занимались партизаны Баксанского отряда. М.М. Кармоков отметил, что ему, как председателю колхоза в Заюково, было поручено организовать разведку в селе. Ему также поручили во время выборов местных органов германской власти в Заюково выдвинуть людей, преданных Советской власти. В источнике лаконично сказано, что это задание было выполнено. «Надежных людей» избрали на должности заместителя старосты, секретаря бургомистра¹¹ и заместителя начальника полиции. М.М. Кармоков также записал, что еще одним поручением было организовать несколько явочных квартир для партизан. Такие квартиры были организованы у пяти жителей села. В источнике также сказано, что из числа колхозников была организована группа местных разведчиков. В нее вошли: Х.Ш. Хагуров, М.Х. Хацуков, К.М. Шوماхов и Х.Т. Ойтов. М.М. Кармоков привел описания нескольких важных операций, проведенных этой группой. В частности, по докладу разведчика Х.Ш. Хагурова, обследовавшего в качестве пастуха замаскированные огневые точки германских войск в районе Алашоко, артиллерия дивизии, располагавшаяся в районе горы Чирчил, уничтожила большое количество германских танков и автомашин. По сообщению разведчика-пчеловода М.Х. Хацукова, партизаны организовали засаду в районе пчелофермы и уничтожили 9 германских солдат, пришедших за медом. Заместитель старосты И.А. Шурдумов ночью, через черный ход зашел в колхозный клуб и вывел оттуда двух пленных советских офицеров. Он выдал им по германскому пистолету, и перебрал их через расположение германских войск в штаб полка Красной Армии. «Секретарь» бургомистра Ж.С. Чеужев похитил из сейфа секретные документы и передал их партизанам, которые переправили эти документы по назначению¹².

Об одном из довольно сложных и опасных заданий, выполненных партизанами Баксанского отряда, М.М. Кармоков сообщил следующее. Выполняя задание командира одного из полков 2-й гвардейской дивизии, он вместе с четырьмя партизанами переехал через реку Баксан и пробрался через линию германской обороны. Там им удалось обнаружить 6 огневых точек. На обратном пути, при переходе через линию германской обороны, партизан случайно обнаружили подразделения противника и открыли по ним огонь. В течение часа партизаны лежали в густой траве. При этом германские солдаты выпустили осветительные ракеты, но обнаружить партизан им не удалось. В это же время советские войска открыли ответный огонь из «катюш». Три самолета У-2 стали бомбить расположение германских войск, после чего погасли осветительные ракеты и германские подразделения прекратили огонь. Воспользовавшись этим обстоятельством, партизаны вернулись в расположение штаба полка. По добытым ими сведениям, огневые точки противника были нанесены на карту и в тот же день уничтожены¹³.

Значительный интерес представляют детали Каменноостской операции (21 сентября 1942 г.), записанные М.М. Кармоковым. В источнике сказано, что 70 партизан Баксанского отряда выехали верхом с гор возле Жанхотеко в сторону селения Каменноостское. К вечеру отряд расположился в верховьях балки Екепцоко. Утром следующего дня партизаны-разведчики сообщили, что из селения Каменноостское вышли 20 германских солдат и двинулись в сторону расположения партизан. Командир приказал замаскироваться и организовать засаду около тропы, по которой шли солдаты противника. Через несколько минут по тропе, гуськом, один за другим к засадам партизан подошли 19 германских разведчиков с проводником из села Каменноостское. По команде партизаны открыли огонь и 15 фашистов с проводником были уничтожены. Трех партизаны забрали в качестве «языка». С наступлением темноты партизаны подошли к Каменноостскому с восточной стороны. С южной стороны к селу подошли разведчики 2-й гвардейской дивизии под командованием майора Иванова. У входа в село партизаны остановились и послали троих для уничтожения часовых. Через несколько

минут трое партизан вернулись и сообщили, что часовые сняты и путь в село открыт. По команде «Вперед!» партизаны двинулись в село. С криками «Ура!», «Вперед, за Родину!» 70 партизан верхом ворвались в село. Началась стрельба из автоматов, стали взрываться гранаты. Группа из 25 всадников, среди которых был и М.М. Кармоков, напала на колхозный клуб, где разместились германские солдаты. Вначале германские солдаты встретили партизан огнем. Затем они стали выскакивать из клуба и перебегать через улицу. Партизаны налетали на фашистов, сбивали их с ног и уничтожали. Часть партизан спешили и атаковали германский гарнизон. Партизаны бросали гранаты Ф-1 в окна казармы и стреляли из автоматов. М.М. Кармоков отметил, что на других улицах были слышны беспрерывное «Ура!», взрывы гранат и автоматная стрельба. Солдаты противника вначале активно отбивались, но затем уменьшили огонь и прекратили его. Они стали уходить из села на запад. Бой продолжался в течение двух часов. В бою было уничтожено большое количество солдат и офицеров противника, уничтожен штаб германского полка, был захвачен один штабной офицер с документами. По сведениям М.М. Кармокова, в бою погибли 1 партизан и 1 красноармеец, ранения получили 4 партизана и 1 красноармеец¹⁴. Следует отметить, что в бою по освобождению села Каменномостское было уничтожено свыше 100 солдат и офицеров противника¹⁵.

Значительный интерес также представляет описание похода партизан Кабардино-Балкарии на село Лескен (4–5 декабря 1942 г.), которое содержится в воспоминаниях М.М. Кармокова. В источнике сказано, что после захвата германскими войсками Нальчика¹⁶, командир партизанского отряда Г.М. Царяпин и комиссар отряда Ч.К. Кудяев собрали партизан объединенного отряда в Баксанском ущелье. Оттуда они отправились по маршруту: селения Былым – Верхний Чегем – Хулам – Безенгийское ущелье – Карасу – Голубые озера – фанерный завод (Лескен). По пути следования, в районе села Верхний Чегем крупная банда напала на партизанский отряд. Партизанам пришлось отбивать атаки банды. При этом 1 партизан погиб и 1 партизан был тяжело ранен. Бандиты также убили 14 лошадей. Вечером партизанский отряд ушел по направлению Хулам – Безенги¹⁷.

М.М. Кармоков довольно подробно описал последующие события. 4 декабря 1942 г. рано утром отряд партизан под командованием Коробова и Начоева спустился с горы напротив села Лескен-1 и вышел на открытое поле, которое оказалось заминированным. Мины стали рваться и солдаты противника, обнаружив партизан, открыли пулеметный и автоматный огонь. Партизаны залегли и открыли ответный огонь. Командир отряда Коробов и два бойца были ранены. Б. Начоев, взявший на себя командование, приказал отойти на правый фланг и подняться на опушку леса для занятия круговой обороны. Солдаты противника несколько раз предпринимали атаки, но каждый раз откатывались на исходные позиции. Затем они открыли минометно-артиллерийский огонь, но успеха не добились. Вечером отряд партизан вышел из окружения и вернулся в свой командный пункт.

Ночью 82 партизана под командованием Б. Начоева были снова отправлены на выполнение задания. В этой группе одним из 4-х взводов командовал М.М. Кармоков. 5 декабря на рассвете партизаны подошли к Лескену с другой стороны. Взводу М.М. Кармокова было приказано атаковать германский гарнизон, находившийся в зданиях электростанции, колхозного клуба и детсада. Когда 20 партизан подошли к зданию электростанции, боевое охранение противника открыло огонь. Но партизаны успели забросить несколько гранат в здание, откуда велся огонь. Уцелевшие от взрывов гранат фашисты, стали выскакивать через окна и двери здания, но партизаны уничтожили их автоматным и винтовочным огнем. Затем в результате упорных перестрелок партизаны ликвидировали группу солдат противника в колхозной мельнице. Во время перестрелки возле колхозного клуба партизаны уничтожили 2-х офицеров и 10 солдат противника. Затем группы

партизан М.М. Кармокова и Х.И. Ерижокова в результате упорной перестрелки уничтожили укрепленную огневую точку противника в «каменном доме». В этом здании было уничтожено 10 солдат противника¹⁸.

В источнике сказано, что незаметно, из поймы реки Лескен к этому месту подошли 40 германских автоматчиков и окружили их – небольшую группу партизан. Завязался неравный бой, в котором погибли 4 партизана. Но фашисты понесли большие потери; на поле боя остались трупы 15 германских солдат. Остальные фашисты обратились в бегство. В связи с прибытием подкрепления к германским подразделениям из Нальчика, партизаны получили приказ отходить из села. Группа партизан, прикрывавшая отход отряда, вступила в бой с наступающим отрядом противника (31 чел.). Фашисты были обращены в бегство, оставив 7 человек убитыми. После этого группы партизан вышли из села и соединились в лесу. По сведениям М.М. Кармокова, в этом бою группа партизан под его командованием уничтожила двух германских офицеров и 32 солдата. Но и потери этой группы партизан оказались немалыми – 6 человек убитыми. После данных событий группа партизан из 10-ти человек под командованием Х.И. Ерижокова совершила ночное нападение на боевое охранение противника на бывшей колхозной ферме на берегу реки Жемтала и уничтожила 11 германских солдат¹⁹.

В воспоминаниях М.М. Кармокова содержится также описание боя партизан Кабардино-Балкарии с румынской стрелковой дивизией, которая напала на штаб партизанского отряда в районе Лескенского фанерного завода. Партизанский отряд занимал выгодные позиции в лесу, на правом берегу реки Лескен. Румынская же дивизия находилась на левом берегу реки. Бой продолжался двое суток. При этом партизаны нанесли тяжелый урон румынам и вынудили их отступить²⁰.

Представляет также интерес описание боя партизан Кабардино-Балкарии (25 чел.) и красноармейцев (25 чел.) с солдатами противника в селении Верхняя Жемтала, произошедшего вечером 24 декабря 1942 г. М.М. Кармоков отметил, что партизаны и красноармейцы двумя группами подошли к селу Верхняя Жемтала, чтобы разведать силы германских войск. В селе трое партизан (Кармоков, Бухуров, Ломакин) встретили германский патруль и уничтожили его автоматным огнем. В бой вступили другой германский отряд и остальные партизаны. Бой продолжался недолго. После этого боя был отдан приказ об отходе партизан²¹.

В воспоминаниях М.М. Кармокова содержится и описание боевой операции по освобождению г. Нальчика. В источнике сказано, что 31 декабря 1942 г. объединенный партизанский отряд в полном составе вышел из Лескенского фанерного завода и направился в Нальчик. 2 января 1943 г. партизанский отряд вместе с ротой красноармейцев, прибывших из села Урух, вошел в село Хасанья. Там 60 румынских солдат без боя сдались в плен. Затем партизаны и красноармейцы вышли из Хасаньи, перешли через реку Нальчик и зашли в Долинск. В районе санатория им. С.М. Кирова они вступили в бой с подразделением германских войск, который через несколько минут отступил в сторону Нальчика, бросив трупы своих солдат. Г.М. Царяпин и Ч.К. Кудяев, командовавшие партизанским отрядом, отправили часть партизан в Нальчик. Но командир роты красноармейцев отказался посылать солдат вместе с партизанами в Нальчик.

В источнике сказано, что партизаны прибыли в Нальчик тремя группами к вечеру. Группа партизан (50 чел.) под командованием Коробова зашла в Нальчик и в районе гостиницы Нальчик вступила в бой с подразделением германских войск. В этой группе находился и М.М. Кармоков. Германский отряд быстро отступил. Вторая перестрелка произошла на ул. Советской. Там войска противника бросили две автомашины и отступили вниз по ул. Кабардинской. В районе кинотеатра Победа снова произошла перестрелка партизан с германским отрядом, который отступил к вокзалу. Дважды германские войска предпринимали контратаки в районе вокзала, в связи с чем, партизанам пришлось отступить к реке Нальчик. Но

партизанский отряд снова пошел в наступление и к утру 3 января, с боем дошел до военного городка. Завершаются воспоминания М.М. Кармокова кратким сообщением, о том, что после окончания боя 3 января 1943 г. к 11 часам утра на ул. Кабардинскую выехала машина с 8-ю немецкими офицерами. Партизаны их задержали и передали частям Красной Армии, прибывшим со стороны селения Урвань. 3 января 1943 г. г. Нальчик был очищен от войск фашистской Германии²².

По источниковедческой классификации, воспоминания М.М. Кармокова относятся к классическим воспоминаниям, которые записаны участниками событий. Информация, которая содержится в них (описание эвакуации колхозного скота через перевалы в Грузию, описание боевых действий партизан Кабардино-Балкарии и сбора ими разведывательных сведений на оккупированной территории в августе 1942 – январе 1943 гг.), свидетельствует о том, что партизаны Баксанского, а позднее – объединенного отряда проявляли высокий уровень боевой подготовки, стойкость и героизм. Она совпадает с информацией, представленной в опубликованных материалах других участников событий²³, что свидетельствует о ее достоверности. Многочисленные факты и детали, а также фамилии активных участников событий, зафиксированные в данном источнике, могут иметь важное значение в реконструкции истории партизанского движения в Кабардино-Балкарии.

В целом, «Воспоминания М.М. Кармокова о партизанском движении на территории Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны» являются ценным источником и существенно дополняют опубликованную научную и научно-публицистическую литературу по истории Кабардино-Балкарии во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Примечания

1. Кармоков Мухамед Машукович (1902–1964 гг.) – родился в кабардинской семье в 1902 г. в селении Заюково. В 1928 г. окончил кооперативное отделение Ленинского учебного городка в г. Нальчике, после чего работал на руководящих должностях КБАССР. В 1928–1929 гг. – он председатель сельского совета с. Заюково Баксанского района. С 1 октября 1929 г. по июль 1931 г. – заведующий сельхозотделом Баксанского райисполкома. С июля по сентябрь 1931 г. – инструктор Кабардино-Балкарского Обкома ВКП(б). С сентября 1931 г. по март 1932 г. – секретарь райкома ВКП(б) Нагорного района. С марта 1932 г. по октябрь 1934 г. – директор Кабардинского племсовхоза № 377 (с. Каменноостское). С октября 1934 г. по октябрь 1938 г. – секретарь партийной организации селения Старая крепость Баксанского района. С октября 1938 г. по май 1939 г. – бригадир полеводческой бригады колхоза им. Кирова с. Заюково. С мая 1939 г. по август 1942 г. – председатель колхоза им. Кирова с. Заюково. С августа 1942 г. по январь 1943 г. – боец Баксанского партизанского отряда. С января по ноябрь 1943 г. – председатель Баксанского районного исполнительного комитета. С ноября 1943 г. по ноябрь 1944 г. – председатель колхоза им. Кирова с. Заюково. С ноября 1944 г. по январь 1946 г. – председатель Терского районного исполнительного комитета. С января 1946 г. по сентябрь 1948 г. – председатель райисполкома Баксанского района. С марта 1947 г. Кармоков М.М. – депутат Верховного Совета КАССР. С августа 1948 г. по ноябрь 1949 г. – заместитель председателя Президиума Верховного Совета Кабардинской АССР. С 1 сентября 1948 г. по 20 сентября 1950 г. – заместитель министра сельского хозяйства Кабардинской АССР по коневодству. С 20 сентября 1950 г. – по 30 марта 1953 г. Кармоков М.М. – председатель райисполкома Нальчикского района. С 31 марта по 30 июня 1953 г. – начальник строительно-монтажной конторы Министерства сельского хозяйства КАССР. С 1 июля 1953 г. – начальник отдела совхозов и конных заводов Министерства сельского хозяйства КАССР. С 24 декабря 1953 г. по 1960 г. – директор Нальчикского горкоопторга. С 1960 г. на пенсии.

Награды, присвоенные Кармокову М.М. указами Президиума Верховного Совета СССР.

1. Орден «Красной Звезды» № 225283. Сентябрь 1944 г. (За ликвидацию воздушного десанта).

2. Орден «Отечественной войны 1-й степени». № 293751. Август 1946 г. (За достигнутые успехи в развитии сельского хозяйства, в день 25-летия КАССР).

3. Медаль «Партизану Отечественной войны 1-й степени». Январь 1943 г. (За выполнение спецзадания).

4. Медаль «За оборону Кавказа». Октябрь 1944 г.

5. Медаль «За доблестный труд в дни Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Июнь 1945 г.

2. *Кармоков М.М.* Воспоминания о партизанском движении на территории Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны (Вступительное слово, примечания и редактирование – д.и.н. А.В. Кушхабиев) // Архивы и общество. № 34. 2015. С. 62–71.

3. Летом 1942 г. в связи с приближением линии фронта к границам Кабардино-Балкарской АССР, Обком партии стал формировать партизанские отряды. В начале августа в Кабардино-Балкарии было сформировано 11 партизанских отрядов: Урванский, Терско-Курпский, Эльбрусский, Чегемский, Хуламо-Безенгийский, Майский, Нальчикский, Лескенский, Прохладненский, Нагорно-Зольский и Баксанский. В октябре 1942 г. Прохладненский, Нагорно-Зольский и Баксанский отряды были объединены в один, в котором насчитывалось 125 человек. Командиром отряда был назначен Г.М. Царяпин, комиссаром Ч.К. Кудав. В конце декабря партизанские отряды Кабардино-Балкарии были объединены в один.

4. *Кармоков М.М.* Указ. соч. С. 63.

5. Наркомзем – Народный комиссариат земледелия СССР – государственный орган СССР (и республик в составе СССР) в ранге министерства, созданный в 1929 г. с целью планирования и руководства сельскохозяйственным производством. Наркомземы возглавлялись наркомками – народными комиссарами. В 1946 г. преобразован в Министерство земледелия СССР.

6. *Кармоков М.М.* Указ. соч. С. 63, 64.

7. *Кармоков М.М.* Указ. соч. С. 64; Войска 37-й армии вели бои с германскими войсками в оборонительных операциях на Северном Кавказе, в частности, на оборонительных рубежах Кабардино-Балкарии. С июня 1942 по май 1943 г. командующим 37-й армии был генерал-майор П.М. Козлов.

8. 2-я гвардейская стрелковая Таманская Краснознаменная ордена Суворова дивизия им. М.И. Калинина. С августа 1942 по октябрь 1943 г. дивизией командовал гвардии генерал-майор Ф.В. Захаров. К концу августа 1942 г. части дивизии находились в составе 37-й армии Северной группы войск Закавказского фронта. Оборонялись на левом фланге фронта по р. Баксан. В задачи дивизии входило: удерживать г. Нальчик и не допустить германские войска за р. Баксан; нанести поражение войскам противника в районе села Заюково и перехватить дорогу Пятигорск–Нальчик.

9. *Кармоков М.М.* Указ. соч. С. 64.

10. *Кармоков М.М.* Указ. соч. С. 65.

11. Бургомистр – в Германии и на оккупированных территориях глава исполнительной власти населенного пункта.

12. *Кармоков М.М.* С. 65.

13. Там же. С. 66.

14. Там же. С. 66, 67.

15. *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик: изд-во «Эльбрус», 1978. С. 133; *Грудцина А.В.* Партизанская быль. Нальчик, 1968. С. 105.

16. Нальчик был захвачен германскими войсками в результате ожесточенных боев 28 октября 1942 г.

17. *Кармоков М.М.* Указ. соч. С. 67, 68.

18. Там же. С. 68.

19. Там же. С. 69.

20. Там же.

21. Там же. С. 69, 70.

22. Там же. С. 70; За период оккупации войсками фашистской Германии преобладающей части территории КБАССР партизаны республики совершили девять крупных нападений на вражеские гарнизоны. В результате этих нападений они разгромили несколько штабов, уничтожили около 700 солдат и офицеров противника, взяли в плен 31 фашиста,

захватили 10 артиллерийских орудий, 5 тысяч снарядов, 5 автомашин, 9 мотоциклов противника и др. За боевые заслуги в борьбе с фашистскими захватчиками 53 партизана Кабардино-Балкарии были награждены орденами и медалями, 87 партизан получили медали «Партизану Отечественной войны 1-й и 2-й степени». В целом, партизаны Кабардино-Балкарии, как и партизаны других оккупированных республик и областей Юга России, внесли достойный вклад в разгром германских войск.

23. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Сборник документов и материалов). Нальчик, 1975. С. 260–262, 271, 272, 278–284, 293–295, 306, 319–322; *Грудцина А.В.* Указ. соч. С. 12–31, 88–98, 101–105, 119–133, 145–166, 176–178.

MEMORIES OF M.M. KARMOKOV AS SOURCE ON THE PARTISAN MOVEMENT IN THE TERRITORY OF KABARDINO-BALKARIA IN THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941–1945

Kushkhabiev Anzor Victorovich, Doctor of History, head of the Centre of socio-political researches of KBSC of the Russian Academy of Sciences, anzor-vk@mail.ru

In the article the memories of M.M. Karmokov about the partisan movement in the territory of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War are analyzed. An analysis of the memories of participants in the Great Patriotic War 1941–1945, including the memories of M.M. Karmokov, is of great importance for the reconstruction of the history of the partisan movement in Kabardino-Balkaria. They contain important facts and details about the actions of partisans during the occupation of the republic by the troops of fascist Germany in August 1942 – early January 1943. According to the source classification, the memories of M.M. Karmokov are the classic memories that are recorded by the participant of the events. The information contained in them (the description of the evacuation of collective-farm cattle through the passes to Georgia, the description of the military operations of the partisans of Kabardino-Balkaria and the gathering of intelligence information in August 1942 – January 1943, the names of the participants in the events) coincides with the information presented in the published materials of other participants of the events, which indicates its authenticity. Memories of M.M. Karmokov are a valuable source and significantly complement the published scientific and scientific-publicistic literature on the history of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War of 1941–1945.

Keywords: M.M. Karmokov, memories, partisan movement, Kabardino-Balkaria, Great Patriotic War, fascist Germany, occupation, military operations, intelligence activity.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-46-53

ВКЛАД НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.: ВОЕННЫЙ И ТРУДОВОЙ ПОДВИГ, ФОРМИРОВАНИЕ ПАМЯТИ

Тетуев Алим Инзрелович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alim-tetuev@mail.ru

В статье анализируется состояние историографии, раскрывающей участие народов Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне, в советский и постсоветский периоды. Особое внимание уделяется острым и дискуссионным проблемам, требующим дополнительного изучения: учетно-мобилизационным мероприятиям, причинам ограничительной политики государства в области призыва, дезертирства и коллаборационизма в регионе, численности призванных в ряды Красной Армии, людским потерям, судьбам военнопленных, подвигам уроженцев Кабардино-Балкарии в годы войны. Показан вклад народов Кабардино-Балкарии в тылу и на фронте для достижения Победы.

Особое внимание уделяется формированию памяти молодежи о Великой Отечественной войне. Показана роль Книги Памяти Кабардино-Балкарской Республики (четыре тома) для патриотического воспитания молодежи. Рассматривается история и деятельность международного движения «Бессмертный полк», которое позволяет устанавливать судьбы близких, пропавших без вести, погибших во время Великой Отечественной войны, их боевой путь. Отмечается, что это движение создает условия для сохранения связи новых поколений с погибшими в годы войны, а также продления актуальности Дня Победы. Выявлены важнейшие факторы, сыгравшие решающую роль в достижении Великой Победы.

Ключевые слова: Отечественная война, фронт, тыл, вклад, победа, формирование, патриотизм, книга памяти, Бессмертный полк, единство

Война многонационального Советского Союза против фашистской Германии была Отечественной для всех его народов. Каждый из них внес посильный вклад в борьбу с фашизмом. В советский период по исследуемой нами проблеме был накоплен богатый фактический материал, который не был в достаточной степени осмыслен на основе современных методологических принципов (научность, историзм, объективность, системность). Несмотря на большое количество разнохарактерных и разноплановых работ, изданных по данной проблеме в советский период¹, следует признать, что история Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны еще нуждается в научном осмыслении. При всей бесспорной ценности собранного фактического материала и его научной интерпретации, многие из опубликованных работ и, прежде всего, те, которые написаны до 60-х гг. XX в., носят описательный характер, относительно скупо представлена в них документальная основа. В некоторых исследованиях изложение событий и фактов приукрашивается. В ряде работ просматриваются элементы тенденциозности, связанные, прежде всего, с подчинением истории политике.

С началом перестройки и рыночных преобразований, дегероизация стала одним из направлений фальсификации Великой Отечественной войны. Дегероизаторы,

нарушая все нравственные нормы и принципы, усилили атаки на ратный и трудовой героизм военных лет. Поэтому исследование вклада народов Кабардино-Балкарии в годы войны имеет не только научное, но и научно-практическое значение.

С началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. тысячи мобилизованных и добровольцев уходили из республики на фронт. Уже в первые дни войны на территории Прохладненского района КБР была сформирована 175-я стрелковая дивизия, которая выступила на фронт в первых числах июля 1941 г. и принимала активное участие в обороне столицы Украины – Киева. В ее полках и подразделениях подавляющее большинство бойцов и командиров составляли наши земляки. В мемуарах «Так начиналась война» Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза И.Х. Баграмяна сказано: «Особенной стойкостью отличались части 175-й стрелковой дивизии полковника С.М. Гловацкого... сформированной на территории Кабардино-Балкарии. Люди дрались до последней капли крови»².

После первой волны мобилизации военнообязанных подлежащих призыву, в республике была сформирована 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия (Командир дивизии – полковник А.Ф. Скороход, военком – старший батальонный комиссар Ф.С. Иголкин, начальник политотдела – батальонный комиссар М.Т. Селяев, начальник штаба – подполковник М. С. Эхохин, комиссар штаба – ст. политрук Д.Д. Картоев). Решение о ее формировании вынес Государственный Комитет Обороны СССР 13 ноября 1941 г. Исследователи Т.М. Катанчиев, С.И. Аккиева, Х.-М.А. Сабанчиев, опираясь на воспоминания бывших воинов дивизии (без привлечения архивных документов), утверждают, что общая численность 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии составляла 5500 человек³. Между тем, в соответствии с постановлением ГКО СССР от 13.11.1941 г. за № 894сс на территории СКВО предполагалось сформировать национальные кавалерийские дивизии, в том числе 115-ю Кабардино-Балкарскую кавдивизию численностью до 3500 человек. Данная цифра подтверждается рядом документов. Это, прежде всего, решение Нальчикского комитета обороны от 25.11.1941 г. о размещении в населенных пунктах республики 3000 человек, призванных в 115-ю Кабардино-Балкарскую национальную кавалерийскую дивизию⁴. Кроме того, согласно письму Нальчикского комитета обороны командованию Северо-Кавказского военного округа от 09.12.1941 г., начальник снабжения 115-й кавдивизии Безруков был командирован в Ростов-на-Дону для получения комплектов черкесок и башлыков в количестве 3500 штук. И еще один немаловажный факт, для 115-й кавалерийской дивизии колхозы Кабардино-Балкарии дали свыше 3000 лошадей⁵.

В своей монографии А.Ю. Безугольный, Н.Ф. Бугай, Е.Ф. Кринко на основе архивных материалов указывают, что к моменту отправки на фронт численность дивизии составляла 4508 человек⁶. На наш взгляд, эта цифра – наиболее реальная, но с учетом всех приданных 115-й кавалерийской дивизии подразделений.

Полки и подразделения дивизии были укомплектованы личным составом, обеспечены лошадьми, всем необходимым обмундированием и снаряжением за счет ресурсов республики. В этой связи начальник штаба 115-ой Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии подполковник М. С. Эхонин в своем дневнике отмечал: «К моменту выступления на фронт, хотя дивизия и получила все виды боевого оружия, но все еще далеко не полностью так, например: полностью отсутствовала зенитная батарея, не хватало 25% 76 мм. и 45 мм. орудий, 35% станковых пулеметов и 45% ручных пулеметов. С таким комплектом дивизия вступила в бой 17 мая 1942 г.»⁷.

Для управления национальными кавалерийскими соединениями на основании приказа командования войсками Северо-Кавказского фронта от 25 мая 1942 г. № 091 создается Отдельный кавалерийский корпус. В состав корпуса вошли 115-ая Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия, 110-ая Калмыцкая кавалерийская дивизия и приданные средства усиления (командир корпуса генерал-майор

Б.Н. Погребов, начальник штаба – подполковник К.П. Панасюк. Оба погибли 29.07.1942 г. в районе с. Мартыновка)⁸.

Воины 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии в июле-августе 1942 г. героически сражались в районе с. Мартыновка с превосходящими танковыми и моторизованными силами гитлеровцев, которые развернули наступление на Сталинград, нанеся им значительные потери в живой силе и технике. Командующий 51-й армией генерал Н.И. Труфанов, отмечая боевые заслуги бойцов и командиров 115-й кавалерийской дивизии, входившей в состав этой армии, писал: «Несмотря на тяжелые потери, дивизия задержала врага, не дала ему прорваться к Волге, с честью выполнила поставленную перед ней задачу»⁹. Анализируя боевые действия кавалерийской дивизии в районе Мартыновки, начальник штаба М.С. Эхонин в своем дневнике отмечал: «Громадное численное превосходство, как в живой силе, так и в технике, на все упорство обороны, сделали свое дело – дивизия была, конечно, и как боевая единица перестала существовать. Возникает сам по себе вопрос, и он у нас всегда возникал, правильно ли мы были использованы. Надо ли было бросать дивизию против бронированного кулака, ведь мы все-таки кавалерийская? Мартыновка оказалась не по нашей вине мышеловкой для дивизии, благодаря чего дивизия потеряла значительную личную часть, коней и материально-техническую часть. В этом, безусловно, вина командира корпуса и его штаба, которые, не имея самой должной разведки и не поставив задачи нам на разведку, поставили дивизию и 155 танковую бригаду под удар»¹⁰.

Многие воины дивизии погибли, пропали без вести, ранены в тех боях, проходивших в Сальских степях Ростовской области (Мартыновский район)¹¹. В выявленном в ЦАМО РФ списке потерь личного состава 115-й кавалерийской дивизии, составленном 15.09.1942 г. (за подписью начальника штаба дивизии подполковника М.С. Эхонина) и направленном в Центральное бюро учета потерь личного состава Красной Армии, числится 3019 человек, в том числе погибших – 878, пропавших без вести – 928, попавших в плен – 5, эвакуированных – 8, раненых – 846¹². Вместе с тем, анализ указанных потерь показал, что 219 человек, числившихся пропавшими без вести, оказались живыми. Не удалось пока выяснить судьбу 135 человек. Полагаем, что они попали в плен. В соответствии с приказом войск 51-А от 15.10.1942 г., из уцелевших подразделений 115-й кавдивизии были сформированы «истребительно-противотанковый дивизион и отдельные дивизионы разведки, вошедшие в 4-й кавалерийский корпус»¹³.

С начала августа 1942 г., территория Северного Кавказа стала ареной ожесточенных сражений войск Красной Армии с немецко-фашистскими захватчиками, которые рвались к природным богатствам Кавказа и в дальнейшем намеревались выйти на Ближний и Средний Восток. Но планы врага были сорваны героическим сопротивлением войск Закавказского фронта, в составе которого сражались многие бойцы и командиры, призванные из Кабардино-Балкарии.

В период битвы за Кавказ, ареной боев стала и территория нашей республики. 9 августа 1942 г. гитлеровцы захватили Пятигорск и вслед за этим прорвались на территорию Кабардино-Балкарии, стремясь выйти к Нальчику. В середине августа наступление врага было остановлено на берегу реки Баксан. Установившаяся линия фронта по рекам Баксан, Малка и Терек сохранялась до конца октября.

Территорию республики, как свою родную землю, мужественно защищали воины 9-й и 37-й армий, в составе которых сражались русские, украинцы, грузины, кабардинцы, балкарцы, азербайджанцы, армяне и представители многих других народов. Кровавопролитные бои происходили на Баксанском и Курпском рубежах, где воины 2-й гвардейской, 151-й, 275-й, 295-й и 317-й стрелковых дивизий стойко и мужественно держали оборону против вражеских войск.

Получив решительный отпор на Моздокском направлении, в сентябре 1942 г., гитлеровское командование решило обходным маневром выйти к Военно-Грузинской дороге, ведущей в Закавказье, через Нальчик и Орджоникидзе. Создав

большой перевес в живой силе и военной технике над ослабленными частями 37-й армии, фашисты в конце октября перешли в наступление. Началась Нальчикско-Орджоникидзевская оборонительная операция, длившаяся до конца 1942 г. Ценой больших потерь врагу удалось 28 октября захватить Нальчик и к середине ноября оккупировать большую часть территории Кабардино-Балкарии. Район у селения Ташлы-Тала удерживался частями 37-й армии и партизанами республики.

За короткий срок пребывания фашистов в Кабардино-Балкарии ими уничтожены 4241 человек мирных жителей и советских военнопленных, они взорвали и сожгли промышленные предприятия, разграбили колхозы и совхозы, МТС. Общий ущерб, нанесенный гитлеровцами народному хозяйству республики, выражается в сумме 2 268 361 833 рубля (в ценах 1941 г.)¹⁴.

Вот как описывали последствия недолгой оккупации Кабардино-Балкарии старейшины Чечено-Ингушетии и КБАССР (Блянихов, Хаиров, Дышеков, Бачаев, Балов, Албагачиев, Харачоев, Мурадов, Муцульгов, Ажигов, Кагермазов): «Фашистские звери только в одном сел. Кызбурун I расстреляли 52 местных жителя лишь за то, что это наши советские люди. Жена красноармейца Гисы Молова во время грабежа хотела закрыть перед бандитами дверь в свой дом. Немецкие автоматчики открыли стрельбу по дому, ранили женщину и убили ее 10-летнего сына. За протест против грабежей немцы расстреляли 12-летнего мальчика Зарамука Саблирова, старуху Фанису Асланову и многих других»¹⁵.

Несмотря на жестокость фашистов, трудящиеся республики не подчинились врагу, они вели борьбу с ним. Под угрозой смерти спасали жизнь раненым воинам, оказавшимся на оккупированной территории, собирали сведения о противнике и передавали их партизанам.

По мере приближения врага к предгорьям Кавказа в краях и автономных республиках начало разворачиваться партизанское движение, которое оказало существенную помощь советским регулярным войскам. На территории республики действовал Объединенный Кабардино-Балкарский партизанский отряд, который совместно с частями Красной Армии и самостоятельно наносил удары по фашистским гарнизонам. В ходе партизанских операций в районе селений Хабаз, Каменномостское, Жемтала, Лескен I и других было уничтожено более семисот захватчиков. Партизаны активно участвовали в освобождении Нальчика и ряда населенных пунктов республики.

Партизанки А.Ф. Козуб и Ю.А. Панайоти, партизан С.Х. Дышеков, сотрудник НКВД М.М. Мечукаев были смелыми разведчиками и неоднократно, рискуя жизнью, переходили через линию фронта и доставляли сведения о противнике командованию наших войск. Они были схвачены гитлеровцами и казнены¹⁶.

Решающее значение для успешного завершения оборонительных операций и перехода советских войск в наступление из-под Орджоникидзе на Северном Кавказе имело контрнаступление Красной Армии под Сталинградом в ноябре 1942 г. В ходе начавшегося наступления войск Северной группы войск Закавказского фронта, 11 января 1943 г. Кабардино-Балкария была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Мужество и героизм проявили в боях по изгнанию фашистов с территории республики войска 2-й гвардейской, 295-й, 351-й стрелковой дивизий и других частей 9-й и 37-й армий. Битва за Кавказ завершилась в октябре 1943 г. с освобождением войсками Красной Армии от гитлеровцев Таманского полуострова на западе Краснодарского края.

Обороняя родной Кавказ и изгоняя с его территории гитлеровских захватчиков, в боях пали многие сыны и дочери Кабардино-Балкарии. Мужественно сражались воины из Кабардино-Балкарии на всех фронтах Великой Отечественной войны. В героической обороне Брестской крепости, начавшейся на рассвете 22 июня 1941 г., участвовали более 100 бойцов, призванных из Кабардино-Балкарской Республики. Среди них – павшие в боях уроженец селения Нижний Курп

Г.Э. Кожаяев, уроженец сел. Верхний Баксан Т.К. Джаппуев. На второй день войны уроженец селения Баксаненок, пограничник Хасан Тхамитлоков, обвязавшись гранатами, бросился под фашистский танк и помог своему подразделению выполнить боевое задание.

В героической защите Ленинграда участвовал летчик-истребитель капитан А.Ю. Байсултанов, совершивший 380 боевых вылетов, уничтоживший 10 вражеских самолетов лично и 13 в группе с товарищами. Его подвиг отмечен Золотой Звездой Героя Советского Союза. Алим Байсултанов погиб 23 сентября 1943 г. в небе Балтики. Героически защищал Балтику и Ленинград морской летчик А.М. Тхакумачев. За мужество и героизм он был награжден орденом Ленина и четырьмя орденами Красного Знамени. А.М. Тхакумачев погиб 25 августа 1943 г. Летчик-истребитель Герой Советского Союза лейтенант А.Т. Канкошев совершил 174 боевых вылета, сбил лично 12 и в группе – 3, уничтожил на аэродромах 13 вражеских самолетов. Он погиб 28 декабря 1943 г. в бою над Керченским проливом.

За героизм, проявленный в боях за Сталинград, капитан С.П. Цыбулин был удостоен ордена Александра Невского под номером 2. Северным флотом в течение всей войны командовал наш земляк – талантливый флотоводец адмирал А.Г. Головкин. В Заполярье сражался Герой Советского Союза Н.М. Диденко. Участники боев за Северный Кавказ и Украину братья Кубати и Кабард (погиб в бою) Кардановы удостоены звания Героя Советского Союза. Славный боевой путь прошел от Среднего Дона до границ Советского Союза, Герой Советского Союза М. М-Г. Уммаев.

Звания Героя Советского Союза были удостоены: в боях за Сталинград и Белгород – старшина Ф.П. Агеев, на Курской дуге – старший лейтенант В.Г. Кузнецов (погиб в бою), на Черном и Балтийском морях – морской летчик лейтенант Г.А. Кузнецов (в послевоенное время генерал-полковник, лауреат Ленинской премии), за Керчь – старшина А.Д. Емельяненко, за форсирование Днепра и бои на территории Украины – связист М.А. Яхогоев, лейтенант Н.Г. Калюжный (погиб в бою), старший лейтенант Г.К. Атаманчук, сержант В.Г. Тамбиев, старший сержант Г.Д. Вороченко (погиб в бою), майор В.С. Левченко, лейтенант С.В. Стеблинский, в боях за Белоруссию – старший сержант И.И. Иллазаров (погиб в бою), за Молдавию – сержант В.Т. Михайленко, за Польшу – лейтенант А.Я. Масаев (погиб в бою) и старший лейтенант Х.Т. Иванов, за форсирование Одера – лейтенант С.М. Ушанев, за бои в Прикарпатье – капитан Г.А. Оганьянц (погиб в бою), на территории Румынии – подполковник М.К. Рогачев, за взятие Берлина – старший лейтенант Н.Т. Кануков, сержант Ш.М. Машкауцан.

Всего Кабардино-Балкария дала Родине 26 Героев Советского Союза. Полными кавалерами ордена Славы являются наши земляки: М.Ф. Мусов, И.Ф. Радченко, Н.А. Герасименко, В.Ф. Буцало, М. И. Ключ¹⁷.

Наши земляки участвовали в партизанском движении в Белоруссии и на Украине, в движении Сопротивления в ряде стран Европы. В рядах Красной Армии принимали участие в освобождении от гитлеровцев Польши и Венгрии, Австрии, Болгарии и Чехословакии, Югославии и Румынии, участвовал в штурме Берлина, в разгроме милитаристской Японии.

Более 60 тысяч сынов и дочерей Кабардино-Балкарии принимали участие в Великой Отечественной войне, 38046 воинов не вернулись с полей сражений – все они поименно названы в Книге Памяти. Именами многих из них названы улицы и школы в Кабардино-Балкарии.

Несмотря на это, А.Ю. Безугольный, Н.Ф. Бугай, Е.Ф. Кринко в своей монографии, на наш взгляд, субъективно утверждают, что прямым следствием ограничительной политики государства в области призыва и мобилизаций по социально-политическим и национальным мотивам стала явная диспропорция по вкладу различных народов СССР в дело достижения Победы. Так, по их мнению, из Кабардино-Балкарии было призвано в 1941 г. 6777 человек, а число безвозвратных

людских потерь среди кабардинцев и балкарцев в годы Великой Отечественной войны составило 3,4 тысячи человек¹⁸.

Приведенные цифры не соответствуют действительности. Согласно официальным данным, с начала Великой Отечественной войны всего в Красную Армию по состоянию на 15 августа 1944 г. было призвано из Республики 48300 человек. При этом нужно еще учесть призванных в 1938–1940 гг., а также в период с 16 августа 1944 г. по май 1945 г. С учетом этого призвано в Красную Армию из Кабардино-Балкарии до 60 тыс. человек. Численность безвозвратных людских потерь (убитые, умершие от ран, пропавшие без вести и погибшие в плену) составляет по Книге памяти Кабардино-Балкарской Республики 38578 человек, в том числе кабардинцев – 14988 человек, балкарцев – 4550 человек, русских – 15750 человек, других национальностей – 3290 человек¹⁹.

Кроме того, в указанной коллективной монографии А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Бугай, Е.Ф. Кринко в сведениях о награжденных орденами и медалями СССР за годы Великой Отечественной войны о представителях народов Северного Кавказа по национальному составу, отсутствуют данные по балкарцам²⁰. Между тем, звание Героя Советского Союза удостоены А.Ю. Байсултанов и М.М. Уммаев. Кроме того, по состоянию на 15.05.2015 г. по неполным данным, выявленным нами на сайте Министерства обороны РФ «Подвиг народа», всего до депортации балкарского народа за боевые подвиги награждены только орденами (Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды) более 200 балкарцев. Внесение имен награжденных на указанный сайт еще не завершено, он постоянно пополняется новыми именами²¹.

Как известно, в соответствии с секретным распоряжением начальника VIII Управления Генерального штаба, принятым в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 г. «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР», все военнослужащие балкарской национальности подлежали снятию с фронта независимо от звания, наград, заслуг²².

Однако в реальной действительности все обстояло сложнее, чем в служебном циркуляре. Многие командиры, очевидно, зная своих товарищей по оружию не только по анкетным данным, брали на себя ответственность и не только оставляли на фронте, но и представляли балкарцев к награждению²³.

Одновременно с мобилизацией резервов в армию, как и повсюду в стране, шла перестройка народного хозяйства на военный лад. На заводах и фабриках Кабардино-Балкарии изготавливали боеприпасы, ремонтировали боевую технику. Промышленность республики поставляла для фронта ценнейший металл молибден, мясные и овощные консервы, пищевые концентраты, спирт, кожаную обувь, валенки, полушубки, блиндажные печи и котлы. Для нужд фронта работали в Нальчике мясокомбинат, поставивший в фонд Красной Армии 18000 тонн мяса, колбас, жиров. Кондитерская фабрика изготовила для воинов 25 миллионов двухсотграммовых брикетов пищевых концентратов и 5600 тонн кондитерских изделий.

В годы Великой Отечественной войны жители республики внесли в Фонд обороны страны более 160 миллионов рублей. Значительная часть этих средств была собрана на строительство танковых колонн «Колхозник орденоносной Кабардино-Балкарии» и «Смерть немецким захватчикам», эскадрилий самолетов и другой боевой техники для Красной Армии.

Работники сельского хозяйства республики сдали государству и в фонд Красной Армии 286771 тонну зерна, 55275 тонн картофеля, 47399 тонн подсолнечника, 19512 тонн овощей, 96967 центнеров мяса, 164165 гекталитров молока, 9025 центнеров шерсти, 252896 штук различных кож. Колхозы и совхозы Кабардино-Балкарии за время войны поставили Красной Армии 27 тысяч лошадей.

За годы войны жители Кабардино-Балкарии собрали для воинов Красной Армии 71673 различных шерстяных вещей: полушубки, шапки, свитера, носки,

меховые жилеты, валенки и другие. В то же время на фронт было отправлено 23 вагона с подарками, прежде всего с продовольствием²⁴.

Братская помощь была оказана эвакуированному населению из Ленинграда и других городов и областей страны. В республике находился коллектив Ленинградского института физкультуры им. П.Ф. Лесгафта, осенью 1941 г. из Москвы в столицу Кабардино-Балкарии была эвакуирована большая группа выдающихся деятелей советской культуры: В.И. Немирович-Данченко, В.И. Качалов, О.Л. Книппер-Чехова, М.М. Климов, С.С. Прокофьев, Н.Я. Мясковский и др. Они оказали большую творческую помощь работникам культуры и искусства Кабардино-Балкарии.

В годы войны в городе Нальчике были размещены Урюпинское военно-пехотное и другие училища, штаб армии и соединений, 12 военных госпиталей. В этих госпиталях лечились тысячи раненых советских воинов. Жители города и районов республики обеспечивали их продуктами питания, вели уход за тяжело раненым бойцами.

За весомый вклад Кабардино-Балкарии и ее столицы в достижении победы в Великой Отечественной войне, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1985 г. город Нальчик был награжден орденом Отечественной войны I-й степени, а 25 марта 2010 г. Указом Президента Российской Федерации удостоен почетного звания «Город воинской славы»²⁵.

В Кабардино-Балкарии важное внимание уделяется формированию исторической памяти о Великой Отечественной войне. Подвиг народный нашел отражение в многочисленных источниках прошлого, в названиях улиц, экспозициях государственных музеев, произведениях литературы, искусства. Большой воспитательный потенциал имеет издание исторических материалов, в которых воскрешается Память о каждом участнике Великой Отечественной войны, уроженце Кабардино-Балкарии. Особенно плодотворна в этом направлении работа ученых Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, подготовивших к переизданию четыре тома Книги Памяти Кабардино-Балкарской Республики.

В последнее издание Книги Памяти (4 тома)²⁶ включены все выявленные в Центральном архиве Министерства обороны РФ новые документы – списки военнослужащих - уроженцев Кабардино-Балкарии, погибших в плену и похороненных в городе Цайтхайн Федеративной Республики Германия и городе Белая Церковь Республики Украина. Включены также списки потерь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии и новые сведения из электронных ресурсов: www.voennoplennye.dokst.de; www.spro.ru; obd-memorial.ru; www.podvignaroda.mil.ru; www.memo.ru; www.soldat.ru; www.pobeda-mo.ru; www.mipomnim.ru. Всего в 4 тома Книги Памяти Кабардино-Балкарской Республики включены 38046 воина – уроженцев республики, погибших в годы в Великой Отечественной войны.

В каждом томе представлены списки погибших, умерших от ран и пропавших без вести в годы войны. Эти данные приводятся по административным районам КБР. В городских округах и муниципальных районах списки фамилий воинов помещены в алфавитном порядке, с имеющимися у них сведениями.

В Книгу Памяти помещены фотографии памятников, установленных в городах и селах КБР в честь павших земляков. В приложении Книги имеется карта КБР с обозначением памятников, обелисков и мест захоронений павших воинов, карты оборонительных и наступательных операций советских войск на территории Кабардино-Балкарской Республики, участвовавших в боевых действиях на территории Кабардино-Балкарии, список госпиталей, находившихся на территории республики.

Каждый том Книги Памяти Кабардино-Балкарии открывается фотографией Мемориала «Вечный Огонь Славы» возведенного в столице республике г. Нальчике, являющегося символом памяти о погибших.

В сквере г. Нальчика воздвигнута величественная арка в память жителей Нальчика, погибших в годы Великой Отечественной войны, на которой помещено

изображение ордена Победы. На въезде в столицу республики установлен монумент, посвященный памяти бойцов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии.

В г. Прохладном в сквере Памяти установлено несколько памятников погибшим в годы Великой Отечественной войны. Памяти павших на фронтах Великой Отечественной войны, возведен памятник «Скорбящий горец», находящийся у развилки дорог, ведущих в Тырнауз и Кенделен.

Таким образом, в Книге Памяти комплексно исследован весомый вклад народов Кабардино-Балкарии в тылу и на фронте для достижения Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., который послужит существенным фактором в патриотическом воспитании молодежи.

Материалы, опубликованные в Книге Памяти, являются ценным материалом в деле патриотического воспитания молодежи. Многочисленные факты, свидетельствующие о примерах мужества и героизма советских людей, несут в себе не просто исторические знания, но имеют нравственную направленность. Особенно, на наш взгляд, использование данного материала будет эффективным в работе краеведческих кружков. Если на традиционных уроках учащиеся получают общее представление об исторических событиях, то использование учителем истории краеведческого материала позволяет ему более конкретно, адресно влиять на сознание учеников. У учащихся возникает чувство преемственной связи с событиями, происходившими в нашей стране, крае, нашем городе и селе. Ведь участниками этих событий были наши земляки и родственники.

Память о Великой Отечественной войне органично входит в национальное самосознание россиян как совокупность отдельных фактов личных биографий, судеб. В целях сохранения в семье личной памяти о поколении Великой Отечественной войны 2011 г. в г. Томске по инициативе журналистов Сергея Лапенкова, Сергея Колотовкина и Игоря Дмитрова было создано движение «Бессмертный полк». День 9 мая 2012 г. и стал датой рождения движения в его современном виде: тогда по призыву инициаторов проекта по улицам Томска прошла колонна жителей города, которые несли в руках плакаты с фотопортретами своих родственников, воевавших в Великой Отечественной войне. В акции, получившей название «Бессмертный полк», приняло участие более шести тысяч человек, которые несли более двух тысяч портретов участников войны. Впоследствии это движение стало Всероссийским и международным. Для решения главной задачи – сохранения в семье личной памяти о поколении Великой Отечественной войны создан сайт «Бессмертного полка». В 2016 г. создан Межрегиональный Центр поисковой работы Бессмертного полка для оказания помощи людям самостоятельно устанавливать судьбы своих близких, пропавших без вести, погибших во время Великой Отечественной войны, их боевой путь²⁷.

В день празднования 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в России прошла беспрецедентная по своим масштабам акция «Бессмертный полк». Она стала народной частью Парада Победы и объединила в своих рядах более 12 миллионов человек. Бессмертный полк прошел в Тюмени, Санкт-Петербурге, Калининграде, Владимире, Грозном, Владивостоке, Южно-Сахалинске, Ставрополе, Севастополе, всего в 1200 городах. Более 40 тысяч жителей Кабардино-Балкарии вместе с главой КБР Юрием Коковым прошли маршем от площади 400-летия присоединения Кабардино-Балкарии к России до площади Согласия. Акции этого движения в настоящее время охватывает более 80 государств и территорий²⁸.

Акция «Бессмертный полк» демонстрирует добровольность и всенародность, объединяет всех граждан и их предков – героев вне зависимости от социально-экономического положения, а также заслуг последних в прошлом. Такая постановка проведения шествия способствует основному символично-политическому назначению праздника 9 Мая как события, в котором родилась современная российская

нация. В совокупности все это подтверждает, что к победе причастны люди всего мира и все они разделяют выбранную историческую интерпретацию. Движение «Бессмертный полк» позволяет установить и сохранить связь новых поколений с погибшими в годы войны, что также продлевает актуальность Дня Победы.

Таким образом, народы СССР, в том числе и Кабардино-Балкарии, внесли весомый вклад в разгром фашизма. Важнейшими факторами, сыгравшими решающую роль в достижении Великой Победы, стали единство и дружба народов многонациональной Советской страны. Значимость этого факта является весьма актуальной и в наше время.

Примечания

1. *Давыдов И.В.* Красная Армия – защитница и освободительница народов Кабарды от немецко-фашистских захватчиков // Кабардинская АССР: сборник статей. Нальчик, 1946. С. 351–394; *Давыдов И.В.* Партийная организация Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны. Нальчик, 1961. 172 с.; *Давыдов И.В.* Сыны Кабарды на фронтах Отечественной войны: сборник статей, писем и очерков. Нальчик, 1945. 122 с.; *Евдокимов И.Ф.* Сыны Кабардино-Балкарии в героической обороне Киева. Нальчик, 1966. 97 с.; *Жакомихов Т.А.* Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и его восстановление в послевоенные годы (1946–1950 гг.) // История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1967. Ч. II. С. 97–144; *Опрышко О.Л.* Заоблачный фронт Приэльбрусья. М.: Воениздат, 1976. 149 с.; *Хакушаев Е.Т.* Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик, 1978. 318 с.; *Хатукаев А.Т.* Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1971. 234 с.; *Хатукаев А.Т.* Славой оваянные. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1985. 240 с.; В огне закаленные. О боевых делах воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии / ред. кол.: К.Н. Кереев, Т.М. Катанчиев, С.М. Черкесов, Х.Х. Гатаев. Нальчик, 1995. 176 с. и др.

2. *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. Киев, 1988. С. 286, 239, 243.

3. *Акжиева С.И., Сабанчиев Х.-М.А.* Балкарский народ в годы войны и депортации (1941–1957 гг.) (к 70-летию насильственного выселения балкарского народа). Нальчик, 2014. С. 9; *Катанчиев Т.М.* Правда о дивизии: к истории 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1999. С. 9.

4. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Нальчик, 1975. С. 423, 658.

5. Лики войны: сб. документов и материалов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1996. С. 58, 69.

6. *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 2012. С. 199.

7. Дневник командира 115 кавалерийской дивизии полковника Эхонина // Центральный архив Министерство обороны. Ф. 3624. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

8. Центральный архив Министерство обороны. Ф. 3624. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

9. *Хатукаев А.Т.* Славой оваянные. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской дивизии. Нальчик, 1985. С. 162, 179.

10. Там же. Л. 50.

11. Центральный архив Министерства обороны. Ф. 3624. Оп. 1. Д. 1. Л. 27, 41.

12. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1890. Л. 27, 41.

13. *Хатукаев А.Т.* Славой оваянные. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1985. С. 164.

14. Кабардино-Балкария: тыл и фронт 1941–1945 (к 60-летию Великой Победы). Нальчик, 2005. С. 80.

15. *Гугова М.Х.* Женщины Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны 1941–1954 гг. Нальчик, 2015. С. 38.

16. См. *Опрышко О.Л.* Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // История многовекового сотрудничества: К 450-летию союза единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007. С. 39–395.

17. Тетуев А.И. Народы Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: историография, источники // Единство народов Советского Союза – важнейший фактор победы в Великой Отечественной войне (к 70-летию Великой Победы). Сборник статей. Нальчик, 2015. С. 8; Золотые звезды Кабардино-Балкарии: Очерки / сост. О.Л. Опрышко. Нальчик, 2010. С. 3, 4.
18. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 2012. С. 122, 164.
19. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Нальчик, 1975. 795 с.; Книга Памяти Кабардино-Балкарской Республики (сост.: О.Л. Опрышко, А.И. Тетуев, Х.А. Атабиев). Нальчик: Т. 1, 2014. 448 с.; Т. 2, 2014. 408 с.; Т. 3, 2015. 424 с., Т. 4, 2016. 424 с.
20. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 2012. С. 236–238.
21. Мизиев Т.С. Алим Байсултанов – легенда Балтики. Нальчик, 2005. 269 с.; Мухажир Урмаев: статьи, очерки, воспоминания о Герое Советского Союза Мухажире Урмаеве. Литературные произведения Мухажир Урмаева. Документальные материалы / сост. Т.С. Мизиев. Нальчик, 2015. 232 с.; URL «Подвиг народа» <http://www.podvignaroda.mil.ru> (дата обращения: 03.05.2015).
22. Сабанчиев Х.-М.А. Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик, 2008. С. 274.
23. Опрышко О.Л. Кавалеры полководческих и флотоводческих орденов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Нальчик, 2012. С. 28, 55, 156.
24. Книга Памяти: Российская Федерация. Кабардино-Балкарская Республика. Том второй // Ред. коллегия: К.Ф. Дзамихов (председатель) и др.; Сост. О.Л. Опрышко, А.И. Тетуев, Х.А. Атабиев. Нальчик, 2015. С. 14, 15.
25. Там же.
26. Книга Памяти: Российская Федерация. Кабардино-Балкарская Республика. Том I // Ред. коллегия: К.Ф. Дзамихов (председатель) и др.; Сост. О.Л. Опрышко, А.И. Тетуев, Х.А. Атабиев. Нальчик, 2014. 448 с.; Том II, 2015. 408 с.; Том III, 2015. 424 с.; Том IV. 216, 424 с.
27. Международное движение «Бессмертный полк» // Официальный сайт движения «Бессмертный полк» URL: <http://moypolk.ru/> (дата обращения: 23.05.2015); Новости 12 мая 2017 г. // Официальный сайт Главы КБР <http://glava.kbr.ru/>
28. История «Бессмертного полка России» // Официальный сайт движения «Бессмертный полк» URL: <http://moypolk.ru/> (дата обращения: 23.05.2015).

**CONTRIBUTION OF THE PEOPLES OF KABARDINO-BALKARIA
TO VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945:
MILITARY AND LABOR FEAT, FORMATION OF MEMORY
THE ARTICLE GIVES A CRITICAL ANALYSIS OF THE STATE
OF THE STUDY OF THE PROBLEM UNDER STUDY**

Tetuev Alim Inzrelovich, Doctor of History, Associate Professor, leading scientific worker of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alim-tetuev@mail.ru

The state of historiography, which reveals the participation of the peoples of Kabardino-Balkaria in the Great Patriotic War, in the Soviet and post-Soviet periods, is analyzed. Particular attention is paid to acute and controversial issues that require additional study: registration and mobilization measures, the reasons for the state's restrictive policy in the area of conscription, desertion and collaboration in the region, the number of people called to the ranks of the Red Army, the loss of life, the fate of prisoners of war, the feats of the natives of Kabardino-Balkaria in years of war. The contribution of the peoples of Kabardino-Balkaria in the rear and at the front is shown to achieve victory.

Particular attention is paid to the formation of the memory of youth about the Great Patriotic War. The role of the Memory Book of the Kabardino-Balkarian Republic (four volumes) is shown for patriotic education of youth.

The history and activity of the international movement “Immortal Regiment”, which allows you to determine the fate of their loved ones, missing, who died during the Great Patriotic War, their combat path is considered. It is noted that this movement creates the conditions for preserving the connection of new generations with those who died in the war years, as well as prolonging the relevance of the Victory Day.

The most important factors that played a decisive role in achieving the Great Victory are revealed.

Keywords: Patriotic War, front, rear, contribution, victory, formation, patriotism, memory book, immortal regiment, unity.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-54-64

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 94 (470.64) «20»

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-65-70

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В АДЫГЕЕ И КБР

Кешева Зарема Мухамедовна, заведующий сектором новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kesheva10@gmail.com

В статье исследуются основные тенденции в развитии ностальгического туризма в контексте усиления его роли в поддержании и активизации разнообразных контактов с зарубежными странами, необходимости сохранения чувства принадлежности к единому геоинформационному и экономическому пространству, сопричастности общей исторической судьбе. В настоящее время во многих регионах России имеются предпосылки к активному развитию ностальгического туризма. Основой является огромный потенциал уникальных исторических и природных ресурсов, многокультурности, этнонационального состава, объединяющего и связывающего в единое целое большие территории, их хозяйственную и социальную деятельность. Отмечено, что в сложившейся ситуации организация ностальгических туров соотечественников-черкесов, проживающих за пределами исторической Родины, может стать одной из важных составляющих для привлечения в регион финансовых средств и оздоровления экономической обстановки в регионе.

Ключевые слова: ностальгический туризм, Кабардино-Балкарская Республика, Адыгея, черкесы (адыги), соотечественники, достопримечательности.

В настоящее время туризм является одной из доходных и динамичных отраслей с высоким потенциалом развития. Активный темп его роста, значительные объемы валютных поступлений заметно влияют на различные секторы экономики, что способствует формированию собственной туристской индустрии. Во многих государствах мира туризм развивается как система, которая предоставляет все возможности для ознакомления с историей, культурой, обычаями, духовными и религиозными ценностями данной страны и ее народа. Туризм приносит доход в бюджет страны, а также физическим и юридическим лицам, так или иначе связанным с оказанием туристических услуг. Кроме весомой статьи дохода, туризм является еще и одним из мощных факторов усиления престижа и значения страны, ее регионов в глазах всего сообщества¹. Поэтому исследование вопросов, связанных с перспективами развития разных видов туризма в регионах и в целом в России, представляют несомненную актуальность и значимость.

На сегодняшний момент среди теоретиков и практиков туризма нет единства во мнении относительно определения понятия «ностальгический туризм». В соответствии с принятым в международной классификации определением, ностальгический туризм рассматривается как понятие, синонимичное этническому туризму². Что представляет собой этнотуризм? Этно (ἔθνος), – в переводе с греческого, – это племя, народ, этнография, «народописание». Таким образом,

«этнотуризм» – это путешествие, целью которого является знакомство с историей, культурой, бытом, местом проживания того, или иного народа.

В широком понимании слова ностальгия это, прежде всего, стремление вернуть прежнее положение, желание сделать боле привычной чужую окружающую среду. Обсуждение вопросов ностальгии и проектирование развития общества дали толчок к становлению нового вида туризма – ностальгического. Существует несколько подходов к пониманию того, что подразумевается под ностальгическим туризмом. Часть экспертов определяет его как путешествие туристов на территорию их проживания в прошлом, для встречи с друзьями детства, родственниками. Это символическое возвращение человека в свое лучшее время – детство, юность, молодость, в те времена и места, которых в известном смысле уже нет³. Другие эксперты понимают ностальгический туризм шире, расценивая его как поездку с целью ознакомления с исторической родиной.

Ностальгический туризм воплощается в таких видах, как этнический, ретроспективный, туризм соотечественников и диаспор, туризм наследия. Основным мотивом посещения исторической малой родины является ностальгия – тоска по отчизне, месту исторического происхождения и проживания, природе, языку, обычаям, традициям. Ностальгический туризм во всех своих проявлениях связан с селективным сохранением фрагментов социальной памяти и реконструированием прошлого. Он идентичен путешествию по метафизической родине, которая располагается не в сфере территории, а в сфере культуры, что делает возможным неустанное генерирование новых и новых форм, вмещающих в ее пространство и весь этнос, и группу, и конкретного человека. Ностальгический туризм в разных своих проявлениях является вариантом конструирования социальной памяти⁴.

Для развития ностальгического туризма особую роль играют культурно-исторические ресурсы, которые позволяют познакомиться с бытом и традициями определенного этноса или погрузиться в сохраненные фрагменты социальной памяти и реконструировать прошлое. Культурно-исторические туристские ресурсы – это исторические особенности, объекты и явления материальной и духовной культуры, которые были созданы в процессе исторического развития и создаются в современных условиях, определенной территории и могут быть использованы для удовлетворения духовных, познавательных и интеллектуальных рекреационных потребностей. Таким образом, ностальгический туризм подразумевает путешествие к месту рождения своему, родителей или шире – предков, и изучение определенной этнической группы населения (их жизнь, особенности культуры, быт и т.д.).

Примерно 3 процента населения земного шара (примерно 175 миллионов человек) живут вдали от своей исторической родины. За последние несколько десятков лет процессы миграции активизировались. Особое значение исследуемый вид туризма имеет для стран, часть населения которых проживает за границей. Принято считать, что именно посещение туристских дестинаций и отдельных объектов, ассоциируемых с этническими традициями, гораздо чаще вызывает у людей глубокие эмоциональные переживания. Довольно условным критерием деления данного вида туризма на разновидности выступает и характер переселений – вынужденный или добровольный. С одной стороны, стрессовый характер переселенческих движений порождает у мигрантов ряд серьезных психологических проблем, связанных с адаптацией в местах нового жительства. В результате у переселенцев нередко возникает и со временем крепнет, а у последующих поколений открыто культивируется чувство глубокой привязанности к утраченной исторической родине⁵.

Говоря о ностальгических турах, можно выделить один из подвидов такого туризма, как посещение родственников и друзей (*relative & visitors tour*). Но данный вид туризма, подходит не для всех людей, большинство, это те, кто имеет кровные

связи с землями, на которые едут. В России ностальгический туризм существует с 80-х гг. XX в. Среди множества его направлений выделяются три – финское, немецкое и японское. Потомки данных народов населяют соответственно Карельский перешеек и Ленинградскую область, Калининград и остров Сахалин. В силу особенности такого течения в туризме, основной контингент его поклонников – люди пожилого возраста.

В последние годы во внешней политике России четко проявился акцент на формирование тесных всесторонних связей с многочисленными соотечественниками, расселенными в различных регионах земного шара. В нынешних условиях ностальгический туризм призван сыграть немаловажную роль в поддержании и активизации разнообразных контактов с зарубежными странами, необходимости сохранения чувства принадлежности к единому геоинформационному и экономическому пространству, сопричастности общей исторической судьбе.

Ярким примеров ностальгического туризма можно считать посещение исторической родины черкесами. Общеизвестным фактом является то, что преобладающая часть адыгского (черкесского) народа была вынуждена покинуть свою родину в XIX веке и на протяжении уже более полутора столетий строить свою жизнь в разных странах мира. С середины 1980-х гг., в связи с процессами перестройки и демократизации, стали активизироваться связи народов Северного Кавказа, в частности, адыгов (черкесов), с зарубежными соотечественниками. Адыги или черкесы – коренные жители Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Краснодарского края сегодня проживают в 55 странах мира. Заметным событием стало приглашение в Нальчик молодежного ансамбля танца из Иордании. Это был первый творческий коллектив соотечественников из-за рубежа, побывавший на Кавказе. Десять дней гостили иорданцы в Нальчике, Черкесске, Майкопе, в центре Шапсугского района Лазаревском. Был также организован международный обмен студентами и школьниками с проживанием в семьях в Дамаске, Анкаре, Стамбуле. Молодые люди, приезжающие в Кабардино-Балкарию, жили в адыгских семьях и учили кабардинский язык. Посещение молодыми потомками иорданских черкесов своей исторической родины можно расценивать не только как культурную акцию, но и ностальгическим туром.

Для расширения связей с черкесами в разных странах мира и их объединения, необходимо было создать координирующую организацию. С этой целью, по инициативе Черкесского культурного центра в Анкаре (Турция) 21–28 октября 1988 г. была проведена неделя Северо-Кавказской культуры, фактически ставшая собранием черкесских общин. В ее работе приняли участие черкесские делегации из Иордании, Сирии, Египта, США, ФРГ, Кабардино-Балкарии, Адыгеи, представители северокавказских культурных центров ряда городов Турции⁶.

С 9 по 14 июня 1991 г. в Нальчике состоялся I-й Всемирный фестиваль адыгской культуры «Негасимый очаг». Устроители: Министерство культуры КБССР и Республиканский научно-методический центр народного творчества, который под руководством А.А. Бетуганова провел сложную и кропотливую организационную работу. Фестиваль собрал более 500 гостей из США, Германии, Израиля, Сирии, Иордании, Турции, Нидерландов, Югославии. Он явился знаковым для всех адыгов, проживающих в различных уголках земного шара. Они смогли почувствовать свое единство и духовную связь. На фестиваль приехали творческие коллективы и делегации из Турции, Сирии, Иордании, США, ФРГ, Израиля, Абхазии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии⁷. Данный фестиваль активизировал связи соотечественников по всему миру и дал толчок к более интенсивному развитию ностальгического туризма.

В рамках фестиваля были проведены выставки, концерты, театрализованные представления, посвященные важным событиям истории адыгского народа. Делегации из зарубежных стран побывали в различных районах Кабардино-Балкарии и познакомилась с жизнью, культурой и бытом жителей Кабардино-Балкарии.

Фестиваль внес значительный вклад в процесс налаживания культурных связей между проживающими в разных странах адыгами. Кабардинцы, живущие в КБР, смогли убедиться, насколько трепетно и внимательно относятся живущие за рубежом их соотечественники к своей культуре, танцам и песням, сохраненным в тяжелых условиях за рубежом. Зарубежные соотечественники находили родственников, налаживали прочные связи, однако ностальгические туры черкесов, приезжающих на родину, носили индивидуальный характер и не были организованы.

В 1990-х–2000-х гг. происходит активизация связей с соотечественниками – черкесами, живущими в дальнем и ближнем зарубежье, однако их поездки на историческую родину носили скорее индивидуальный характер. В 2010-е гг. приходит понимание, что организация путешествия к местам проживания предков может приносить прибыль. Одним из примеров организации ностальгического туризма, выгодного и с экономической точки зрения, является деятельность турфирмы «Аскелла» в Адыгее. В республике был разработан тур для представителей адыгской диаспоры, живущей по всему миру. Организатор – руководитель турфирмы «Аскелла» и разработчик тура Бэла Кикова.

Задача тура – проецировать в бизнес традиции гостеприимства, этнографии, традиционной кухни черкесов, дать иностранному туристу почувствовать ритм жизни малой родины, где на сегодняшний день проживают более 100 национальностей. Семидневное пребывание в регионе дает возможность этническим адыгам побывать на популярных рекреационных объектах республики – плато Лагонаки, водопадах Руфабго, поселке Гузерипль, услышать легенды и мифы, связанные со знаковыми для республики туристическими объектами. Гости региона могут посетить Национальный музей и Северокавказский филиал музея искусств народов Востока, мастерские изготовителя адыгских народных музыкальных инструментов Замудина Гучева и побывать в одном из адыгских аулов, отметил собеседник агентства.

Одним из самых ярких моментов ностальгического тура является посещение иностранными туристами аула Ходзь Кошехабльского района. Это уникальный населенный пункт, где традиции и обычаи народа наиболее ярко. Здесь буквально в каждом дворе вялят мясо по сохраненным издревле рецептам, готовят домашний адыгейский сыр, черкесские сладости так, как это делали несколько веков назад, каждый двор открыт для посещения гостей. Можно сказать, что ностальгический тур органично дополняется гастрономическим. Туристы могут попробовать национальные блюда, попытаться приготовить, потанцевать с хозяином и помочь ему в бытовых заботах.

Акцент в работе ностальгического тура в данный момент сделан на самую многочисленную адыгскую диаспору, проживающую в Турции. Для укрепления культурных связей с соотечественниками из Турции в республике налажено сотрудничество с некоторыми турецкими городами, в частности с городом Самсун. Появился прямой авиарейс между Краснодаром и Самсуном, и первый тур кампании был подстроен именно под его расписание.

Чтобы разнообразить тур, дни экскурсий чередуются: в недельном туре – три дня – экскурсии, связанные с природой, а три дня – по городу и аулу: знакомство с традициями, обычаями, мастер-классы с ремесленниками. Совместно со специалистами Национального музея разработана целая программа – от знакомства с флорой и фауной республики до общения с мастерами, которые по сей день хранят секреты изготовления народных музыкальных инструментов. Также гости республики знакомятся с традициями коневодства.

«Аскелла» делает первые шаги именно в этом направлении – этнографический и ностальгический туризм. Она представила свою продукцию на первом международном инвестиционном форуме Invest in Aдыgea, прошедшем в ноябре 2017 г. в Адыгее⁸.

Кабардино-Балкария – общепризнанный всероссийский и международный центр туризма, альпинизма и горнолыжного спорта. Здесь расположены известные во всем мире достопримечательности: самая высокая гора Европы Эльбрус, Голубые озера, водопады. Важной составной частью экономического потенциала республики является рекреационный комплекс, созданный на базе использования лечебных минеральных источников и уникальных природных условий. В горах, в районе Приэльбрусья функционирует Центр по лечению астматических заболеваний. Все эти составляющие успешного развития туризма в целом, могут быть применены и в организации в республике такого перспективного направления, как ностальгический туризм. Турфирмам Кабардино-Балкарии стоит изучить опыт турфирмы «Аскелла» из Адыгеи, а возможно – наладить сотрудничество. Помимо знакомства с известными достопримечательностями Кабардино-Балкарии, можно организовать посещение этнографической деревни в с. Зарагиж. Туристический кластер «Зарагиж» в Кабардино-Балкарии признан одним из самых перспективных на Северном Кавказе и вошел в состав шести наиболее перспективных проектов в Северокавказском федеральном округе. Реализация проекта проходит в рамках федеральной целевой программы развития внутреннего и въездного туризма в России до 2018 г. На данный момент осуществлено строительство и реконструкция автодорог к верхнему Голубому озеру и к термальному источнику в селении Аушигер, а также возведение берегоукрепительных сооружений на реке Жемтала и объектов туристской инфраструктуры. На площади более семи гектаров располагается этнографическая деревня, ресторан, лечебно-оздоровительный комплекс, а также искусственный водоем с пляжами и возможностью рыбалки. Таким образом, ностальгический тур черкесов-соотечественников в Кабардино-Балкарию можно сочетать и с другими видами туризма, например, оздоровительным и спортивным.

В настоящее время во многих регионах России имеются предпосылки к активному развитию ностальгического туризма. Основой этого является огромный потенциал уникальных исторических и природных ресурсов, многокультурности, этнонационального состава, объединяющей и связывающей в единое целое большие территории, их хозяйственную и социальную деятельность.

Однако в туризме существует много проблем, создающих для его развития определенные трудности. Следовательно, для того, чтобы решить все возникшие вопросы, необходимо государственное регулирование туристического бизнеса и взаимодействие участников туристического рынка, а именно укрепление законодательно-правовой базы туристского комплекса, а также укрепление взаимодействия органов государственного управления туризмом с непосредственными производителями туристских услуг через привлечение к решению проблем развития туризма туристских ассоциаций, учебных заведений и других структур, действующих на туристском рынке.

Перед регионами страны стоит задача повышения эффективности государственного управления, поиска внутренних ресурсов и новых источников развития, то есть повышения конкурентоспособности региона в целом. Сложным представляется решение этой задачи в Южном федеральном округе. Согласно комплексной оценке социально-экономического развития 13-ти районов, входящих в него, лишь в Астраханской области относительно высокий уровень развития, в Краснодарском крае и Волгоградской области – средний, в Северной Осетии и Ростовской области – ниже среднего, в остальных районах на протяжении ряда лет – низкий и крайне низкий. Главными причинами этого эксперты, как правило, называют низкую инвестиционно-инновационную активность региона и чрезмерную зависимость от федерального бюджетного финансирования, а также неэффективное государственное управление социально-политической и экономической ситуацией на Юге страны⁹.

Разработка и осуществление программ развития ностальгического туризма должна осуществляться с учетом единых концептуальных подходов к развитию всего туристского комплекса конкретного региона с последующей интеграцией через создание комплексных маршрутов в областные, республиканские, а также межрегиональные и, возможно, федеральную программы для развития туризма. В сложившейся ситуации организация ностальгических туров соотечественников-черкесов, проживающих за пределами исторической Родины, может стать одной из важных составляющих для привлечения в регион финансовых средств и оздоровления экономической обстановки в регионе. Кроме того, налаживание дружественных связей с зарубежными черкесами (адыгами) будет способствовать сохранению этнической культуры и усилению этнического самосознания.

Примечания

1. Семкина Н.С., Прокопьева Т.А. Перспективы развития этнографического туризма в России // Вестник СГУТиКД. 2010. № 3 (13). С. 105.
2. Виговская М.Е. Социологический анализ развития и перспектив ностальгического туризма // IV Очередной Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие». URL: <http://ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part42.pdf> (дата обращения: 02.03.2018).
3. Лыскова О.В. Туризм как освоение пространства-времени: мобильность коллективной памяти // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 95–100.
4. Виговская М.Е. Указ. соч.
5. Там же.
6. Кушхабиев А.В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик, 2007. С. 244, 245.
7. Кешева З.М. Танцевальная и музыкальная культура кабардинцев во второй половине XX века. Нальчик, 2005. С. 73.
8. Екатерина Пензева. Едем в Ходзь туристами. URL: <http://sovetskaya-adygeya.ru/index.php/vlast/turizm/> (дата обращения: 04.03.2018).
9. Базаров Э.В. Бренд региона, как маркетинговый инструмент повышения инвестиционной привлекательности. URL: <https://evgenysolomin.livejournal.com/255200.html> (дата обращения: 11.03.2018).

NOSTALGIC TOURISM AND PROSPECTS OF ITS DEVELOPMENT IN ADYGEE AND KBR

Kesheva Zarema Muhamedovna, Head of the latest history department of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kesheva10@gmail.com

The article examines the main trends in the development of nostalgic tourism in the context of strengthening its role in maintaining and activating various contacts with foreign countries, the need to preserve a sense of belonging to a common geo-information and economic space, and ownership of a common historical destiny. Currently, in many regions of Russia there are prerequisites for the active development of nostalgic tourism. The basis of this is the enormous potential of unique historical and natural resources, multiculturalism, ethnonational composition, uniting and linking large areas, their economic and social activities. It is noted that in the current situation the organization of nostalgic tours of fellow Circassian compatriots living outside the historical homeland can become one of the important components for attracting financial resources to the region and improving the economic situation in the region

Keywords: nostalgic tourism, the Kabardino-Balkarian Republic, Adygea, Circassians (Adygs), compatriots, sights

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-65-70

УДК 811.512.142

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-71-75

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ И СОСТАВНЫЕ ТЕРМИНЫ РОДСТВА И СВОЙСТВА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аппоев Алим Каншауович, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», appoev74@mail.ru

В статье рассматривается система терминов родства с точки зрения плана выражения и плана содержания. Структура терминов родства определяется особенностями грамматического строя карачаево-балкарского языка. Термины родства в карачаево-балкарском языке с конструктивной точки зрения подразделены на три категории: элементарные, составные и описательные. Основной костяк этой подсистемы состоит из номинативных терминов. Наряду с ними в ходе общественно-исторического развития общества возникло и определенное количество описательных терминов. Терминами родства выступают также свободные словосочетания, обозначающие отношения дальней степени родства.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, элементарные и составные термины родства, структура и система терминов родства.

Термины родства, являясь важным историко-этнографическим источником, представляют большой интерес и с лингвистической точки зрения. Планомерное описание и исследование лексических групп внутри словарного состава конкретного языка в совокупности с его диалектным материалом дает возможность изучать закономерности развития в пределах групп слов, объединенных общей семантикой, выявить специфические особенности и возможности в развитии значений в отдельно взятом лексико-семантическом разряде слов¹.

Одним из актуальных проблем исследования карачаево-балкарской системы родства является проблема классификации терминов родства с точки зрения плана выражения и плана содержания, т.е. с точки зрения структуры терминов и с точки зрения структуры самой системы родства. Поскольку термины родства любого народа представляют собой часть лексики его языка, то особенностями грамматического строя этого языка определяется и структура данных терминов.

С конструктивной точки зрения термины родства в карачаево-балкарском языке подразделяются на три категории: элементарные, составные и описательные, а также дополнительные.

В системе терминов родства одни термины выполняют роль основных терминов, другие играют роль функционального варианта: *ата* (основной) – *атака*, *пана* (дополнительный). Дополнительные варианты широко распространены в диалектах и говорах тюркских языков, сравним турецкое *баба* «отец» – доп. *ата*, карачаево-балкарское *ата* «отец» – доп. *пана*; карачаево-балкарское *анна/амтя/улли ата*, *къарт ата* «дед» – доп. *улли пана/деда*; карачаево-балкарское *ана* «мать» – доп. *мама*, турецкое *nine* «бабушка» – доп. *anneanne*, *babaanne*, карачаево-балкарское *амма/ынна/анья/* доп. – *улли мама/улли ана/бабуля/ыннака* «бабушка».

Совокупность всех терминов составляет систему терминов родства, так же, как совокупность всех отмеченных и осознанных родственных отношений составляет систему родства².

Значение терминов родства может расширяться. Так, термин *киеу* «зять» в карачаево-балкарском языке может обозначать мужей всех лиц женского пола из одного рода, в то время как главное его значение «муж дочери», «муж сестры», «муж тети».

Факт наличия у карачаевцев и балкарцев кыпчакских терминов родства может быть объяснен хронологически более ранним влиянием кыпчакских племенных диалектов на их язык. К этой группе относятся следующие термины: *ата* «отец» (кыпчакизированное), но огузированное смешанное *баба*, с тем же значением, также и в составных терминах: *ёге ата* «отчим»; *ата-ана* «родители», *уллу ата/анна*, *къарт ата* «дед; прадед»; *ата-баба* «деды и бабки; предки»; *къайын ата* «свекор, тесть».

Система терминов родства занимает центральное место внутри средств обозначения родственных отношений. Терминология родства замкнута, но не непроницаема.

Термины родства в карачаево-балкарском языке активно употребляются при обращениях родственников друг другу. При этом, особенно в сельской местности, предпочтение отдается использованию описательных терминов родства вместо личных имен, например, родственники со стороны матери вместо личного имени, (*в данном случае Алим!*) часто обращаются *эгечден туугъан* «племянник, сын (нашей) сестры». В государственных учреждениях употребляется другая форма обращения, т.е. инокультурная – по имени-отчеству. Здесь уместно отметить и то, что у карачаевцев и балкарцев нет формы обращения к старшим *сиз* «вы», хотя такая искусственно созданная форма обращения к старшим употребляется, как в государственных учреждениях, так и при обращениях например, зятя к тестю и теще, невестки к свекру и свекрови, да и к другим старшим родственникам по свойственному родству.

Тюркская терминология родства богата своими простыми (элементарными) и составными (описательными) терминами. К элементарным терминам относятся термины, представляющие собой самостоятельные слова, неразложимые на значимые компоненты. Такие термины существуют в системе родства любого народа, однако сравнительно немногочисленные системы включают исключительно лишь данные термины³. В большинстве систем, в том числе и карачаево-балкарской системе, помимо элементарных терминов, используются также составные и описательные термины.

К простым (элементарным) терминам в современном карачаево-балкарском языке относятся: *ата* «отец», *ана* «мать», *анна/аття* «дед», *амма/аба* «бабушка», *жаш/улан* «мальчик, сын», *жашым* «мой сын», *къыз* «девушка», *къызым* «моя дочь», *эгеч* «сестра», *къарындаш* «брат», *эр* «мужчина», «муж», *къатын/юйдеги* «женщина, жена», *келин* «невестка», *къайыным* «(мой) деверь», *киеу къарындаш/бажса* «свояк», *апсын* «жена деверя», *киеу* «зять», *туудукъ* «внук» и т. д.

Составные (описательные) термины существуют большей частью для обозначения более отдаленных степеней кровного родства. В их основе лежит элементарный термин (ядро), детерминируемый той или иной лексической единицей, которая обычно сама по себе не является элементарным термином родства. В карачаево-балкарском языке к числу составных терминов относятся как слова, так и словосочетания: *уллу ата/уллу напа/къарт ата* «дедушка», *уллу ана/уллу мама* «бабушка», *экиге / юнге айланган къарындаш/эгеч* двоюродный/троюродный брат//двоюродная/троюродная сестра». Встречаются составные термины с собирательным значением: *ата-ана* «родители», *эгеч-къарындаш* «сестра-брат», *ата-баба* (букв. «отец-дед») «отцы и деды, предки».

В карачаево-балкарском языке составные термины могут быть представлены комбинацией двух или более элементарных терминов родства, связанных изафетными отношениями: *къатынымы къарындашы* «брат (моей) жены», *баши ием* «мой муж», *эrimi эгечи/къайын къызым* «сестра мужа/золовка», *къарындашымы къатыны* «жена (моего) брата», *жашымы жашы* «сын (моего) сына, внук»; *къайынымы къызы/жашы* «дочь/сын моего деверя», *апсынымы къызы* «дочь жены (моего) деверя. Определение в таких изафетных конструкциях в карачаево-балкарском языке всегда выражено именем существительным в родительном падеже.

Понятие «дедушка» в разговорной речи может передаваться описательными терминами, оформленными изафетной конструкцией: *атамы атасы* «отец моего отца», *анамы атасы* «отец моей матери», в литературном языке употребляется термин *уллу ата/уллу папа, къарт ата, аппа*. В разговорной речи понятие «бабушка» может передаваться также описательными терминами, оформленными изафетной конструкцией: *атамы анасы* «мать моего отца», *анамы анасы* «мать моего отца» или *аба* «бабушка».

Слово *аба* означает «бабушка» как в прямом смысле, так и в переносном. Некоторые балкарцы старшего поколения называют своих бабушек *аба* «бабушка». В туркменском разговорном языке *аба* обозначает «отец». Это слово охватывает понятие «старший родственник», которое складывается из отдельных, более узких и конкретных понятий: «бабушка», «пожилая женщина», «старший брат», «дед», «предок».

В карачаево-балкарском языке понятие «дядя» «брат отца/матери» выражается описательной формой *атамы/анамы къарындашы* «брат моего отца/моей матери», *атамы/анамы уллу(тамата) къарындашы* «старший брат моего отца/моей матери», *атамы/анамы ортанчы къарындашы* «средний брат моего отца/моей матери», *атамы/анамы гитче къарындашы* «младший брат моего отца/моей матери».

Понятие «тетя» в карачаево-балкарском языке передается сложными терминами или описательной формой: *атамы эгечи* «тетя, сестра отца», *атамы уллу (тамата) эгечи* «старшая сестра моего отца», *атамы ортанчы эгечи* «средняя сестра моего отца», *атамы гитче эгечи* «младшая сестра моего отца», *анамы уллу (тамата) эгечи* «младшая сестра моей матери», *анамы ортанчы эгечи* «средняя сестра моей матери», *анамы гитче эгечи* «младшая сестра моей матери».

В карачаево-балкарском языке есть единый термин, обозначающий понятия «внук» и «внучка» – *туудукъ* от *туу* – «родиться», но наряду с этим более употребительны описательные формы с четко дифференцированной характеристикой: *жашымы жашы/къызымы жашы* – «внук, сын моего сына/сын моей дочери», *жашындан туугъан жаш* – «сын сына», *жашындан туугъан къыз* «дочь сына», *къызындан туугъан жаш* – «сын дочери», *къызындан туугъан къыз* – «дочь дочери» или *жашыны жашы* – «сын сына», *къызыны жашы* «сын дочери» и т.д. – сравним с тувинским описательным термином, оформленным изафетной конструкцией *оглумнун оглу* «сын моего сына», *уруумнун оглу* «сын моей дочери»; *уланымны къызы* «дочь моего сына», *къызымны уланы* «сын моей дочери», *къызымны къызы* «дочь моей дочери». Кроме того, применяется лексема *урлукъ* «семья»: *мени урлугъум* «мое потомство». Карачаево-балкарские описательные термины, оформленные изафетной конструкцией, употребляются большей частью при уточнении *экиге айланган*, кем приходится ребенок по отношению к родителям.

Карачаево-балкарское *экиге айланган эгеч/экиге айланган къарындаш* «двоюродный брат/двоюродная сестра» образованы от причастных форм.

В карачаево-балкарском языке употребляются изафетные конструкции: *къарындашымы/эгечими жашы/къызы* «племянник, племянница; дочь брата/сестры» – составной термин, состоит из двух основ: *къыз / жаш, къарындаш / эгеч*.

Отличие описательных терминов от составных заключается в том, что в последних детерминирующий элемент может в определенных условиях опускаться,

тогда как в описательных терминах ни один из составляющих элементов не может быть опущен. Так, вместо составного термина *ючге айланган къарындашым* – «троюродный брат» в карачаево-балкарском языке может употребляться термин *къарындашым* «мой родственник», а вместо *ёге анам* «моя мачеха» – *анам* «моя мать».

С точки зрения группировки родственников, обозначаемых тем или иным термином, термины родства подразделяются на три категории: индивидуальные, групповые и классификационные.

К индивидуальным терминам относятся термины, каждый из которых служит для обозначения одного строго определенного лица. Во всех системах, в которых имеются индивидуальные термины, число последних всегда ограничено. В современном карачаево-балкарском языке к индивидуальным терминам относятся: *атам* «мой отец», *анам* «моя мать», *эрим / баш ием / кишим* «мой муж», *къатыным* «моя жена», *къайын атам* «мой свекор», «мой тесть», *къайын анам* «моя свекровь», «моя теща», *ёге атам* «мой отчим», *ёге анам* «моя мачеха».

С конструктивной точки зрения классификационные термины могут относиться к любой из трех категорий, т.е. они могут быть элементарными, составными или описательными. Обязательного соответствия между различными категориями этих аспектов терминологий родства не существует.

Карачаево-балкарская система родства фиксирует несколько иное отношение к этому вопросу, что по нашему мнению, свидетельствует о специфике тюркского склада мышления, отражающего национально-культурные приоритеты. Для карачаевца и балкарца оказываются слишком расплывчатыми и абстрактными фразы типа: *он мой брат*, *она моя сестра*, поскольку на данном участке вербализации языковое сознание представителей этих народов не поднимается на такой уровень абстракции, как указание на происхождение от общих родителей вне зависимости от старшинства людей, связанных данным видом родственных отношений.

Здесь уместно сказать также и об отражении терминов родства в пословичном фонде этноса: *Анасыны сыры – къызында*, *атасыны сыры – улунда* «Нрав матери – в дочери, нрав отца – в сыне»; *Анасы терекге минсе, къызы бутакъгъа минер* «Если мать взберется на дерево, дочь взберется на ветку»; *Ата – билек, ана – жүрек* «Отец – рука (опора), мать – сердце»; *Ана бала тилин ангылар* «Мать поймет язык ребенка»; *Ана кёлю – балада, бала кёлю – талада* «Душа матери – в ребенке, душа ребенка – на улице»; *Ана кёлю – бешикде, бала кёлю – эшикде* «Душа матери – в колыбели, душа ребенка – на улице»; *Жаш туусун, къыз туусун – акъылы, саны тюз болсун* «Сын родится или дочь родится – лишь в здоровом уме и здоровом теле» и многие другие⁴.

Характеризуя систему родства современных карачаевцев и балкарцев, нужно отметить, прежде всего, важный для данного исследования момент. Система родственных связей, в которую вовлечен тот или иной человек, в определенном смысле имеет принципиально незамкнутый характер. С этим связана широко распространенная практика именованья с использованием терминов родства незнакомых людей или людей, родственниками не являющихся.

Отличительным моментом в терминологии родства карачаево-балкарского языка является отсутствие в карачаево-балкарском языке определенного термина, обозначающего понятия «племянник». Здесь этот термин выражается описательно *эгечден/къарындашдан туугъан* «племянник, дочь/сын сестры/брата». Следует отметить, что у карачаевцев и балкарцев в прошлом были сильны пережитки авункулата – обязанности дяди (по линии матери) опекать племянников (детей своей сестры), о чем свидетельствуют пословицы: *Жашны юч этип эки юлюшю – ана къарындашындан* – «Две трети парня – от дяди по матери»; *Эгечден туугъан келсе, юйню орта чигинжиси къымылдар* – «Когда приходит в гости сын сестры,

качается центральный столб дома»⁵. Более употребительными в карачаево-балкарском языке являются описательные наименования – *анамы къарындашы* «брат матери»; *атамы эгечи* «сестра отца»; *жашымы жашы / жашымы уланы* «внук; сын моего сына»; *къызымы жашы/уланы* «внук; сын моей дочери»; *жашымы уланымы къызы* «внучка; дочь моего сына», *къызымы къызы* «внучка», «дочь моей дочери».

Для обозначения преклонного возраста родственника, употребляется описательный термин *къарт* «старый».

В карачаево-балкарском языке различие по признакам пола и по признаку старшинства в линиях кровного родства выражается детерминативами: «младший брат» – *гитче къарындаш*, «старший брат» – *тамата / уллу къарындаш*, «средний брат» – *ортанчы къарындаш*.

В случае многочисленности старших братьев и сестер в карачаево-балкарском языке к терминам родства присоединяются аффиксы множественного числа *-ла /-ле*: *уллу (гитче) къарындашла/эгечле* – старшие (младшие) братья/сестры». Отмечается лексическая ограниченность имен прилагательных с терминами родства на уровне словосочетания в описательном контексте.

Примечания

1. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968. С. 123.
2. Джафаров Г.Г. Термины родства в азербайджанском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. Баку 1971. С. 15.
3. Крюков М.В. Система родства китайцев. М., 1972. С. 33.
4. Анноев Ас.К., Анноев Ал.К. Карачаево-балкарские паремии: структура и семантика. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 130 с.
5. Анноев А.К., Анноев А.К. Термины родства в карачаево-балкарском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. 2010. № 2. С. 91–95.

ELEMENTARY AND COMPOSITION TERMS AND PROPERTIES IN KARACHAYEVO-BALKARIAN LANGUAGE

Appoev Alim Kanshauovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), appoev74@mail.ru

The article deals with the system of terms of kinship in terms of the plan of expression and the content plan. The structure of the terms of kinship is determined by the peculiarities of the grammatical structure of the Karachay-Balkar language. The terms of kinship in Karachay-Balkar language from the constructive point of view are subdivided into three categories: elementary, compound and descriptive. The main backbone of this subsystem consists of nominative terms. Along with them, in the course of the socio-historical development of society, a certain number of descriptive terms arose. The terms of kinship are also free phrases denoting relations of a distant degree of kinship.

Keywords: Karachay-Balkar language, elementary and compound terms of kinship, structure and system of terms of kinship.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-71-75

О МЕСТЕ И РОЛИ МОРФОНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (на материале абхазско-адыгских языков)

Дзуганова Рита Хабаловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» E-mail: dzug.rita@yandex.ru

В статье анализируется современное состояние как с теоретической, так и с практической точки зрения относительно новой отрасли языкознания – морфонологии. Рассматривая различные взгляды известных отечественных и зарубежных лингвистов о месте и роли морфонологических исследований, автор пытается аргументированно обосновать свою позицию, опираясь при этом на данные западнокавказской группы языков – абазинского, абхазского, адыгейского, кабардино-черкесского и убыхского. Вводимый в научный оборот материал по указанным языкам, как считает автор, будет иметь значение не только для лингвистического кавказоведения, но и в целом для общей теории языкознания, поскольку абхазско-адыгские языки уникальны по форме и степени распространения в них морфонологических явлений, и особенно аблаутных чередований при образовании и словоизменении сложных глаголов.

Ключевые слова: морфонологические явления, абхазско-адыгские языки, локальные превербы, направительные суффиксы, аблаутные чередования.

В современном языкознании все еще продолжается жаркая дискуссия относительно места морфонологии в кругу лингвистических дисциплин. Пограничное положение, занимаемое морфонологией, создает сложную зависимость морфонологических интерпретаций от результатов фонологического и морфологического анализа¹. При изучении языковых явлений обнаруживается тесное взаимодействие этих двух соседствующих уровней языковой структуры. Нередко случаи, когда морфологические процессы могут быть объяснены как альтернации либо фонологического, либо морфологического порядка. В связи с этим обращение к конкретному одному уровню, в рамках которого исследуется природа альтернации, оказывается недостаточным, поскольку некоторые альтернации могут затрагивать одновременно оба указанных уровня языка. Следовательно, определение лингвистических единиц одного уровня в терминах единиц другого уровня может привести к неправильным выводам.

Исследование морфонологических процессов осложняется еще и тем, что оно носит комплексный характер – в нем сочетаются различные аспекты лингвистического анализа – фонологические, морфологические, семантические и этимологические.

В центре внимания морфонологии находятся проблемы фонологической структуры морфем и чередований, причем аксиомами морфонологии являются глубокая связь фонологической структуры морфем с их словообразовательными функциями и важная грамматическая роль чередований как дополнительного средства выражения в морфологии и словообразовании².

Подход к морфонологии с таких позиций можно считать более оправданным, так как при этом рамки ее раздвигаются и объектом анализа становятся не только фонологические средства, используемые в морфологических целях (как раньше

определял Н. Трубецкой), но и значительно более широкий круг явлений. Прежде всего, сюда включается вопрос об организации целостных и морфонологических структур – слова, парадигмы, словообразовательного ряда и т.д.³. К этому можно добавить, что к морфонологии, понимаемой так широко, относится исследование организации (структуры) всего плана выражения – словоизменения и словообразования. Подобное расширение рамок морфонологии с охватом всего формального плана морфологии и словообразования объясняет тот, на первый взгляд, парадоксальный факт, что чем более самостоятельной становится морфонология как особая дисциплина, приобретая автономный статус, тем более очевидной становится зависимость морфонологии от результатов морфологического и словообразовательного анализа⁴.

И, наконец, задача морфонологического описания сводится к тому, чтобы выявить регулярные типы чередования и представить их в виде определенной схемы и определенного набора морфонологических правил, которые относились бы не к индивидуальным морфемам, а к классам чередований, к классам позиций⁵.

Понимание содержания морфонологического правила зависит от того, какой концепции придерживается исследователь. В данном случае мы солидарны с мнением Е. Земской, считающей морфонологическими правила соединения морфов в слове и взаимоприспособление (варьирование) морфов при их объединении. Это значит, что к области морфонологии относятся все случаи значащего варьирования фонем в морфемах, когда само варьирование выступает в качестве средства передачи той или иной информации⁶.

Таким образом, объединение разнородных отделов в рамках одной дисциплины достаточно убедительно мотивируется тем, что как одни (условно «фонологические»), так и другие (условно «морфологические») факты характеризуют фонемную структуру морфемы и возможности ее варьирования в словообразовании и в словоизменении, и с этой точки зрения отличаются друг от друга лишь степенью и типом обусловленности⁷. Собственно степень этой обусловленности и ее подлинное содержание и составляют предмет морфонологии. Специфика морфонологии, следовательно, заключается в том, что в ней анализируется одна из грамматических единиц – фонологическая структура морфемы⁸. Морфонология занимается изучением процессов альтернатив, имеющих более или менее регулярный характер, а также преобразованиями, сигнализирующими о каких-либо явлениях в морфологии: о сдвигах ударения, процессах озвончения или оглушения, аблауте, умлауте и т.п. в различных языках.

Упорядоченное описание подобных процессов достигается прежде всего выведением общих формул альтернатив или морфонологических схем. В связи с этим возникает вопрос, включать ли в морфонологическое описание формы с внутренней флексией. Э.А. Макаев и Е.С. Кубрякова рассматривают все формы с внутренней флексией – независимо от того, какую именно морфонологическую нагрузку они имеют – как формы морфонологические⁹.

С их позицией солидарен известный кавказовед М.А. Кумахов. «Изменения гласных с грамматической точки зрения, – пишет он, – могут быть релевантными и иррелевантными. Так, чередование гласных *з.ы* в морфемах типа *дэ-н* «шить» (неперех.), *ды-н* шить что-нибудь (перех.), *цы* «три», *цэ* «трижды» является морфонологическим, т.е. имеет функциональное значение внутренней флексии»¹⁰.

По поводу внутренней флексии А.А. Реформатский занимает противоположную точку зрения. Внутренняя флексия, по его мнению – тоже грамматика, как и аффиксация. Это грамматика, а морфонология «еще не грамматика»¹¹. Правильным А.А. Реформатский считает подход к данной проблеме В.В. Лопатина и И.О. Улуханова: они считают, что термин «внутренняя флексия» может быть применен лишь к уровню морфологии¹².

В отношении определения границы между фонологией и морфонологией ведутся также бесконечные споры среди языковедов. Ясную и последовательную

позицию по этому вопросу занимает, на наш взгляд, С.М. Толстая. Она пишет: «Как бы ни была условной граница между фонологией и морфонологией, как бы ни была сильна зависимость морфонологии от фонологии, несомненным остается то, что морфонологические закономерности действуют в тех сферах языка, которые не охватываются фонетическими (фонологическими) законами, т.е. морфонология и теоретически и практически начинается после того, как кончится (будет полностью описана) фонология, и строится на базе фонологии или даже в известной мере отталкивается от нее»¹³.

Тесное переплетение фонетики, морфологии и морфонологии обусловлено сложной природой отношений фонетического и морфологического уровней в структуре языка. Это и определило отнесение аблаутных чередований к морфологическим процессам – так в наибольшей степени отражаются межуровневые отношения.

Важность морфологически значимых чередований, прежде всего аблаута, всегда отмечалась в специальной литературе. Осознание необходимости выделения морфонологии в качестве отдельной дисциплины и изучения структуры морфемы в рамках слова, а также признание связи морфонологии с фонологией и морфологией явились результатом научных изысканий Н. Трубецкого и Бодуэна де Куртенэ.

В разработке теории чередований велики заслуги Бодуэна де Куртенэ и Н. Крушевского. Бодуэн де Куртенэ впервые поставил вопрос семантической оценки звуковых изменений на материале индоевропейских языков¹⁴.

Ученик Бодуэна де Куртенэ Н. Крушевский высказал оригинальную мысль о морфонологической структуре славянских морфем. «У корня, отмечает Н. Крушевский, – имеется вариация внешняя, т.е. звуковая и внутренняя – морфологическая, причем для значения слова более важна морфологическая»¹⁵. Их труды стали основой для нового раздела языкознания, который позже Н. Трубецким был назван морфонологией. «Морфонология как связующее звено между морфологией и фонологией должна занять принадлежащее ей по праву достойное место в грамматике, подчеркиваю – в любой грамматике, – писал Н. Трубецкой. – Только такие языки, которые не имеют морфологии в собственном смысле этого слова, могут обойтись без морфонологии»¹⁶.

Полная морфонологическая теория Н. Трубецкого состоит из трех задач. Все они обращены к звуковой стороне морфемы. Однако центральной проблемой является третья задача. Здесь ставится вопрос о варьировании или альтернировании морфов одной морфемы при объединении морфем в одно целое (на швах, стыках). Эта задача морфонологического анализа выступает первостепенной в отношении исследования судьбы аблаутных альтернатив и различных чередований вообще.

Таким образом, описание морфонологических явлений стало возможным благодаря европейским языковедам. Как видно из вышеизложенного, описание морфонологических моделей начато именно ими.

Абхазско-адыгские языки до недавнего времени не были объектом морфонологических исследований, несмотря на несомненную важность морфонологических процессов в этих языках. Тем не менее, кавказоведы в своих исследованиях затрагивали те или иные морфонологические явления. Так, проф. Н.Ф. Яковлев и доц. Д. Ашхамаф в Грамматике адыгейского литературного языка высказали некоторые соображения относительно изменчивого положения кратких гласных *э* и *ы* в адыгейском языке. Пытаясь выяснить причины такой неустойчивости, они определили, в каких позициях происходит рассматриваемый языковой процесс: в конце и середине слова. Сохранение и редукция конечных гласных они объяснили как явление историческое, а изменения внутри слова отнесены к современным языковым процессам¹⁷. Однако данное положение не подкрепляется необходимой аргументацией ни Н. Яковлевым, специально не занимавшимся этой проблемой,

ни его сторонниками, опирающимися в своих выводах на его мнение¹⁸. Таким образом, крупный специалист по западнокавказским языкам проф. Н.Ф. Яковлев, внесший огромный вклад в разработку вопросов общей фонологии, допустил некоторую непоследовательность при решении теоретических проблем фонологии, выдвинув гипотезу об историческом моновокализме кабардинского языка. Это предположение, высказанное Н.Ф. Яковлевым, усилил и без того возросший интерес зарубежных лингвистов к западнокавказским языкам. Сторонники ларингальной теории подхватили гипотезу Н.Ф. Яковлева. В частности, голландский лингвист А. Койперс в своей монографии «Фонемы и морфемы в кабардинском языке» пытается обосновать отсутствие противопоставления гласных и согласных фонем на материале кабардинского языка. Если Н.Ф. Яковлев допускал наличие одной фонемы в кабардинском (в известный период его развития), то А. Койперс приходит к выводу об отсутствии вообще гласных фонем в современном кабардинском языке¹⁹.

Другой зарубежный специалист по западнокавказским языкам – Г. Фогт, опираясь на материал убыхского языка, справедливо отмечает, что степень важности различия языковых единиц путем чередования *ы* с нулем усиливается при выражении им морфологических факторов²⁰. Чередование гласных как средство выражения личных форм глагола свойственно только убыхскому языку. В других языках абхазско-адыгской группы личные формы (субъекта и объекта) в глаголе выражаются префиксальным способом.

Что касается глагольных основ, включающих разные локальные префиксы, то они имеют свою систему противопоставления личных маркеров. Вообще в черкесских (адыгейском и кабардино-черкесском) языках иерархия противопоставления как глагольных основ лабильной конструкции с помощью личных маркеров, так и морфологические средства (чередования звуков), используемые при стабилизации лабильных основ, очень сложны и разнообразны²¹.

Следует выделить работу французского исследователя убыхского языка Ж. Дюмезиля. В своей монографии «Глагол убыхского языка» он затрагивает ряд вопросов по аблаутным чередованиям в абхазско-адыгских языках, подчеркивая при этом их особо важную роль именно в адыгских (адыгейском и кабардино-черкесском) языках. В этом отношении, – отмечает он далее, – убыхский язык отделяется от адыгских языков и сближается с абхазским и абазинским²².

Как первый опыт более тщательного и всестороннего анализа звуковых изменений можно назвать Грамматику адыгейского языка Г.В. Рогава и З.И. Керашевой²³. В ней подробнейшим образом рассмотрены изменения гласных при передвижении ударения, усечение гласных, редукция гласных, ассимиляция, изменения гласных в словообразовательных и словоизменительных префиксах адыгейского глагола.

В изучении фонетического строя западнокавказских языков велики заслуги К.В. Ломтатидзе. В частности ею разработаны многие сложные вопросы вокализма указанной языковой группы. С типологической точки зрения абхазско-адыгские языки относятся к консонантному типу. В то же время, несмотря на простейшую систему вокализма в данных языках, вся сложность структуры корня, а также усложненной основы имени и глагола опирается именно в область вокализма. Эта особенность убедительно продемонстрирована в ее монографии «Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков», которая имеет огромное значение для всей группы западнокавказских языков.

Другой ведущий специалист в области абхазско-адыгских языков М.А. Кумахов собрал огромный фактический материал по адыгским языкам, диалектам и говорам, включая данные по адыгским диаспорам в Турции и ближневосточных странах. Опираясь также на родственные языки, сравнивая их фонетические и фонологические системы, он впервые применил к этим языкам приемы внутренней реконструкции.

Ознакомление с теоретическими положениями и подходами по рассматриваемой сложной проблематике приводит к выводу о наличии в абхазско-адыгском языкознании фундаментальных разработок по фонологии и морфологии. Однако на сегодняшний день пока не представляется возможным констатировать наличие полного и системного анализа по аблаутным чередованиям в указанных языках. В абхазско-адыгских языках морфонологические явления пронизывают всю глагольную систему. В абхазском и абазинском языках широко используются аблаутные чередования для противопоставления иллативных (аддитивных) и элативных (абитивных) основ. Здесь важно отметить наблюдение К.В. Ломтатидзе о том, что в абхазском и абазинском языках противоположное направление, характерное для суффиксов-корней, находит свое выражение и в превербах-основах. В превербах-основах с исходом на *a* редуцируется это последнее при выражении направления «сюда», т.е. при суффиксах-корнях *-цI, -x* гласный элемент *a* или вовсе опускается или же переходит в *ы*. Ср.: *a-та-ла-ра* «войти внутрь» и *a-ты-цI-ра* «выйти изнутри»; *a-та-цIа-ра* «внести что-то» и *a-ты-х-ра* «вынести что-л. из чего-л.»²⁴. Другими словами, в абхазском и абазинском языках выбор направления зависит от огласовки преверба. При сохранении исходной огласовки мы имеем глагол с аддитивным направлением, а редукция же исходного вокализма преверба дает абитивное направление. Однако такое противопоставление прослеживается не во всех типах производных основ. Поэтому в тех же целях используются направительные суффиксы. При этом любопытен тот факт, что необходимым условием появления глагольных направительных суффиксов *-гI(a)/-aa, -л(a), -aa* и *-m* в абазинском и абхазском языках является наличие превербов-основ, огласовка которых (*a*) редуцирована либо до иррационального *ы*, либо до *нуля*²⁵. Представляет немалый интерес также наличие в абхазском и абазинском языках материально и функционально тождественных превербов и суффиксов. Ср.: превербы *гIа/-aa, л(a)-, m-* и соотносительные суффиксы *-гIа/-aa, -л(a), -m*. В адыгейском, кабардино-черкесском, убыхском языках отсутствует подобное явление.

В абхазском и абазинском языках аблаутные чередования закреплены за локальными превербами и корневым морфом, а в адыгских и убыхском они характерны только для корневого морфа. Локальные превербы также тесно связаны с аблаутными чередованиями в глаголе. Кроме того, наиболее продуктивные морфонологически значимые аблаутные чередования возможны в превербных образованиях. В кабардино-черкесском языке производные глаголы с локальными превербами идентично оформляются в корневой морфеме кратким гласным *э*. В адыгских языках преверб и аблаут, хотя и взаимообусловлены, функционально четко разграничены: преверб означает локализацию, аблаут – направление²⁶.

Если сравнить семантическую направленность глагольных превербов и глагольных суффиксов кабардино-черкесского языка, то обнаруживается группа суффиксов, функционально близких локальным превербам, основное значение которых – характеристика места и направления (*-кI, -хь, -x, -лI, -йы, -с, -жьэ*). Ср.: *те-луэнтIэ-н* «завернуть туда» и *те-луэнтIы-кIы-н* «повернуть оттуда»; *дэ-пцы-н* «выползть откуда-л.» и *дэ-пц-хьэ-н* «заполти куда-л.»; *лээфы-н* «тащить» и *е-лээфэ-хы-н* «тащить кого-что-л. вниз»; *хьы-н* «нести» и *е-хьэ-лIэ-н* «поднести что-л. к чему-л. близко»; *пцы-н* «полти» и *дэ-пцэ-йы-н* «взобратсья вверх (ползком)»; *хьы-н* «нести» и *нэ-хьэ-сы-н* «донести кого-что-л. до какого-л. места»; *лээфы-н* «тащить» и *е-лээфэ-жьэ-н* «поволочь, потащить кого-что-л.». Приведенные производные модели с суффиксом без преверба не употребляются. Последние дополняют, поясняют функцию преверба. Морфонологические явления, происходящие в данном случае, определяются суффиксацией²⁷.

Достоин внимания еще одно обстоятельство. В адыгских языках имеется группа беспревербных моделей, включающих направительные суффиксы (*-кI, -x, -лI*). Если включение локального преверба в состав глагольной основы способствует

увеличению количества лиц в глаголе на одно лицо – лицо косвенного объекта, то в беспревербных моделях и эту функцию выполняет суффиксальный элемент. В последних наличествует префикс *йэ(e-)* как показатель 3 лица косвенного объекта. Ср: *пцы-н* «ползти» и *е-пцэ-кы-н* «отползти в сторону»; *хьы-н* «нести» и *е-хьэ-хы-н* «опустить, спустить кого-что-л. вниз»; *вэ-н* «пахать» и *е-вы-лэ-н* «вспахать землю вплотную к чему-л.»

В абхазском и абазинском языках утрата конкретной локальной семантики некоторыми превербами сопровождается появлением еще одного лица в глаголе, чаще косвенного и реже – ближайшего объекта. Таким образом, в адыгских языках аблаут в превербных основах находит функциональную параллель в абхазском и абазинском. В адыгейском, кабардино-черкесском, абхазском и абазинском языках прослеживается функциональное тождество огласовок (например, огласовка *ы* или *нуль* указывает на абитивную форму), что свидетельствует о наличии в этих языках структурных общностей, связанных с выражением направления в глаголе.

Итак, можно констатировать, что морфонология, возникшая относительно недавно как раздел языкознания, сумела в целом сформироваться и достичь значительных результатов. Несмотря на это до сих пор не стихают споры о ее месте и роли в лингвистике.

Основные разработки в области морфонологии принадлежат исследователям индоевропейских языков. Определенные успехи достигнуты в этом плане и по абхазско-адыгским языкам. Тем не менее, учитывая важность морфонологических процессов в этих языках, необходимо активизировать работу по раскрытию всех специфических черт западнокавказских языков в этой области, что несомненно является важной задачей не только для кавказоведения, но и для теории языкознания.

Примечания

1. Толстая С.М. Морфонология в структуре славянских языков. М., 1998. 319 с.
2. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 456 с.
3. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Морфонология в описании языков. М.: Наука, 1983. 119 с.
4. Попова Т.В. Славянская морфонология. Субстантивное словообразование. М.: Наука, 1987. 226 с.; Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. М.: Наука, 1977. 315 с.
5. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Указ. соч. С. 6.
6. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 220 с.
7. Толстая С.М. Указ. соч. С. 37.
8. Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. О статусе морфонологии и единицах ее описания // Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие. М.: Наука, 1969. С. 87–119.
9. Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. Указ соч. С. 104–105.
10. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1981. 288 с.
11. Реформатский А.А. Очерки фонологии, морфонологии, морфологии. М.: Наука, 1979. 102 с.
12. Лопатин В.В., Улуканов И.С. К соотношению единиц словообразования и морфонологии // Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие. М.: Наука, 1969. С. 119–132.
13. Толстая С.М. Указ. соч. С. 41.
14. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1. 383 с.
15. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. Казань, 1883.
16. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностр.лит-ры, 1960. 372 с.
17. Яковлев Н.Ф., Аихамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.–Л., 1941. 464 с.

18. *Кумахов М.А.* К проблеме аблаута в абхазо-адыгских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1974. Т. 1. С. 80–90.
19. *Kuipers A.* Phoneme and Morpheme in Kabardian S⁷ Graverhage, 1960. 126 p.
20. *Vogt H.* Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1963. 264 p.
21. *Kumakhov M., Vamling K.* Circassian clause structure. Malmo University, 2006. 213 p. // *Кумахов М., Вамлинг К.* Эргативность в черкесских языках (in Russian with introduction and summary in English).
22. *Dumézil G.* Le verbe Oubykh, Paris, 1975. 213 p.
23. *Розава Г.В., Керашиева З.И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар-Майкоп, 1966. 462 с.
24. *Ломтатидзе К.В.* К структуре сложносоставных глагольных основ в абхазском языке // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1953. Т. 4. С. 125–128.
25. *Клычев Р.Н.* Глагольные направительные суффиксы в абазинском и абхазском языках. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, 1972. 182 с.
26. *Кумахова З.Ю., Кумахов М.А.* О превербах и превербных основах в абхазско-адыгских языках // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983. С. 20–28.
27. *Дзуганова Р.Х., Кумыкова Д.М.* Принципы описания морфонологических явлений в глаголе кабардино-черкесского языка. Фундаментальные исследования. 2015. № 2–7. С. 1542–1545.

ABOUT THE PLACE AND ROLE OF MORPHONOLOGICAL RESEARCH (on the material of the Abkhaz-Adyghe languages)

Dzуганова Рита Хабаловна, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dzug.rita@yandex.ru

The article analyzes the current state both theoretically and from a practical point of view regarding a new branch of linguistics – morphology. Considering the different views of famous Russian and foreign linguists about the place and role of morphological studies, the author tries to substantiate his position reasonably, based on the data of the West Caucasian group of languages – Abazin, Abkhaz, Adyghe, Kabardino-Circassian and Ubykh. The material brought to scientific circulation in these languages, according to the author, will be important not only for linguistic caucasism, but also for the general theory of linguistics, since the Abkhaz-Adyghe languages are unique in form and extent of the distribution of morphological phenomena, especially about alternations in the formation and word-change of complex verbs.

Keywords: morphological phenomena, Abkhaz-Adyg languages, local preverbs, directional suffixes, about alternations.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-76-82

ЕДИНАЯ ПАРАДИГМА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ УРОВЕНЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ

(А. Евтых, М. Паранук)

Алхасова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alkhass55@mail.ru

В статье впервые рассматривается и сопоставляется творчество двух адыгских писателей-фронтовиков. Отмечается, что их произведения привлекают широким временным диапазоном, но центральное место занимают произведения о Великой Отечественной войне. В результате анализа произведений данных авторов констатируется, что в осмыслении трагических последствий Отечественной войны 1941–1945 гг. они обращались к судьбам и характерам простых людей и стремились к углубленному осознанию проблематики войны. В стихах и прозе всегда присутствует тема войны, а центром повествования является тематика духовных затрат и обретений, связанных с войной.

Автор отмечает роль первого значительного сборника «Голос сердца», сыгравшего ключевую роль в биографии писателя М.С. Паранука. Указывается, что эти стихи свидетельствуют о многогранности таланта поэта, так как они не только обладают лирическим видением окружающего мира, но и тематически богаты. Исследуются особенности лирики поэта: они проявились не только в стихах, но и в песнях. Раскрывается и творчество писателя-фронтовика А.К. Евтых, повести и романы которого по художественному уровню и социальной значимости позволили им выйти на международный уровень.

Ключевые слова: писатели-фронтовики, проблематика войны, язык произведения, нравственная проблема в литературе.

Адыгские писатели Аскер Кадырбечевич Евтых и Мурат Салихович Паранук – писатели-фронтовики, участники Великой Отечественной войны. Через все творчество писателей, на протяжении всей жизни, красной нитью прошла тема Великой Отечественной войны¹.

За боевые заслуги М. Паранук был удостоен орденов Красной Звезды, Отечественной войны II степени, награжден многими медалями. А. Евтых также был награжден Орденом Отечественной войны II степени от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте и борьбы с немецкими захватчиками, проявленные при этом доблесть и мужество.

С 1936 по 1938 гг. А. Евтых являлся научным сотрудником Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, а с 1939 по 1941 гг. был преподавателем-консультантом Адыгейской студии при Государственном институте театрального искусства имени А.В. Луначарского в Москве. Однако внезапно грянувшая Великая Отечественная война внесла суровые коррективы в жизнь и творчество писателя. В 1942 году он ушел добровольцем на фронт. В августе 1942 года член Союза Советских писателей А. Евтых добровольно поступил рядовым в ВМФ – в минно-торпедную дивизию ВВС ЧФ. Активный и постоянный автор пресс бюро для краснофлотских газет, он написал много очерков, статей и заметок,

боевых листовок о героях – черноморцах, и, прежде всего, о летчиках морской авиации. 26 декабря 1944 года приказом Командующего Черноморским Флотом по личному составу он и был удостоен высокой награды – ордена ВОВ II степени.

Фронтная жизнь, которую писатели знали не понаслышке, стала частью их творчества на долгие годы.

О М. Парануке, как авторе художественных произведений, заговорили после появления на свет поэмы «Ураза». Поэма была отмечена как художественно состоявшаяся на писательской конференции в декабре 1935 г. в Ростове-на-Дону, где М. Паранук был членом делегации от писательской организации Адыгеи, а затем принял участие в работе I съезда писателей и ашугов Адыгеи. В поэму вошла яркая жизнь со всеми ее противоречиями. Социальные различия людей стали объектом изображения автора, а герои поэмы были узнаваемы. Обращает на себя внимание и факт экспериментирования с новыми формами, к примеру, рваные строки на манер В. Маяковского. Это был восторженно-патетический стиль, предназначенный для официально-партийной тематики. Другие стихи М. Паранука «отличаются даже «графически», они насыщены подлинным лирическим мотивом. Это характерно для сборников «Голос сердца», первую часть ее составляют стихи на партийную тематику. Во второй части сборника – стихи, обладающие лирическим видением окружающего мира. Различие этих двух разделов – разительное, что свидетельствует о многогранности таланта поэта. Особенности лирики М. Паранука проявились не только в стихах, но и в песнях: они многогранны, тематически богаты. Автор обращается к разным лирическим формам и стихотворным размерам»².

В творческой биографии большое значение имел выход однотомника «Избранных произведений» (1962). В сборник вошли его многочисленные стихи о минувшей войне, о ее тяготах и героизме солдат. После «партийных» стихов и лирического цикла автор дает блок сатирических произведений – басен. М. Паранук проявлял большой интерес к этому жанру. Мастерски написаны такие басни: «Хитрость не знает пределов», «Кто виноват»? «Химиш, не торопись!» и др.

В конце 60-х в лирике М. Паранука стали происходить существенные изменения, лирика зазвучала в иной тональности: глубина и острота проникновения в душевный мир героя, способность раскрыть психологические состояния и внутренние процессы стали в равной степени ей доступными. Автор перешел на иной поэтический уровень, имевший исключительное значение для его творчества³.

М. Паранук – автор поэтических сборников, изданных на адыгейском языке: Будь бдительным (1936), Стихи и поэмы (1950), Песнь счастливых (1955), Маленький герой (1957), Голос сердца (1961), Избранные произведения (1962), Мирное утро (1966), Думы (1968), Радость нового дня (1971), Зеркало земли (1972), сборник стихов, поэм и сказок, Пути-дороги (1993).

Отдельные стихи поэта переложены на музыку композиторами Адыгеи. В расцвете творческих сил в 1970 году поэт трагически погиб в автомобильной катастрофе.

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла суровые коррективы и в жизнь и творчество писателя А. Евтыха. Вступив добровольно в ряды ВМФ – в минно-торпедную дивизию ВВС ЧФ, он стал активным и постоянным автором статей, очерков, боевых листовок. Он писал о героях – черноморцах и, прежде всего, о летчиках морской авиации, об их подвигах, доблести и мужестве.

После окончания Великой Отечественной войны (1941–1945) А. Евтых издал на адыгейском языке сборник повестей и романов «Превосходная должность» (1948), Солнце над нами (1959), История одной женщины (1960), След человека (1971), Мой старший брат (1992).

В разных издательствах Москвы, Краснодара, Майкопа были изданы на русском языке произведения А. Евтыха. Так, в Москве в журнале «Огонек» были опубликованы рассказы: «У нас есть такой обычай» и «Исмаил Шарифет» (1946), сборник стихов и поэм «Счастье» (Майкоп, 1946), сборник новелл «Священная река» (Майкоп, 1946), повести «Аул Псыбэ» (Москва, ж. «Знамя», 1950), «У нас в

ауле» (Москва, ж. «Новый мир», 1953), сборник стихов и поэм «Наша жизнь» (Майкоп, 1957), «Девушка из аула» (Майкоп, 1963). На всю страну прозвучали романы А. Евтыха: «Улица во всю ее длину» (Москва, 1965), «Двери открыты настежь» (Москва, 1973), «Глоток родниковой воды» (Москва, 1977), «Баржа» (Москва, 1983), Бычья кровь (Майкоп, 1994), В Москве, в 2000 году, после смерти А. Евтыха вышла книга прозы «Разрыв сердца», куда вошли две повести: «Разорванная картина» и «Я – кенгуру». Его книгам свойственны лиризм и поэтичность стиля, гармонично сочетающиеся с социальной проблематикой. Писателю интересна психология обывателя и внутренняя жизнь людей советского и постсоветского общества.

Отдельные произведения А. Евтыха переведены на чешский, словацкий, украинский и другие языки. А.К. Евтых – народный писатель Республики Адыгея. Он был членом Союза писателей СССР с 1938 года.

В своих произведениях автор отразил сложную эпоху перехода к системе Советов. В ранних рассказах автор подробно рассказывает о жизни адыгейских крестьян, ломке старых отношений. О том, как жили его аульчане в 20–30-е годы, как непросто им было перейти к новшествам, вводимым Советской властью, перейти к колхозной жизни, новым нравственным установкам, новым взаимоотношениям между мужчиной и женщиной, новым традициям. При этом никто из сельчан не порывал со своими обычаями и своим менталитетом.

Среди книг, повествующих о расцвете культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, следует назвать две повести А. Евтыха. Его первое произведение «Превосходная должность» было опубликовано в альманахе «Год XXXII». Эта свежая по материалу, самобытная по форме жизнерадостная повесть сразу привлекла внимание читателей. Вторая повесть А. Евтыха «Аул Псыбэ» показала дальнейший творческий рост художника⁴.

А. Евтых писал о жизни своего народа, живущего у берегов реки Кубани, южнее Краснодара. До Октябрьской революции многие адыгейцы жили в бедности и не имели письменности. В своих рассказах он отразил, как была ликвидирована неграмотность, построены школы, техникумы и больницы. А после Победы в Великой Отечественной войне загудели на колхозных полях трактора и самоходные комбайны, начали пастись стада тучного скота, загораются в аульных домах лампочки Ильича – счастливый народ успешно строит свое коммунистическое счастье.

Об этой радостной борьбе за светлое будущее, о счастливой жизни Адыгеи, о росте ее социалистической культуры А. Евтых рассказывает и в своих повестях.

«Превосходная должность» – это повесть о послевоенном строительстве электростанции. Передавая пафос коллективного труда, поэзию электрификации, автор показывает становление характера простой девушки Асиет. В условиях народной стройки, под влиянием чуткого коллектива во главе с уполномоченным строительства Старцевым Асиет освобождается от отвлеченного романтического представления о жизни, познает подлинную романтику социалистических будней, становится хорошим бригадиром. Адыгейская девушка – их до революции продавали за калым, за пару буйволиц – в наши дни – активный участник строительства коммунистического общества. И это превосходно «должность», – совершенно справедливо утверждает автор.

События повести «Аул Псыбэ» развиваются в адыгейском колхозе после окончания Великой Отечественной войны. Автор показывает, как жители аула восстанавливают жизнь пострадавшего от войны колхоза. Они борются за урожай, осушают болото, заводят птицеферму. В своих повестях А. Евтых выражает те преобразования, которые произошли и происходят в Адыгее в послевоенное время в результате советской национальной политики. Пафос его произведений – в победе нового над старым.

Творчество А. Евтыха характеризует сильно выраженный национальный колорит – своеобразие быта, характеров и отношений жителей аула. А. Евтых пишет на русском языке, но всеми корнями своего творчества он уходит в жизнь родного и любимого народа. Разя оружием смеха прошлое, мешающее движению вперед,

он ярко показывает лучшие стороны характера адыгейского народа. Здесь и трудолюбие народа, и его любовь к русским, и почтительное отношение молодежи к старикам, и сдержанность, и принципиальность. Показательно, что повесть «Аул Псыбэ» по мастерству и глубине выражения жизни уже значительно лучше повести «Превосходная должность».

Профессор Казбек Шаizzo отмечал: «Новаторство Аскера Евтыха – неведомое жанровое образование в молодом адыгейском эпосе, которое свидетельствовало о том, что художественное слово, достигшее в устном его бытовании высокого уровня обобщенности и социальной значимости, вырвалось из канонических рамок устных традиций и вышло на широкие просторы новой письменной культуры».

Спустя много лет после выхода в свет этих произведений А. Евтых снова обращается к жанру повести лишь в 60–70-е годы XX в.: «След человека», «Судьба одной женщины» и другие, которые, по замечанию Халида Тлепцерже, «являются великолепными образцами» этого жанра и «достойны его первой повести «Мой старший брат». В них, по словам цитируемого критика, «писатель выходит на уровень повествовательной прозы в современной советской и мировой литературе»⁵.

Проблема положительного героя отчетливо прослеживается и в Судьбе одной женщины. След, который человек оставляет после себя в этом мире – эта тема вдохновила писателя на написание следующей лирической повести, которая так и была названа – «След человека» (1965).

Однако А. Евтых стал известен как талантливый сочинитель по всей стране и за рубежом своими романами. Они, как и послевоенные и военные рассказы и повести автора, затрагивают проблемы жизни адыгов, на первом плане – роль личности со всеми перипетиями и сложностями.

Примечания

1. Писатели Республики Адыгея / сост. Х. Тлепцерже. Майкоп, 2000. 143 с.
2. Шаizzo К.Г. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. Тбилиси, 1978. С. 112–113.
3. Паранук К. Адыгейская поэзия послевоенного десятилетия // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Майкоп, 1981. Вып. 3. 248 с.
4. Казбек Шаizzo. Новые рубежи // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Майкоп: Кн. изд-во, 1988. С. 3–25.
5. Халид Тлепцерже. На пути к зрелости. Адыгейская повесть: традиции и новаторство. Краснодар: Кн. изд-во, 1991. 175 с.

SINGLE PARADIGM AND ARTISTIC LEVEL OF THE WORKS OF WRITERS-VETERANS

Alkhasova Svetlana Mikhailovna, doctor of Philology, leading researcher of the Kabardino-Cherkess literature sector of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alkhas55@mail.ru

Creative writers at the front attracts a wide time range, but the Central place is occupied by works about the great Patriotic war. In understanding the tragic consequences of the Patriotic war of 1941–1945, they turned to the fates and characters of ordinary people. Writers sought to have in-depth awareness of war, tragedy, making the story centers on the theme of spiritual costs and gains associated with the war.

Keywords: veteran writers, the issues of war, language works, a moral problem in the literature.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-83-86

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Базиева Гульфия Джамаловна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), gbaz@mail.ru

Самосознание общества и нации невозможно без знаний о прошлом и образов прошлого, живущих в исторической памяти. В художественных текстах о Великой Отечественной войне особое значение имеет тема героики военного и трудового подвига, которая находит отражение в различных жанрах литературы и искусства. Художественные тексты, насыщенные героическими образами и событиями, формируют историческую память, национальное самосознание и гражданскую идентичность. С течением времени произведения на тему Великой Отечественной войны приобретают все большую ценность как памятники историческому подвигу советского народа. В данной статье рассматриваются процессы развития военно-исторической тематики в изобразительном искусстве Кабардино-Балкарии, выявляются основные направления и характерные черты раскрытия темы в различных жанрах живописи. В настоящий период тема войны и подвига во имя мирной жизни последующих поколений по-прежнему не теряет своей актуальности, наполняясь новым содержанием, новыми подходами и идеями.

Ключевые слова: художественный текст, живопись, тема Великой Отечественной войны, культурная память, историческое самосознание

Искусство является наиболее эмоциональным средством формирования исторической и культурной памяти. В статье «Искусство памяти и память искусства» Д.С. Лихачев подчеркивал: «Одна из величайших основ, на которых зиждется культура, – память»¹. Но в коллективной памяти могут одновременно уживаться различные образы прошлого и способы повествования о прошлом, в каждом из которых одни и те же события, герои, сюжеты могут трактоваться в зависимости от идеологических или политических реалий. По Ассману, «историю можно определить как связь действия и воспоминания. Она возникает тогда, когда, с одной стороны, формируется структурированное пространство деятельности, а с другой – появляются ценности, достаточно значимые, чтобы о них помнили, и воспоминания подобного рода начинают фиксироваться. История меняет свою структуру соответственно изменениям, которым подвержено пространство деятельности и возможностей человека, однако, существуют формы и функции воспоминания, институты и органы, заботящиеся о его сохранении. А потому история не только пишется каждый раз по-иному, она и переживается, и «делается» каждый раз по-иному – в зависимости от сложившихся социокультурных рамок действия и воспоминания»².

Смысл любого исторического события и значение деятельности любого исторического персонажа может подвергнуться радикальному переосмыслению даже на протяжении жизни одного и того же поколения. В таких ситуациях, по словам А. Эткинды, «борьба за содержание исторической памяти подобна театру военных действий, на котором совершаются стратегические и тактические акции, выполняемые разными силами и средствами»³.

Художественные тексты о Великой Отечественной войне вызывают глубоко личностное индивидуальное переживание за судьбы людей, народов, стран, сражавшихся против фашизма, и тем самым, формируют как индивидуальную, так и коллективную историческую память. В этом плане трудно переоценить роль советского кинематографа, литературы и искусства в создании незабываемых художественных образов, отражающих весь спектр человеческих эмоций, пережитых во время войны (боль и страдание, отвагу и мужество, горечь потерь и ликование от побед).

Анализ изобразительных текстов о Великой Отечественной войне позволяет выделить несколько этапов в развитии данной тематики: первый этап – 40–60 е гг., который отличается документализмом, точностью в передаче исторических событий и персонажей (значительных сражений, эскизных и живописных портретов воинов-победителей и т.д.). Затем начинается новый этап в развитии темы, которая приобретает более лирический оттенок (трагедия Великой Отечественной войны начинает осмысливаться через судьбы отдельно взятого человека, семьи и др.). Развал СССР в 90-е гг. отразился и на развитии искусства, которое в условиях демократизации и коммерциализации стало обращаться к совершенно иным темам и проблемам.

В изобразительном искусстве КБР тема войны активно разрабатывается в первые послевоенные десятилетия (М. А. Ваннах (1908–1997), А.Е. Глуховцев (1910–2004), Н.Н. Гусаченко (1893–1986), Н.М. Третьяков (1923–1991), А.М. Сундуков (1925–1989 гг.), П. Г. Пономаренко (1927–1995) и др. Творчество художников старшего поколения на военную тематику, как правило, отражало отдельные события на фронте и в тылу, посвящалось советским воинам-освободителям, навсегда вошедшим в Книгу Боевой Славы. В последующем появляется более широкое понимание темы: в живописных полотнах провозглашается ценность жизни, безутешность материнского горя, бессмертие подвига, совершенного ради жизни на Земле (В.И. Плотников «*Ополченец*», И.П. Наседкин «*1943*», «*Шинель сына*», И.Х. Джанкишиев «*Трудные годы*», В.К. Баккуев «*Партизаны*», А.Т. Жиллов «*Гост ветерана*», «*Старый объездчик*», Н.И. Ефименко «*Фронтальной вальс*», «*На передовой*», А.Б. Колкутин «*Думы*», М. И. Кишев «*Вечное ожидание*», «*Вдова*», В.П. Кучеренко «*Память*» и др.)⁴.

Во многих произведениях, посвященных Великой Отечественной войне, художественное обобщение приобретает открыто публицистический характер. В 1945 г. М. Ваннах создает ряд графических работ, отличающихся документальным воспроизведением отдельных эпизодов Великой Отечественной войны. («После боя», «Через средневековый мост», «Прага освобождена» и др.). Позднее художник пишет полотна «Встреча советских войск в г. Лауне», «Чехословакия», «Прага освобождена», решенные в типичной для первого послевоенного десятилетия манере: живописец передает атмосферу праздника и духовного подъема.

Непосредственное восприятие событий Великой Отечественной войны легло в основу творчества и другого старейшего художника Кабардино-Балкарии Н.М. Третьякова (1923–1991). В полотнах «Дорогами войны», «Артиллеристы», «Атака отбита» и др. художник показал суровый пафос эпохи, а также раскрыл образ воина-патриота, его стойкость и мужество.

В годы войны целый ряд этюдов и картин, воссоздающих атмосферу военного Нальчика: «Городской пейзаж. Разрушенное здание Дома Советов», «Здания, разрушенные фашистами», «Нальчик, 1943», «В дни Великой Отечественной войны» пишет Н.Н. Гусаченко⁵ А.М. Сундуков чувства, рожденные событиями войны, выражал в многочисленных зарисовках, сделанных им в минуты отдыха после боя. И уже позднее, окончив Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Репина (батальная мастерская Е.Е. Моисеенко), художник выразил пережитое им во время Великой Отечественной войны в своих живописных полотнах («В окопах после боя», «Эпизод Великой Отечественной», «Мать солдатская» и мн. др.).

Отличительной чертой произведений А.М. Сундукова, посвященных Великой Отечественной войне, является стремление передать героизм в конкретных по изображаемому типуажу, зрительно убедительных образах. Герои его полотен – жизненны и эмоциональны, они – обыкновенные люди, выстоявшие и победившие смерть. Эта особенность решения темы является ценной в связи с тем, что в послевоенный период достаточно часто возникали произведения, изображающие либо аморфную народную массу, либо типичные, но лишенные индивидуальности характеры.

В творчестве А.М. Сундукова обозначилась важная тенденция 60–70-х гг., стремящаяся «противопоставить внешней патетике образ народного героизма, полный непосредственных переживаний и обусловленный внутренней конфликтностью ситуации»⁶. Так, над полотном «Мать солдатская» А. Сундуков работал 7 лет (1969–1976 гг.). На переднем плане картины изображены три бойца в момент короткой передышки перед очередным боем. Женщина с наброшенной на плечи темной шалью скорбно сложила руки, как бы оберегая отдых и жизнь воинов. В произведении образ скорбящей матери перерастает в образ Матери-Родины. Такая интерпретация сплавляет воедино гражданственность с эмоционально-психологической обрисовкой образов, что характерно как для коллизий современности, так и для традиций национального мировосприятия.

Существенное место в отображении темы Великой Отечественной войны занимает портретная живопись, посвященная как героям, отличившимся в боях, так и рядовым солдатам, ветеранам войны. В этом плане интересны такие работы, как «Портрет Мусова, кавалера Славы 3-х степеней» и «Моему брату Леониду, солдату 1941 года – посвящаю» художника Н. П. Татарченко, «Портрет Н. Канукова» и «Портрет А.Х. Канкошева», принадлежащие кисти Р.М. Хажуева, а также «Рядовой Носачев» работы В.Н. Трындыка и др.

Творчество художников старшего поколения на военную тематику, как правило, отражало отдельные события на фронте и в тылу, посвящалось советским воинам-освободителям, навсегда вошедшим в Книгу Боевой Славы. В последующем появляется более широкое понимание темы: в живописных полотнах провозглашается ценность жизни, безутешность материнского горя, бессмертие подвига, совершенного ради жизни на Земле (М. И. Кишев «Вечное ожидание», «Вдова», В.П. Кучеренко «Память», И. Наседкин «Думы» и др.).

В современных творческих исканиях акцент сместился в сторону осознания истории, осмысления причин трагедии в жизни целых народов в годы Великой Отечественной войны (депортация калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и др. народов). Трагическое в искусстве – не только отражение драматизма суровых испытаний, но и гимн бессмертию человека, героизму народа – труженика. Не случайно на одном из произведений И. Джанкишиева, посвященных возвращению балкарцев на родину, изображена женщина с ребенком на руках – вечный символ жизни.

Исследование исторического прошлого повышает философскую глубину образов, включает проблемный аспект, столь важный в искусстве. Характер живописных работ все чаще приобретает философское звучание. Образы, созданные в картинах «Мудрость» Х. Теппеева, «Дорога смерти» В. Баккуева, могут служить примером нравственного мужества старшего поколения, вынесшего суровые испытания войны.

В целом, тема Великой Отечественной войны в изобразительном искусстве Кабардино-Балкарии до сих пор продолжает занимать важное место. Монументы, посвященные данной тематике, стали неотъемлемой частью культурного ландшафта республики («Вечный огонь», «Памятник воинам 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, погибшим в годы Великой Отечественной войны», «Памятник воинам-нальчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны»,

«Скорбящий горец» и др.). Культурологическое изучение художественных текстов включает в себя и описание процессов создания тех или иных знаковых произведений в истории и культуре народа. К примеру, непростой была история создания монумента «Скорбящий горец», посвященного героям Великой Отечественной войны, опубликованная в газете «Кабардино-Балкарская правда» в 2011 г. Искусствовед Ж. Аппаева описала сложный процесс возведения монумента, который сопровождался не только художественными, но и идеологическими проблемами⁷.

Живописные полотна, несмотря на некоторую «музейность», также как и другие произведения искусства и литературы на тему Великой Отечественной войны, выполняют важную функцию формирования исторической и политической памяти, имеющей особенное значение для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем.

Как отмечает С.В. Иванов, «Великая Отечественная война и Победа закономерно оказали огромное влияние на советское общество и его изобразительное искусство. Они стали не событием, а целой эпохой в жизни страны, изменившей всех и все без исключения. И рубежом, разделившим нашу историю на «до» и «после». Они вызвали всплеск интереса к отечественной истории, культуре, искусству и сами стали школой формирования характера людей, и формировали его не на один день, а на всю жизнь»⁸.

В настоящее время в мировой науке выделились основные принципы, в соответствии с которыми осуществляются исследования в рамках «мемориальной парадигмы». К их числу относятся следующие положения: 1) понимание культурной памяти как процесса постоянного развертывания, трансформаций и видоизменений; 2) восприятие культурной памяти как явления, для которого характерна нелинейная, не всегда однозначно предсказуемая, динамика развития; 3) признание исторического, изменчивого характера принятых в той или иной культуре мнемонических практик, позволяющее говорить о наличии различных «культур воспоминания», характерных для того или иного сообщества; 4) учет неразрывной связи, которая существует между культурной памятью и коллективными (в том числе и национальными) идентичностями, признание основополагающей роли культурной памяти для формирования социальной солидарности и др.⁹

На протяжении длительного времени темы, навеянные Великой Отечественной войной, ее героическими образами и событиями служили материалом для творчества, формировали не только профессиональную художественную среду, но и гражданскую позицию деятелей литературы и искусства. С течением времени произведения на тему Великой Отечественной войны приобретают все большую ценность как памятники историческому подвигу советского народа. В настоящий период тема войны и подвига во имя мирной жизни последующих поколений по-прежнему не теряет своей актуальности, наполняясь новым содержанием, новыми подходами и идеями.

Примечания

1. *Лихачев Д.С.* Искусство памяти и память искусства URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/iskustv_pam.pdf (Дата обращения: 30.03.18).

2. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 115.

3. *Эткинд А.* Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 46.

4. *Базиева Г.Д.* Этнические традиции и современные инновации в художественных текстах. Нальчик, 2017. С. 57.

5. *Аппаева Ж.М.* Изобразительное и декоративно-прикладное искусство Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2006. С. 101.

6. Светлов И.Е. Традиции и новаторство в изобразительном искусстве социалистических стран. М., 1986. С. 70.

7. Аптаева Ж. М. У развилки дорог // КБП. 6 августа. 2011.

8. Иванов С.В. Великая Отечественная война и становление Ленинградской школы живописи // URL: [http: www.leningradartist.com/war-and-leningrad-school_r.html](http://www.leningradartist.com/war-and-leningrad-school_r.html) (Дата обращения: 15.04.17).

9. Васильев А.Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: Коллективная монография / Рос. ин-т культурологии; отв. ред. Н.А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2012. С. 40.

HISTORICAL MEMORY IN ART TEXTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Bazieva Gulfiya Džamalovna, Candidate of Philosophy, senior researcher of the Department of Ethnology of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), gbaz@mail.ru

The consciousness of society and the nation is impossible without knowledge of the past and images of the past living in historical memory. In art texts about the Great Patriotic War the subject of heroics of a military and labor feat which finds reflection in different types of literature and art is of particular importance. The art texts about the Great Patriotic War sated heroic images and events served and continue to serve as material for creative work, form historical memory, national (civil) identity. Eventually works on the Great Patriotic War get the increasing value as monuments to a historical feat of the Soviet people.. In this article developments of military and historical subject in the fine arts of Kabardino-Balkaria are considered, the main directions and characteristic features of disclosure of a subject in various genres of painting come to light. During the present period the subject of war and a feat for peaceful life of the subsequent generations still doesn't lose the relevance, being filled with new contents, new approaches and the ideas.

Keywords: art text, painting, subject of the Great Patriotic War, cultural memory, historical consciousness.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-87-91

К ПРОБЛЕМЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЧЕРКЕССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (на опыте творчества Адзинова М.А.)

Баков Хангери Ильясович, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», kbigi@mail.ru

Статья посвящена малоисследованной теме творчества представителей литератур народов Северного Кавказа, создающих свои произведения на русском языке. Данная проблема рассматривается в контексте мирового литературного процесса, в котором широко представлены писатели, творящие на родных языках, в том числе представители адыгского (черкесского) зарубежья. Впервые проведен анализ рассказов и романов современного черкесского писателя М.А. Адзинова, пишущего на русском языке. Определено его место в адыгском литературном процессе. Сделана попытка классификации иноязычных писателей по степени наличия в их произведениях элементов художественного менталитета родного для них народа. В статье выявлены также особенности национального своеобразия сюжета и композиции произведений М.А. Адзинова. Особое внимание уделено вопросам новаторства писателя, степени историзма в его прозе, оригинальности пролога к роману «Непокоренные». В работе значительное место занимает эстетический анализ романа «Непокоренные», чтобы выявить причины популярности данного произведения у читателя.

Ключевые слова: литературный процесс, сюжет, образ, персонаж, Российская империя, проза, новаторство, этикет, оппонент, историзм.

Проблема иноязычного творчества актуальна во все времена в мировом литературном процессе. Не исключение в этом отношении и адыгские (адыгейская, кабардинская, черкесская) литературы. Данная проблема особо обострилась в связи с глобализацией. В последние десятилетия в литературах народов России увеличивается число авторов, пишущих на русском языке. При этом сокращается число тех, кто создает произведения на других языках народов России, что вызывает тревогу у читателей на местах.

Если взглянуть на историю адыгских литератур, то она началась с творчества адыгских русскоязычных писателей-просветителей XIX века (С. Казы-Гирей, Хан-Гирей, С. Адыль-Гирей, А.-Д. Кешев и др.). Произведение С. Казы-Гирея «Долина Ажитугай» было напечатано А.С. Пушкиным в журнале «Современник» и получило высокую оценку В.Белинского. Они были выходцами из черкесов, живущих тогда на исторической родине и придерживавшихся прорусской ориентации.

В результате трагических событий Русско-Кавказской войны основная часть черкесов оказалась в Османской империи, а оттуда – в разных странах Ближнего Востока, Сирии, Иордании, Египте, Болгарии, Германии, США и др. В зарубежных адыгских (черкесских) диаспорах литература также создавалась на языках стран проживания – на турецком, арабском, немецком, английском и т.д. Адыги на исторической родине и в зарубежных диаспорах к тому времени не имели лучшей распространение письменности на родном языке, поэтому они были вынуждены создавать свои произведения на иных языках. При этом творения

представителей черкесской диаспоры в большинстве случаев «растворялись» в инокультурной среде. Потерявшие родину, дома, хозяйство, материальную культуру мухаджиры продолжали терять и духовную культуру. Лишь небольшая часть эмигрантов сумела сохранить художественный менталитет, который помог адыгам впоследствии включиться в мировой литературный процесс.

В лучшем положении оказались те черкесы, которым удалось остаться на исторической родине. Как и для всех малых народов Советского Союза для них были созданы условия, сыгравшие важную роль в том, чтобы приблизить их к плодам мировой цивилизации. Была проведена культурная революция, подобия которой не было ни в одной стране в то время. Народные массы овладели письменностью родного языка, появились газеты, библиотеки, школы и вузы, театры, издательства, просвещение, образование и наука. И все это было организовано и оплачивалось государством.

Общекультурный фон, созданный в стране, повлиял на появление профессиональной литературы на родных языках. Об ускоренном развитии национальных литератур в 30–60-е годы XX века свидетельствует факт появления таких ярких творческих индивидуальностей на Северном Кавказе, как Р. Гамзатов, Т. Керашев, Али Шогенцуков, К. Кулиев, А. Кешоков, которые вывели свои национальные литературы на Всесоюзную арену. Надо заметить, что в данный период редко кто создавал свои произведения на ином языке. Творения на национальных языках народов СССР становились достоянием читателей страны с помощью большого количества переводчиков на русский язык.

С развалом огромной страны резко изменилась не только экономика и политика, но и литературное строительство. Из единого многонационального процесса выпали литературы Закавказья, Прибалтики, Украины, Белоруссии. Ушли в прошлое декады литератур, распались связи Союзов писателей республик и областей, почти остановилась работа переводчиков. В постсоветский период заметно понизилась роль самой литературы в обществе, как и науки о литературе, не говоря уже о критике, которая стала «ахиллесовой пятой» литературоведения. Зато в данный период увеличилось количество представителей народов России, и конкретно Северного Кавказа, пишущих на русском языке, и соответственно уменьшается количество писателей, создающих национальную литературу на родном языке.

Для любой национальной литературы приоритетным считается литература, создаваемая на родном языке писателя, но в силу исторических обстоятельств (в адыгских зарубежных диаспорах, например) многие поэты и писатели вынуждены писать свои произведения на чужих языках. Есть и такие авторы, пользующиеся другим языком, чтобы выйти к читателям больших народов (на английском, французском, испанском, являющиеся мировыми языками). Большое место в литературном процессе занимает также двуязычие. Вопросы, связанные с языком, «первоэлементом» являются сложными и не однозначными, особенно для адыгов, разбросанных по многим странам и живущих в инокультурном окружении.

На мой взгляд, иноязычное творчество условно можно разделить на отдельные группы: писателей, чьи произведения в той или иной мере несут отпечатки менталитета собственного народа, тематика которых отражает его жизнь, проблемы и т.д., необходимо относить к национальной литературе, несмотря на то, что эти произведения написаны не на родном языке. При отсутствии таких элементов, другие произведения и их авторов можно считать принадлежностью того народа и той литературы, на каком языке они созданы. Представители и тех и других иноязычных писателей выступают в адыгском современном литературном процессе.

Русскоязычного писателя Мухамеда Алимовича Адзинова (не путать с другим писателем Адзиновым Мухамедом Исуфовичем (1947–2009)), о творчестве которого пойдет далее речь, вполне можно отнести к черкесской национальной литературе. Он родился в 1950 году в ауле Алибердуковский Хабезского района

Карачаево-Черкесской Республики. Среднее образование получил в Алибердуковской школе, а затем в г.Черкесске в областной национальной школе-интернате, открытой в послевоенные годы для детей погибших на фронте. Окончил Московский кооперативный институт по специальности «экономист». Служил в Армии. После института был направлен для работы в Псковскую область, где проработал по специальности около двадцати лет.

В детстве семья будущего писателя жила в русской станице, а потом вернулась в аул Алибердуковский, где в третьем классе Мухамед сидел за одной партой с будущим поэтом и журналистом Муаедом Пхешховым. На одном из уроков он увидел, что Муаед тайно что-то пишет. Оказалось, что тот пытается перевести на черкесский язык главу из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина. Адзинов М. тоже попытался перевести другую часть, но по его признанию, ничего из этого не вышло, поэтому «решил больше не писать»¹.

Многие годы М. Адзинов не думал, что станет писателем. Он дружил и общался с М. Пхешховым, а во время учебы в Москве – с земляками Мухамедом Нахушевым, Ахмедом Заубидовым, учившимся тогда в Литературном институте им. А.М. Горького, постоянно читал книги поэтов и писателей, любил художественную литературу.

Много лет спустя, вернувшись из Пскова в свой аул Алибердуковский, он внезапно приобщился к литературному творчеству. Во время одной из рыбалок в Хацаутском ущелье М. Адзинов увидел огромное дерево, которое охватило камень своими корнями. Оно росло не в почве, а на камне. Эта картина так удивила его, что он, возвратившись домой, решил описать это явление на бумаге. Одна ассоциация рождала другую, с каждым разом текст увеличивался, появлялись мысли о трудной судьбе черкесского народа, во многом лишенного родной почвы. Текст достиг масштабов романа.

Рукопись произведения М. Адзинов решил показать ученому и писателю Х. Хапсирокову, журналисту М. Шакову, русскоязычному черкесскому писателю и драматургу Ю. Шидову. Все они дали полезные советы. Учитывая их, М. Адзинов несколько раз переделывал рукопись произведения. Ю. Шидов одобрил труд, заметил талант начинающего немолодого писателя и посоветовал: «Положи рукопись на время, а сам пока пиши рассказы. Потом заново прочти роман и сам поймешь, как его улучшить»². Так неожиданно началось творчество М.А. Адзинова, и первый роман «На берегах моей печали» получил признание критики и читателей. За ним последовали рассказы и второй роман «Непокоренные».

В чем причина успеха автора, начавшего свое творчество с крупного и сложного жанра прозы. Во-первых, М. Адзинов уже имел большой жизненный опыт. Во-вторых, М. Адзинов к этому времени обладал глубокими знаниями по истории, общественным наукам, постоянно следил за литературным процессом, общался с поэтами, писателями, любил художественную литературу со школьной скамьи. У него была склонность к литературному творчеству, но скромность и недооценка своей личности сдерживала его до поры и времени.

Сюжеты романов «На берегах моей печали» и «Непокоренные» основаны на исторических событиях, происходивших в далеком прошлом на Кавказе. (Сюжет первого отражает XVI век, а второго – период Русско-Кавказской войны).

Роман «На берегах моей печали» отображает время, когда Крымско-Татарское ханство и представители Османской Империи, поддерживавшие крымских татар, совершали постоянные набеги на земли черкесов, грабили население, уводили в рабство мальчиков, девочек, истребляли сопротивлявшихся. (При подготовке романа автор изучил исторические документы и насчитал 64 набега только за XVI век). Через роман проходят образы: Машуко (Опорный персонаж), Каншао, Худ, Жангур и другие активные участники борьбы с крымскими татарами. Автор включил в сюжет и представителей казачества, которые помогали адыгам во время путешествия их делегации к Ивану Грозному, когда сама Москва находилась под натиском татар.

Не удаляясь от исторических фактов, но насыщая текст художественными решениями, писатель интересно отобразил встречу адыгской депутации с Иваном Грозным, которую по версии автора подготовил и организовал Михаил Черкасский. Образ М. Черкасского – без сомнения удача писателя. В нем психологически достоверно автор передает сложные чувства человека, оторванного давно от родины, родного языка, находящегося в обстановке подспудных противостояний в окружении царя. Встреча с Каншао, приехавшего от брата Думанука Темрюковича всколыхнули эти чувства и желание активно служить России и Кабарде в борьбе с Крымским ханством и Турцией, нападавших на земли адыгов.

Царь при встрече спросил Каншао о том, как живет его шурин Думануко Темрюкович, как его братья Мамстрюк и Булгайрук. (Последние оказались в плену у турков). Царю понравилось то, что Каншао проявил мужество в схватке с группой татар на подступах к Москве. Он выразил желание оставить его у себя, но Каншао вежливо сообщил, что он должен выполнить поручения Думанука и на месте доложить обо всем. Такой ответ был подготовлен по совету Михаила Черкасского заранее. Царь ничего не возразил против возвращения Каншао на родину, и вопрос о его службе в Кремле остался открытым.

М. Адзинов в конце романа обогатил сюжет событиями, подтверждающими пользу от сближения адыгов с Россией. Каншао с помощью оригинального плана сумел вызволить из турецкого плена Мамстрюка и Булгайрука, судьба которых так беспокоила Ивана Грозного. Об этом царь говорил при встрече с Машуко.

В романе присутствуют как реально действовавшие тогда исторические лица: адыги, русские, турки, крымские татары, так и вымышленные автором персонажи. При этом все они воспринимаются читателем как живые лица со своими характерами, что отметил в предисловии к роману черкесский писатель и драматург, который говорит: «По своему жанру это произведение историческое. И даже при том, что почти все герои романа – плод художественного вымысла, в них веришь как в реально существовавших некогда людей. Они живы по-настоящему, осязательны и зримы. Действия, происходящие на страницах, убедительны, они умело вписаны в канву исторической правды. Роман подкупает своей реалистичностью. Добиться такого без настоящего писательского таланта невозможно³. Против этого трудно возразить.

Талант писателя М. Адзинова еще более зримо проявился во втором романе «Непокоренные», вышедшем в Нальчике в 2014 г. В нем сюжет основан на событиях, происходивших в истории адыгов в другую эпоху, когда геополитические амбиции Российской Империи принесли неисчислимые бедствия и страдания народу, ранее бывшему союзником России. Эпоха колонизации Черкесии Россией растянулась на столетие. Правда об этой войне всячески скрывалась царизмом, а в советское время апологетами большевизма факты умалчивались до последних десятилетий, они содержались в архивах, доступ к которым был крайне ограничен. Российско-Кавказская война стала предметом адыгской художественной литературы в основном в постсоветский период после демократизации нашего общества. Эта тематика эпизодически становится предметом внимания поэтов, а в крупной прозе мало произведений, которые отражала бы полную картину данной трагедии черкесов, которые в результате Русско-Кавказской войны оказались одним из самых разделенных народов, проживающих в десятках стран разных континентов.

Роман «Непокоренные» М. Адзинова начинается с пролога, в котором автор раскрывает характер и жизнь русского самодержца Александра I-го, используя интересный и оригинальный психологический прием, когда сознание человека раздваивается. Александр Первый, гроза Наполеона, бывший кумир женщин, звезда балов, обладавший прекрасным видом и здоровьем, теперь стар, сгорблен, надломлен. Он молится в присутствии монаха. Особое внимание автор уделяет портрету царя, подводящему итоги своего правления Империей, в «потоке его

сознания» он отмечает свои заслуги и неудачи. Психологическое состояние как бы «сгущается», его мучения и переживания обостряются во время сна самодержца. Во сне он слышит чей-то голос, но не видит никого в комнате кроме тени. Этот голос становится собеседником, задающим острые и нелицеприятные вопросы, дающим, в свою очередь, пояснения к ответам царя, осуждающим его за грехи и ошибки. На вопрос: кто тот, кто ведет допрос, почему его не видно, тот утверждает, что он «охраняет не тело, а душу, пусть царь считает его совестью Александра или его двойником». Сознание самодержца как бы постоянно «борется» с его подсознанием.

Царю показалось, что он слышит собственный голос, но собеседник напоминает, как они спорили по разным поступкам. Царь не послушал его, когда изменял жене, когда он не защитил отца, зная, что будет на него покушение, когда возомнил себя выше всех кроме бога. Собеседник напомнил, что царь хотел вначале дать свободу народу, но не довел дело до конца. Вспомнил и бесконечные войны, и жестокость его генералов, в том числе Суворова беспощадно истребившего ногайцев. Двойник посчитал справедливой из всех войн, которые велись царем лишь войну с Наполеоном, которую правильно назвали Отечественной. Напомнил и злодеяния Булгакова. Царь здесь возразил: «Он был наказан за излишнюю жестокость и предан суду!» Голос ответил, что царь сначала вместо ордена Александра Невского наградил Булгакова орденом Святой Анны, а суду предал только после доклада генерала Торماسова.

Еще больше оппонент остановился на злодеяниях любимца царя Ермолова, целеустремленно истреблявшего мирное население и сжигавшего аулы, и никто не поверит, что это делалось без указаний царя. Самодержец оправдывал свои действия, интересами империи, надеясь, что потомки не осудят его за ошибки.

Голос сказал, что на имя правящего дома не ляжет ни одно пятно, ибо историю пишут победители, и пострадавшие всегда будут виноваты, все преступления забудутся, но есть высший суд: «Эхо этой войны будет раздаваться в горах и через столетия... и каждый будет проклинать тебя»⁴.

После этого «диалога» со своей совестью, измучившего царя, он просыпается разбитым, ослабевшим морально и физически. Мысленно он продолжал спор, но теперь... он выступал «в роли ответчика и обличителя». «Война – это суть существования любой империи. Непомерная гордыня и сознание своей избранности и превосходства над другими толкает императоров на новые завоевания. Война обогащает государство, но она же и приводит его к краху»⁵. Александр вдруг осознает, что он и его предшественники никогда не думали о человеке и его душе, его охватил страх, но ничего уже невозможно изменить. Страх перед творцом. Ему остается только молиться. Так он слег и больше не вставал.

Все проблемы и вопросы, поднятые в таком продуманном глубоко автором прологе, нашли свое воплощение в романе. Такой сюжет и композиция стали новаторскими в нашей прозе. Хотя роман написан русским (добротным) языком, он отражает адыгский художественный менталитет, поэтому творчество М. Адзинова занимает достойное место в национальной прозе адыгов. Рассказы и романы писателя востребованы современным читателем, что особо важно в наше время, когда существенно падает интерес к литературе.

Примечания

1. Адзинов М.А. Если утром светит солнце. (Пщэдджыжьым сыкъэтэджрэ дыгъэр къепсы слъагъумэ) // ж. «Іуашхъэмахуэ». Нальчик, 2012. № 1. С. 5.

2. Там же. С. 5.

3. Шидов Ю. Взмах крыла // М.А. Адзинов. На берегах моей печали. Нальчик, 2010. С. 6.

4. Адзинов М.А. Непокоренные. Роман. Нальчик, 2014. С. 19.
5. Там же. С. 20.

**TO THE PROBLEM
OF RUSSIAN-CHARLED CHIRKES 'LITERATURE
AT THE PRESENT STAGE
(on the experience of the creativity of Adzinov M.A)**

Bakov Hangeri Ilyasovich, Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

The article is devoted to the little-researched theme of creativity of representatives of the literatures of the peoples of the North Caucasus, who create their works in Russian. This problem is considered in the world literary process, which is widely represented writers who create in the national languages, including representatives of Circassian foreign countries. The analysis of the stories and novels of the contemporary Circassian writer M.A. Adzinov, who writes in Russian. Its place in the Adyghe literary process is defined.

An attempt has been made to classify foreign writers in terms of the availability of elements of the artistic mentality of their native people in their works. The article also reveals the peculiarities of the national originality of the plot and the composition of the works of MA. Adzinova. Particular attention is paid to the issues of the writer's innovation, the degree of historicism in his prose, the originality of the prologue to the novel "The Unconquered." In the work a significant place is occupied by the aesthetic analysis of the novel "The Unconquered" in order to reveal the reasons for the popularity of this work in the reader.

Keywords: Literary process, plot, image, character, Russian empire, prose, innovation, etiquette, opponent, historicism.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-92-97

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В МАЛОЙ ПРОЗЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИХ АВТОРОВ: ПРОБЛЕМАТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Бегуганова Елена Нартшаовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», alena.betuganova@yandex.ru

В статье представлена концепция военной тематики в литературе, во многом связанная с процессами переустройства общества и формирования новой идеологии, новых духовных ориентиров, и воплощение данной темы в произведении малых жанров кабардино-черкесской прозы на современном этапе. Своеобразие идейно-художественного содержания рассказов о Великой Отечественной войне обусловлено не столько показом военных событий и боевых подвигов, сколько духовными исканиями и философскими раздумьями. Определяющей чертой является углубление психологизма через отход от непосредственного изображения событий к исследованию внутреннего мира человека, столкнувшегося с войной. В рассказах современных прозаиков наблюдается стремление к поиску новых художественных решений, позволяющих воссоздать многогранный характер человека. В статье исследуются вопросы генезиса и эволюции жанра рассказа о Великой Отечественной войне, определяется идейно-тематическое и художественное своеобразие малой прозы о Великой Отечественной войне, созданных в постсоветский период, устанавливаются их художественно-стилевые особенности, выявляются эволюционные изменения, произошедшие в идейно-тематическом отношении, рассматривается преемственная связь между представителями разных писательских поколений.

Ключевые слова: рассказ, новелла, постсоветский период, Великая Отечественная война, история, символика, образ, Б. Журтов, Б. Гаунов.

Кардинальные изменения, произошедшие на рубеже XX–XXI веков в разных сферах общественно-политической, экономической, социокультурной жизни российского общества, ознаменовали новый этап исторического бытия. В связи с заменой общественной формации и идеологической парадигмы, сопровождающейся переоценкой ценностей, большой интерес представляет в литературе трактовка темы Великой Отечественной войны, так как она, являясь отражением закономерностей литературного процесса данного периода, созвучна сложным социально-философским, нравственным исканиям современной эпохи.

Известный литературовед А.Г. Бочаров отмечает: «Фиксируя поступательное движение прозы, мы не мыслим его как беспрестанный подъем вверх, при котором любое произведение, написанное позже, уже в силу преимуществ исторической перспективы превосходит ранее написанное»¹. Развитие литературы – это художественное освоение новых форм жизни, овладение новыми приемами изображения, преодоление противоречий, возникающих в процессе исторического движения общественной мысли.

В связи с углублением проблем войны писатели пытаются по-новому взглянуть на то, что ранее находилось вне художественного изображения. В отличие от писателей старшего поколения представители нового поколения редко касаются изображения подвига, больше углубляясь в художественный анализ последствий.

В рассказах «Уэшх нэужьым» – «После дождя» Б. Журтова, «Пошттым» – «На почте», «Чышбалъкъ акъужь» – «Ветреная Кичмалка», «ЖэназыщIым» – «Молитва по умершим» Б. Гаунова авторы задаются вопросом, какова была судьба сирот и каково было отношение властей к этим жертвам войны, ведь после Великой Отечественной войны в стране было около 680 тысяч сирот. «Теперь, когда тысячи советских детей лишились родных и остались без крова, – писала газета «Правда», – их нужды должны быть приравнены к нуждам Фронта»². В рассказе «ЖэназыщIым» сторож Токан, поймав двух братьев-сирот, ворующих колхозное сено, корм для коровы, что было единственным спасением от голода в послевоенное время, отбирает его у детей. Из уст детей звучит главная мысль рассказа: *«Зыми гу къытлмытэну, зыри къыддэмылэпыкъуну ара? Папэ нэмыцэхэм зэрэ-зэуар арауэ нIэрэ мы нобэ ди мэкъу тIэкIур къыдэзымыгъэиэжхэм я гум темыхуэр... Си папэ дыщэ, пцIэрэ зы цIыхум дыкъызэрыфIэмылуэхур, зыми ди хъэтыр къамылгагъуу унэ дийжам, гъэши, нэгъуэцIи ихыныгъуи зыцIэмыль унэжьым дызэрыцIэсыр?»*³. – «Неужели никто на нас не обратит внимание, никто нам не поможет? Наверное, нам не разрешили привезти сено домой, потому что папа воевал с немцами. Дорогой папа, знаешь ли ты, что наша судьба никому не интересна, в ледяном доме мы сидим, и нам нечего есть». То есть сироты, жертвы войны, оставались предоставленными сами себе и вели неравную борьбу с послевоенной действительностью. Б. Журтов развивает мысли Б. Гаунова: в рассказе «Уэшх нэужьым» – «После дождя» троим братьям, оставшимся один на один со своей бедой, оказал помощь сосед, который оказался честным человеком и вернул детям корову, которую одолжил в мирное время у их погибшего отца.

Современный этап изучения кабардино-черкесской литературы характеризуется усилением внимания к специфике отражения внутреннего мира человека, способности писателей описывать различные психологические состояния и процессы с помощью художественных средств. Пейзаж, включенный в состав психологического параллелизма, традиционно связываемого с фольклором, позволил автору передать душевное состояние братьев. Дождь в рассказе Б. Журтова выступает в качестве фона для обрисовки душевного состояния мальчиков – сирот, оставшихся один на один со своей бедой. «Национальные авторы часто обращаются к образу дождя как функциональному воплощению обновления, возрождения, очищения, причем в подавляющем большинстве текстов он строго позитивен – и в тех случаях, когда это обусловлено целевой установкой автора, и тогда, когда позитивный «заряд» дождя задан его традиционными смыслами»⁴. Однако в рассказе Б. Журтова такое сопровождение говорит о соотнесенности внутренней тревоги мальчиков и пейзажа, которые, дополняя друг друга, усиливают драматический смысл изображаемого.

Таким образом, анализ кабардино-черкесского рассказа о войне показывает, что ведутся серьезные поиски новых перспективных решений проблемы взаимосвязи характера и среды. Развитие характера происходит через ее взаимодействие с условиями, диктуемыми жизнью в военное время.

Весь тысячелетний опыт говорил о том, что человек выходил из трагических коллизий истории более сильным, чем был прежде, что военные обстоятельства способствовали возмужанию героя, проявлению положительных качеств человека. Лихие годы смут, внутренних раздоров, кровопролитных войн не в состоянии были сломить дух народа. У современного рассказа были свои открытия, свои творческие удачи и достижения. Литература стремится рассмотреть человека в контексте времени, сформировавшего его таким, какой он есть, показать, как не контролируемые жестокими обстоятельствами характеры людей часто проявляют неблагоприятные стороны своего характера. В рассказе Б. Гаунова «Пошттым» – «На почте» вся ответственность легла на плечи вдовы, которой неоткуда было ждать помощи – вся семья надеялась на ее скромный доход. А потому

получать пенсию отца она отправляет сына. Почтальон обманным путем, якобы он отдал положенную пенсию ребенку, который так и не смог дойти до почты, испугавшись гусей, присваивает деньги себе. Автор показал, как голод, охвативший всю страну, в первые годы после войны, способствовал тому, что обезумевшие люди ради собственного спасения и своих близких шли на воровство. Как мы видим, изображение становления характера под влиянием внешней среды в кабардино-черкесском рассказе в постсоветский период лишено односторонности и простоты, представляет сложную диалектическую систему, находящуюся в постоянном движении.

Со временем конфликт как основа претерпевает изменения, переходя в сферу человеческой души. Определяющей чертой рассказов становится углубление психологизма через отход от непосредственного изображения событий и боевых подвигов к исследованию внутреннего мира человека, столкнувшегося с войной. Все возрастающее внимание к внутреннему миру человека повлекло за собой многообразие жанрово-стилевых решений. Результатом смыслового насыщения и углубления исследования внутреннего мира человека становится то, что в кабардино-черкесской литературе постсоветского периода формируется военный психологический рассказ с особым художественным качеством, называемым психологизмом. Эпистолярная форма, которую использует в рассказе Б. Гаунов открывает широкие возможности для выражения внутреннего мира героя, потерявшего на войне отца. В рассказе «Уэ къэкІуэж закъуэ, папэ» – «Ты только вернись, папа», где речь ведется от лица главного героя, в центре внимания – самые тайные уголки внутреннего «я» ребенка, переданные в форме письма, обращенного к погибшему отцу: «*КъэкІуэж, кхъыІэ папэ. И, папэ, хъун? КъэкІуэж закъуэ! Нэзытхыр Анзорц. ФІыкІэ, папэ!*» – Вернись, пожалуйста, папа. Хорошо, папа? Ты только вернись, папа! Пишет тебе Анзор. До скорого, папа! Пишет тебе Анзор!»⁵. Письмо фиксирует процесс внутренних перемен, драматическую ломку, дает возможность проникнуть в глубинные слои детской души. Важную роль в психологизации повествования играет динамично меняющийся тон повествования, определенные психологические функции выполняет описание. В начале рассказа наивный, непосредственный мальчик, по имени Анзор, не желая мириться с мыслью, что его отец погиб, продолжает писать ему трогательные письма, тем самым, не желая, воспринять, впустить мысль о смерти отца. Но после того, как почтальон в очередной раз не принес долгожданные письма, оптимизм и жизнерадостность детской природы уступают расчеловечивающим обстоятельствам военной действительности.

Рубеж веков – эпоха поисков самовыражения. 90-е годы ознаменованы стремлением к обновлению прозы. Цветообраз становится выразителем субъективного творческого начала, стиливой индивидуальности автора. Цвет крови, которым рисовал мальчик, позволил А. Камергоеву воплотить невыразимое, глубоко личное, диалектику души. «Семантика данной колоративной «фигуры» сформировалась за сотни лет развития русского фольклора, даже языка (понятия «красный» и «красивый» в русском языке генетически родственны, следовательно, красный цвет несет положительную окраску изначально в силу своего родства с безусловно позитивным определением «красивый». В рассказах о войне «наблюдаются трансформации с цветообозначением «красный»⁶. Образ крови в рассказе приобретает зловещий оттенок. Мастерски выполненный кровью рисунок обозначает смерть, раны, много тяжелого и невозвратимого. Символический образ крови призван обратить внимание на смысловые глубины рассказа, вовлечь его в процесс сотворчества.

Центральным персонажем многих лирических рассказов стал образ женщин, олицетворяющий трагическую сущность войны. Авторы нового поколения осмысливают роль военного прошлого в жизни матерей. Обобщенный образ

скорбящей матери воплощен в рассказе Б. Журтова «Мэрэмэжьей» – «Орешник». Старческую жизнь одинокой матери скрашивает только одно – сохранить память о своем погибшем муже и сыновьях. Все просьбы колхоза отдать им пустующий земельный участок, старушка отвергает не раздумывая. Твердое и непоколебимое желание бабушки отстоять участки земли – это желание сохранить жизнь и увидеть в своем дворе долгожданных внуков.

Обращение к теме Великой Отечественной войны спустя годы, философское осмысление ее последствий обусловили особенности стилевой организации военной прозы писателей. Произведение полно символики: орешник, под которым любили сидеть сыновья, земельный участок, который она свято бережет. Участок земли не только выражают отсутствие сына, но также становится следом, сообщением – он молчит, но хранит в себе ответы, необходимые матери. Не имея возможность защищать жизнь, не принимая войну и ее страшных законов, мать постаралась защититься от нее сама, убить ее в себе, и, вопреки времени, сохранить в своей памяти живыми мужа и сыновей. Особое место автор отводит роли пейзажа, в частности орешнику. На первый взгляд, незримый образ – орешник – воспринимается как непосредственное описание природы. Важно, однако, подчеркнуть глубину философско-поэтической концепции, когда за непосредственно изображаемым предметом встает нечто большее. В основу рассказа легло национальное мировоззрение, его генетическая связь с языческими источниками, способность одухотворять и очеловечивать природу. «В адыгских мифопоэтических воззрениях дерево изоморфно человеческому существу. Деревья, принадлежащие к различным породам, обладают (орех, груша) человеческими и сверхчеловеческими качествами, наделены волей и сознанием и служат воплощением основных дихотомических понятий: «добро» – «зло», «мужской» – «женский». Мифологизация растительного мира находит отражение в сакрализации отдельных пород деревьев: одним из них приписываются «благодетельные функции» – «угъурлы», другим «злокозненные», «неблагоприятные» – «угъурсыз». Сакрально значимый символизм отдельных пород деревьев приобретает негативный, даже зловещий характер, угрожая его микрокосмосу. Особенно выразителен в этом плане запрет сажать вблизи дома ореховое дерево, потому что его корни могут проникнуть под основание дома и погубить главу семьи»⁷. Орешник, который проник своими корнями в основание дома и погубил главу семейства – в контексте рассказа символизируют войну, оборвавшую целый человеческий род.

Однако, «у адыгов бытует обычай сажать на могилах деревья, чаще всего орех. Это, вероятно, связано с душевной и телесной жизнью человека: оно соединяется до такой степени, что прах человека не пропадает, а, напротив, переходит непосредственно в живущее дерево»⁸. Проявление эстетического сознания кабардино-черкесских писателей в рассказе происходит в неразрывном единстве исторического и духовного развития нации. Поэтому особый философский смысл приобретают мифы, легенды, а также образный арсенал кабардино-черкесской культуры (архетипы, символы). В этом находит выражение философская сентенция автора о том, что жизнь имеет свое продолжение, следствие, растягивается во времени, имеет длительность. Небытие оживает в природе, чтобы стать мыслью о будущем, ради которого отдана жизнь.

Понятие и сущность лирической прозы о войне приобрели новую форму и новое содержание, возникли новые пути ее проявления. Кабардино-черкесские авторы своеобразно используют и обновляют в малых жанрах, в частности новелле, богатство стилистических приемов лирической прозы. В новелле «Хъэд-жэт и къэфэ» – «Танец Хаджат» М. Хаупшев по-своему воплощает возможности лирического стиля. Одна из важных тем военного рассказа – судьба вдов, этих незримых жертв войны: не погибших, не раненых, не пропавших, и все-таки

глубоко несчастных. Хаджат, проводив мужа на войну, дала себе слово, что сыграет на гармошке лишь тогда, когда вернется муж, но увы, ее мечтам не суждено было сбыться. Получив похоронку, Хаджат, вопреки обещанию, все-таки взяла в руки гармонь и пронзительно на ней сыграла. После того, как игра закончилась, молодая вдова неожиданно скончалась. Используя звук гармошки, автор обогатил представление литературы об эмоциональной сфере человека. Особенность лиризма новеллы М. Хаупшева в ее музыкальности. Мелодия дает эмоциональный ключ к рассказу, выступает не просто фоном, не просто аккомпанирует душевному состоянию, а создает его, выступает импульсом к разворачиванию лирической эмоции (Недаром слово «лирика» произошло от названия музыкального инструмента и переводится с греческого «*lykos*» как музыкальный, напевный). М. Кештов говорит о непосильности, невыносимости войны прежде всего для женщин, он подчеркивает мысль о несовместимости войны и женской нежности: сердце женщины остановилось, не выдержав нравственных перегрузок. Потерявшая на войне любимого человека, вдова глубоко и проникновенно реагирует на полученную похоронку. Используя подобный художественный прием, М. Кештов подчеркивает, как военное время сказалось на женщине, правдиво отражает внутренние переживания вдовы в послевоенную пору.

Налицо в рассказе влияние западноевропейской новеллы, которая определяется как произведение малой эпической формы с острым центростремительным сюжетом, композиционной стройностью и строгостью. На кабардино-черкесской основе получил развитие особый, лирико-психологический вариант новеллы. Но общим осталось напряжение действия и «*poïnte*» – напряженная, значимая концовка.

Углублению эмоциональной наполненности, психологической обрисовки содействовало обращение кабардино-черкесских прозаиков к фольклорно-песенной поэтике. «Жанр народной песни о войне явился для многих писателей стилистической базой, позволившей экспрессивно передать трагизм времени и эмоциональное состояние людей»⁹. Так, лиричность, идущая из песен, в новелле А. Камергоева «ЦыхуфI и вагъуэ» – «Звезда хорошего человека» стала средством раскрытия внутренних переживаний женщин, потерявших сыновей, мужей, любимых людей: певучим соединением слов автор старается передать настроения, невыразимые в словах: несложившееся семейное счастье, нерастратченную женскую нежность, разбитые надежды женщины:

*СыкъыцIокIри мазэм сопгърэ,
СыцIохъэжери согъуэльгыжрэ –
Сыфызабэу сыкъэна мыгъуэц-уей!*¹⁰

Выхожу и смотрю на месяц,
Захожу и ложусь –
Вдовой осталась!

Неоценимы возможности народной песни в передаче национально-этнографического колорита, атмосферы духа определенной эпохи.

В военных рассказах Б. Журтова «Адэжь лъапсэжь» – «Отчий дом», «Шыуанышхуэ» – «Котел» расширяется мотив памяти. В них память не подвластна времени, она преодолевает смерть, и даже время. Малые жанры характеризуются особым построением сюжета и композиции. Этим можно объяснить широкое использование авторами символических деталей, образов и картин, пейзажных зарисовок. Котелок, выделенный в произведении Б. Журтова крупным планом, несет повышенную смысловую, идейную нагрузку, перерастая в *символ*. Молодой парень Насредин еще войны купил, котелок, готовясь к своей будущей свадьбе, до которой он так и не дождался. Долгие годы родственники, близкие, соседи бережно хранят котелок. В этом котелке память народа о молодом парне Насрадине, чью

жизнь унесла война. Обращает автор свое внимание и на другую проблему: «*Нэцрэдиныр мис а Есэнкгул Елдар и къуэц. А зы унагъуэ закъуэриц ди жылэ кГыхьым Есэнкгулу дэсари... А Нэцрэдиным фГэки быни ягъуэтакъым*»¹¹. – «Насрадин Есенкулова Эльдара сын. Это были единственные Есенкуловы во всем нашем большом селе. А Насрадин был их единственный сын». В годы войны были разрушены, порваны нити, соединявшие семьи, роды, было истреблено целое поколение людей, родившихся в 1919–1924 гг. Война убила не только веками сложенный генофонд, оборвала родовую цепочку поколений, жизнь целого рода. Автор подчеркнул, что война не только убила конкретно Насрадина, а оборвала целый род Есенкуловых. Это рассказ не о трагедии одной семьи. Это образ народа, потерявшего своих сыновей, это образ жизни, у которой обрублены корни.

Эта тема нашла свое развитие в другом рассказе Б. Журтова. Жизнь главного героя в рассказе «Адэ лъапсэжь» – «Отчий дом» получила свое продолжение в единственном сыне. После того, как жена получила похоронку о смерти мужа, она решила вернуться к родителям. Однако сын так и остался непоколебим в своем решении остаться жить в отчем доме. Пусть не с матерью, а соседним стариком, но зато среди своего рода. Сколько бы раз мать не забирала бы его к себе, мальчик снова и снова украдкой возвращался в отчий дом. Л.Н. Толстой утверждал, что «люди как реки»: каждый имеет свой исток, свое русло. Автор утверждает идею непрерывно обновляющейся жизни, на смену погибшему солдату, пришло новое поколение, ради счастья которого солдат отдал свою жизнь. Жертва, принесенная им, была не напрасна, в этом автор видит бессмертие солдата.

Таким образом, творчество писателей постсоветского периода – новый этап изображения в литературе. Время, в которое писали прозаики, обеспечило свободу творческого проявления, что позволило авторам обратиться к новым проблемам, ранее не изученным. Все это позволило сделать военную прозу интереснее, глубже, богаче.

Примечания

1. Чекашкина Н.И. Художественное осмысление Великой Отечественной войны в современной мордовской прозе. URL:https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002741271.pdf (Дата обращения: 15.03.2018).
2. История сиротства в России. URL:http://www.svdeti.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1567:sirostvo&Itemid=96 (Дата обращения: 15.03.2017).
3. Гъэунэ Б. Нэхулэ. Рассказхэр. Очеркхэр. Налшык: Эльбрус, 1996. 192 с.
4. Узденова Ф.Т. Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст. Нальчик: Принт центр, 2016. 212 с.
5. Гъэунэ Б. Нэхулэ. Рассказхэр. Очеркхэр. Налшык: Эльбрус, 1996. 192 с.
6. Узденова Ф.Т. Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст. Нальчик: Принт центр, 2016. 212 с.
7. Кудаева З.Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры. URL: <http://www.dslib.net/folklor/mifo-jepicheskaja-model-adygskoj-slovesnoj-kultury.html> (Дата обращения: 30.03.2018).
8. Кук А.С. Священное дерево в мифопоэтических воззрениях адыгов. URL: <http://docplayer.ru/31340849-Svyashchennoe-derevo-v-mifopoeticheskikh-vozzreniyah-adygov-recenzirovana.html> (Дата обращения: 30.03.2018).
9. Узденова Ф.Т. семиотический контекст и национальная идентичность // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 3 (65). С. 294–300.
10. КГэмыргугей Т. Сэщхьыркъэпс. Новеллэхэр. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2007. 96 с.
11. Журт Б. Тхыгъэхэр. Рассказхэр. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 1997. 440 с.

**EVOLUTION OF THE STORY GENRE
IN KABARDINO-CIRCASSIAN LITERATURE OF POST-SOVIET TIME:
DEVELOPMENT TRENDS**

Betuganova Elena Nartshaovna, Candidate of Philology, Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alena.betuganova@yandex.ru

The article presents the concept of military subjects in literature, largely associated with the processes of restructuring society and the formation of a new ideology, new spiritual landmarks, and the embodiment of this topic in the works of small genres of Kabardino-Cherkess prose at the present stage. The peculiarity of the ideological and artistic content of the stories about the great Patriotic war is caused not so much by the indication of military events and military exploits, but by spiritual searches and philosophical thoughts. The defining feature is the deepening of psychology through the departure from the direct image of events to the study of the inner world of man, faced with the war. In the stories of modern prose writers there is a desire to find new artistic solutions that allow to recreate the multifaceted nature of man. The article examines the Genesis and evolution of the genre of the story of the great Patriotic war, defines the ideological-thematic and artistic originality of the small prose of the great Patriotic war, created in the post-Soviet period, establishes their artistic and stylistic features, identifies the evolutionary changes that occurred in the ideological and thematic relation, considers the continuity between the representatives of different generations of writers.

Keywords: story, post-Soviet time, history, symbolism, image.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-98-104

ОБРАЗ РОДИНЫ В ВОЕННОЙ ЛИРИКЕ К. КУЛИЕВА

Керимова Раузат Абдуллаховна, к. ф. н., НС сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (ИГИ КБНЦ РАН), K.roza07@mail.ru

В статье рассматривается эволюция образа Родины в военной лирике К. Кулиева. При этом дефиниция данного топоса включает в себя понятие «малой родины», которое занимает важное место в системе нравственных координат К. Кулиева.

В работе использовался историко-диахронический анализ стихотворных текстов, объединенных тематическим планом. В ходе исследования разграничены и обозначены основные компоненты авторской картины мира (лирика предвоенного времени; годы Великой Отечественной войны; время депортации балкарского народа) и рассмотрены функционально-смысловые особенности исторического хронотопа.

Также было выявлено, что в произведениях указанного периода наблюдается усиление тем, связанных с малой родиной, при этом прослеживается трансформация эмоционально-смысловой и лексической организации таких символов как гора, камень, дом.

Ключевые слова: К. Кулиев, эволюция темы, топос Родина, образ «малой родины», военная лирика, гражданственность.

Тема патриотизма всегда занимала важное место в карачаево-балкарской литературе. На фронт ушли многие писатели Северного Кавказа, и одним из них был балкарский поэт Кайсын Шуваевич Кулиев.

Топос Родины в произведениях военного периода – одна из традиционных проблематик, для которой характерны устойчивые образные параллели, связанные с локусом «малой родиной». При этом важно отметить, что количество абстрактных и риторических стихов на патриотические темы постепенно заменились прозаическими стихами об отчуждении. Эволюционировал и образ лирического героя, чувства и личные переживания обрели общенародное значение.

Так в военной лирике К. Кулиева выявляется значимость этнокультурных архетипов в образной структуре его произведений. Более четко это прослеживается в разработке локуса «малой родины».

Любовь поэта к родной земле индивидуальна и общезначима: он отождествляет себя одним из рядовых балкарцев, и в то же время выражает обобщенное отношение своего народа к понятию Родина.

В развитии данной тематики необходимо обозначить несколько этапов в творчестве писателя, в процессе которых эволюционирует его индивидуальный стиль: лирика предвоенного времени; годы Великой Отечественной войны; время депортации балкарского народа.

Хронологический анализ стихотворений поэта, объединенных понятиями *Дом/Родина*, показывает определенную трансформацию в художественном изображении этих символов как в эмоционально-смысловом и лексическом содержании, так и в интонационно-ритмической организации стихотворных текстов. Например в стихотворении «Жаз жазылган назму» (Стихи, написанные весенним днем) 1938 года, автор описывая Чегем, раскрывает перед читателем прекрасный райский уголок, где царят радость, мир и спокойствие: // *О, не игиди бюгюн*

кюнлюбюз: Таула. Будутла. Кёк. Биз экибиз... // ¹ (О, как прекрасен этот день: Горы. Облака. Небо. И мы вдвоем) (Подстр. переводы здесь и далее наши – Р.К.).

Аналогично предыдущему по своему смысловому содержанию стихотворение «Здравствуй, утро!» написанное в 1937 году: // Салам, эртенлик, / Жап-жарыкь бетли, / Къанатлы жырлы, / Бишген кёгетли! // ² (Здравствуй, утро, / Светлолицое, / С пеньем птиц, / Зрелыми плодами! //).

В данном аспекте важно отметить, что стихотворение, появившееся уже в 1964 году под таким же названием «Здравствуй, утро!», отличается своим реалистическим контекстом, где главные психологические доминанты – подавленность, сожаление. Также появляются семантически затемненные участки текста, художественная функция которых – описание внутреннего состояния лирического персонажа (*трудней мне дышится, я видел все: и рай и ад, горькая вода* и т.д.). Здесь автор подвергает тщательному осмыслению устройство мироздания, взаимоотношения между реальностью и личностью, и в результате напряженных размышлений он приходит к выводу: «...все испытать – долг живущего на земле»: // Стал и бывалым я и мудрым, / Я видел все: и рай и ад. / Но и сегодня «Здравствуй, утро!» / Твержу, как тридцать лет назад // ³.

Любовь к Родине, восхищение ею как державой, долг перед отечеством – все это увеличило чувство ответственности поэта, как мужественного горца и защитника мирного населения. В стихотворениях «Жизнь, я твой сын», «Сосны России шумят», «В глаза мои смотри», лирический герой К. Кулиева четко определил жизненные приоритеты, акцентируя на том, что готов пожертвовать жизнью ради свободы родной земли. В сознании поэта было невозможным не встать на защиту Родины: // Жанын сюймеген жокьду бир киши, / Жашаудан татлы зат жокь /. Алай мингле жашау этер ючюн, биреу / Ёлурге керек эссе уа – алгъа /^А. (Нет никого кто не любил бы свою жизнь, / Вкус жизни ни на что не променять / Но для того, что бы спасти жизнь миллионов / нужно пожертвовать одной!...//).

К. Кулиев хочет показать абсурдность и бессмысленность войны, и для этого сталкивает сугубо мирную реалию с каким-нибудь эмблематическим знаком войны. Для того чтобы передать диссонанс между хаосом войны и природным миропорядком он использует параллелизм, а присущее автору пантеистическое мироощущение очеловечивает ее: // Ол уруш деген бетсиз, кюйсюз бла / Тюбегенме мен бюгюн бетден-бетде... // (С этим бессовестным, беспощадным / Встретился я лицом к лицу...// При изображении вещного мира фронтовой жизни, автор часто вводит в свои тексты образ волка, который олицетворяет смерть: // Мудах болуп мени жарыкь ойларым, / Ёлум ызымдан **бёрюча** айланад // (Мои светлые мысли стали печальными / Смерть за мной ходит словно **волк**).

В произведениях указанного периода наиболее остро ощущается привязанность поэта к малой родине. Кавказ, горы, селения, отцовский дом в Балкарии часто упоминаются им («Моя земля», «Не золото, а родину дайте мне!», «Стихотворение, написанное в госпитале» и др.). Кулиевское представление и восприятие родной земли, память о ней отличаются предельной конкретностью, зримыми осязаемыми образами.

Локус Родины создается при помощи предметного ряда свойственного для балкарского фольклора, при этом в центре внимания писателя оказывается не только пейзажная зарисовка, но и вещное окружение горца это: яблони на берегу Чегема, дым клубящийся над домами родного аула, мальчик на сером ослике, вечерний сумрак гор, шум чинар, дорогие сердцу лица земляков. Таким образом К. Кулиев обогащал самобытными качествами стихотворную форму и вносил новационные элементы в традиционное художественное самовыражение карачаевцев и балкарцев⁵. Содержание его концептуальных представлений формировалось, по всей видимости, не путем эволюционного замещения старых

смысловых сегментов новыми, а скорее путем наращивания новых семантических компонентов.

Следующий этап в развитии образа Родины обусловлен историческими фактами переселения балкарского народа (1944–1957 гг.). Поэт переживает огромную трагедию, что естественно отразилось в его творчестве.

Стихотворения, написанные в этот период характеризуются глубокими раздумьями о жизни, смерти, тревогой за будущее своего нации:

Таш да кыйынлыксыз кьалмагъанды
Тауда уруш окълары сызгыргъанда:
Ол да, бизнича, жаралы болгъанды,
Окъ ызлары энтта туралла анда⁶.

Беда не обошла даже камень
Когда в горах гремели пули:
Он тоже, как и мы, стал раненым,
Следы от пуль еще видны на нем.

Во многих стихотворениях он зашифровывает свои мысли в образные модели из жизни природы. Здесь образ *камня* символизирует *балкарский народ*, а употребление местоимения *мы* свидетельствует о связи поэта со своей нацией. При этом эластичность поэтической семантики слов вызывает подвижность самого словесного образа.

Известно, что в годы депортации у балкарского народа, не было права на художественное самовыражение. Поэтому для К. Кулиева зашифрованный язык природных образов стал главным художественным приемом в его поэтическом стиле.

События, связанные с депортацией вызвали чувство острой боли в сознании поэта, в результате этого, в его творчестве появляется новый цикл, в котором получает реализацию индивидуально-авторская концепция данной проблемы. К их числу можно отнести стихотворение «Ажашхан мараучула» (Заблудившиеся охотники). Выражаясь иносказательными средствами природных образов, поэт выражает чувство страха перед неизвестностью дальнейшей судьбы своего народа, он представляет его читателю в образе охотников, которые заблудились и сбились с пути в ночном лесу:

Ажашхан мараучула
Кече жолланы туманларында
Ажашхан батыр уучула,
Жашау жолларыны тарларында
Жолсуз кьалгъан мараучула!⁷.

Стрелки заблудившиеся
В ночном тумане,
Смелые охотники, сбившиеся с пути,
В узких лабиринтах жизненной дороги,
Охотники, потерявшие дорогу.

Однако несмотря на душевную рану, поэт не жалуется на трудности жизни. Складывается впечатление, что все его внутренние переживания растворялись в его стихотворениях. По признанию К. Кулиева, творчеством он «...защищал свое человеческое достоинство, поддерживал себя, закалял свой дух»⁸.

Поэзия времен депортации исполнена горьких эмоций, болезненных самоощущений: // *Кётюрюп, кьан боягъан байракълай, / Сизни жырчыгъызы болама, / Ёшюньюмю окъ тешип тургъанлай, / Жырны жукълатмай барама!...* // (Словно флаг залитый кровью / Я Ваш певец / Не переставая пою / Даже когда грудь моя пробита

пулей...//. Для поэта было важным сохранить культуру своего народа, и творческое молчание означало бы смирение, и именно эту идею он вложил в эти строки.

Рассматриваемый образ в стихотворных текстах К. Кулиева вербализуется с помощью идейно-тематического поля *Дом/Родина*. Значение ключевых слов, образительно-выразительные средства, бинарные корреляции, избранные в качестве опорных звеньев анализа, также позволяют сделать вывод о специфике этого топоса в поэзии К. Кулиева, особенно в ситуации изгнания из родного края.

В системе стиля балкарского поэта иногда смысл объекта трансформируется в образный предмет поэтической реальности. Так, в обычном употреблении лексема *гнездо* обозначает «место обитания птиц» или «птичий дом». В системе художественного изображения К. Кулиева, *птица* это воплощение свободы, а *гнездо* – дом, к которому тянет и всегда хочется вернуться:

Птица любит свое гнездо
И древесный зеленый приют.
Там тепло ей и хорошо.
Для нее там дом и покой.
Птица любит свое гнездо⁹.

При этом знак *гнездо* становится в тексте выражением символического значения (возвращение, любовь к родному дому).

Восстановление исторической истины имеет огромное морально-политическое и нравственно-психологическое значение для каждой личности и нации в целом. Кайсын Кулиев верил в историческую справедливость, и с помощью художественного слова он сумел выразить в своих произведениях те мысли и переживания, которые волновали не только его, но и всех депортированных народов. Трагические события нанесли психологическую травму репрессированным, что естественно повлияло на процесс формирования национального сознания.

Таким образом, анализ стихотворений военного времени объединенных значенными понятиями, выявил ряд трансформаций в форме художественного самовыражения и поэтического языке произведений К. Кулиева. Данные изменения обусловлены эволюцией авторской концепции мира.

При этом диахронически прослежены закономерности процесса символической и мифопоэтической трансформации дома, где также обосновывается авторская концепция связи человеческой души с родным краем.

Важно отметить, что его ранняя лирика отличается своей лексической и интонационно-ритмической организацией. Она характеризуется «солнечными» идиллическими тонами («Песенка горной речушки», «Стихи, написанные весенним днем», «Всегда гордился тем, что горец я!», «Земля моя», «Самое дорогое»).

Вместе с тем начиная с 1940 г., в творчестве К. Кулиева происходит расширение ассоциативного контекста, который позволил усилить смысловое поле образов входящих в семантическую парадигму «дом/родина».

Анализ военной лирики К. Кулиева показал, что его герой не обособляется от объективного мира, не погружается в себя, а наоборот, еще больше ощущает свою причастность к нему. Поэзия военного периода характеризуется многообразием тем и мотивов, в ней развивалась интимная, гражданская, пейзажная лирика. Как и у многих авторов, его стихотворения содержали агитационную мысль, которая расшифровывалась как: любовь к родной земле и ненависть к врагу. В последовательном утверждении идеи патриотизма в лирике балкарского поэта, заключалась огромная духовная сила художественного слова, которая, не отрываясь от национальных истоков и опираясь на лучшие достижения русской литературы, решала значительные идейно-художественные задачи.

Примечания

1. *Кулиев К.Ш.* Собрание сочинений: в 3-х томах. Т. 2. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1976–1977. 544 с.
2. *Кулиев К.Ш.* Собрание сочинений: в 3-х томах. Т. 2. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1976–1977. 544 с.
3. *Кулиев К.Ш.* Собрание сочинений: в 3-х томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1976–1977. 445 с.
4. *Кулиев К.Ш.* Собрание сочинений: в 3-х томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1976–1977. 445 с.
5. *Керимова Р.А.* Индивидуальные особенности поэтического стиля К. Кулиева. Нальчик, 2016. 145 с.
6. *Кулиев К.Ш.* Собрание сочинений: в 3-х томах. Т. 2. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1976–1977. 544 с.
7. *Кулиев К.Ш.* Собрание сочинений: в 3-х томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1976–1977. 445 с.
8. *Жабоева А.А.* К вопросу о художественной антропологии Кайсына Кулиева // Материалы Международной конференции «Национальные образы мира в художественной культуре» 8–9 ноября 2010 г. Нальчик: КБГУ, 2010. С.61–67.
9. *Кулиев К.Ш.* Собрание сочинений: в 3-х томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1976–1977. 445 с.

HOMELESS MOTHERLAND IN THE MILITARY LYRIC K. KULIEV

Kerimova Rauzat Abdullahovna, Candidate of Philology, staff scientist of the department of Balkar Literature of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), K.roza07@mail.ru

The article examines the evolution of the image of the Motherland in the military lyrics of K. Kuliev. At the same time, the definition of this topos includes the concept of a "small homeland" and occupies an important place in K. Kuliev's system of moral coordinates.

In the work, a historical-diachronic analysis of verse texts combined by a thematic plan that allowed to distinguish the main components of the author's world picture (the lyrics of the pre-war time, the years of the Great Patriotic War, the time of deportation of the Balkarian people), while justifying the algorithm for studying the artistic chronotope and the principles of artistic space in the poetic creativity K. Kuliev.

It was also revealed that in the works connected with the strengthening of topics related to the small homeland, the transformation of the emotional-semantic and lexical organization of such expressions as a mountain, stone, house.

Keywords: K. Kuliev, the evolution of the theme, topos Homeland, the image of the "small homeland", military lyrics, citizenship.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-105-109

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВОЙНЫ В БАЛКАРСКОЙ ПРОЗЕ 1960–1970-х гг.

Сарбашева Алена Мустафаевна, доктор филологических наук, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alenasarb@mail.ru

В статье исследуется проблема художественного осмысления войны в балкарской прозе 1960–1970-х годов. Указанный период характеризуется конструктивными изменениями в литературе: наблюдается преодоление экстенсивного описательства, интенсивное углубление в психологию личности; создание конкретно-индивидуализированных, многогранных характеров. Тема Великой Отечественной войны рассматривается как одна из актуальных в творчестве национальных авторов. Определяются новаторские тенденции воплощения военной тематики в произведениях З. Толгурова, А. Теппеева, Э. Гуртуева, Б. Гуляева и других, что нашло выражение в специфике художественного решения конфликта и воссоздания национального характера. Как одно из характерных положительных начал в развитии балкарской прозы отмечается усилившееся внимание писателей к внутреннему миру героя, его психоэмоциональному состоянию, внутренним противоречиям, обусловленным обстоятельствами военного времени. Основным объектом анализа являются психологические, нравственные мотивировки действий и поступков персонажей. Особое внимание уделено проблеме трансформации самосознания героя в экстремальных исторических условиях. Исследование показало, что в произведениях о войне отмечаются новые художественные решения: диалектический подход авторов к осмыслению разных проблем, стремление расширить возможности поэтики, обновление системы приемов и средств изображения.

Ключевые слова: литература, тема войны, герой, национальный характер, нравственный конфликт, подвиг.

В 1960–1970-ые годы по мере овладения художественным мастерством, расширения жанрово-тематического диапазона балкарские писатели начинают искать средства реалистического изображения исторических этапов в судьбе народа. Опыт предыдущего этапа литературы показывал, что «нельзя говорить об историзме художественного произведения, если вместо образного воплощения действительности в нем господствует иллюстративно-схематическая персонификация классовых сил. Только через исторически конкретное, полноценное, выпуклое изображение в типических для прошлого образах можно передать реальный колорит, дух и смысл эпохи»¹. В связи с этим перед национальными авторами возникает ряд художественных задач, решение которых способствовало бы существенным конструктивным изменениям в литературе: преодоление экстенсивного описательства; интенсивное углубление в психологию личности; осознание естественности диалектической связи сознания индивида с общественной средой. «Здесь главенствующее значение приобретает умение писателей постигать динамику времени, обогащение концепций гуманизма посредством создания конкретно-индивидуализированных, многогранных характеров»². Решение обозначенных проблем было возможным при условии использования новой системы художественных приемов, таких как постановка и глубокое осмысление жизненных противоречий, умение найти и выбрать героя со сложной судьбой.

Тема Великой Отечественной войны явилась в числе актуальных в творчестве национальных авторов указанного периода. Изображая своих героев в самых сложных, трагедийных обстоятельствах в годы войны, писатели показывали, что борясь с фашизмом, людям приходилось многое преодолевать и в самих себе, что острые драмы разыгрывались подчас и внутри собственного окопа: рядом с теми, кто беззаветно сражался за Родину, порой обнаруживались трусы и карьеристы. Но большое внимание авторы уделяли «сражениям» моральным, психологическим – в особенности внутренней борьбе отдельного героя, в результате чего он осознает значение сущности мира и общечеловеческих ценностей.

В 60–70-е годы XX в. в национальной литературе появляется ряд произведений, в которых отмечаются новаторские тенденции воплощения темы войны. Таково, например, значение небольшой детской повести З. Толгурова «Аюташ» (Медвежий камень, 1966): оно заключалось в том, что писатель впервые в балкарской литературе воссоздает события Великой Отечественной войны через мировосприятие своего юного героя Алима, на глазах которого немцы жестоко убивают его друга Мустафира. В Мусосе и в отряде партизан подросток видит спасителей, смелых и отважных людей, способных отомстить за погибших и освободить родную землю от оккупантов. Сюжетно-определяющим фактором в произведении и остается героика. Заметными явились и новые художественные решения: диалектический подход автора к осмыслению нравственных проблем, стремление расширить возможности поэтики, обновление системы образов. В повести используются такие малоразработанные приемы в национальной прозе, как символика (камень, напоминающий медведя, отсюда и название повести), стилистический прием, называемый несобственною прямой речью, монологи, вытекающие из характера и психологии героя.

В контексте сказанного определенным интерес представляет повесть Б. Гуляева «Жыяу жолчук» (Тропинка, 1968). Внезапно начавшаяся война не только нарушает мирную жизнь героев повести, но и способствует проявлению человеческой состоятельности каждого из них. Тяготы времени не могли сломать дух людей, веру и надежду не только на победу над врагом, но и на возвращение любимых с фронта. Писатель не увлекается одним лишь конфликтом, в основе которого – ожесточенная борьба защитников Родины (в лице Омара и др.) с фашистскими захватчиками. Параллельно раскрываются внутренние противоречия персонажей, обусловленные обстоятельствами военного времени. В таких «сражениях» героев повести Б. Гуляева одни проигрывают, уступая своим слабостям (как это сделала Зоя – она отрекается от супруга Омара, который вернулся с фронта домой инвалидом), другие выигрывают (Сакинат). В душе Сакинат торжествуют благородство, женская терпеливость, преданность своим светлым чувствам.

Нравственный конфликт в повести базируется на таких категориях, как любовь, верность, предательство. Художественное выражение это находит и в образе главного героя Омара как нравственно чистого и сильного духом человека. Как одно из характерных положительных начал в развитии балкарской прозы следует отметить усилившееся внимание писателей к тем обстоятельствам, которые обуславливают переход героев из одного психологического состояния в другое.

Художественное осмысление войны находим и в повести Э. Гуртуева «Ёр жол» (Крутая тропа, 1968) (в авторизованном переводе с балкарского М. Тучиной – «Альпийская повесть», М., 1973). Ее формообразующим структурным элементом является самоотверженный подвиг. В образе главного героя Магомеда писатель изображает человека мужественного, беззаветно любящего свою Родину. В основе конфликта повести – взаимоотношения двух альпинистов: балкарца Магомеда и немца Петера Мюллера, которые в недавнем прошлом были друзьями. Немецкий альпинист был обязан молодому балкарцу тем, что еще до войны тот спас его в горах во время восхождения. Однако, спустя много лет, объективные

обстоятельства сделали их врагами: между ними пролегла война, в которой Петер – оккупант, а Магомед – защитник Отечества от иноземных захватчиков. Последний, тяжело раненный при выполнении одного из боевых заданий, попадает в плен, где встречается с немецким другом. Майор Мюллер предлагает своему бывшему спасителю сотрудничество: принять участие в восхождении на Эльбрус для установления фашистского знамени. Восторженно изображает Э. Гуртуев советского солдата в момент его душевного героического взлета, когда он, поднявшись на вершину горы, разрывает немецкий флаг. «Он (Магомед – А.С.) испугался своего громкого смеха, неожиданного, радостного смеха, звонко раскатившегося в горах. Чему он радовался? Победе!

– Я победил вас! – крикнул он, сам не узнавая голоса. – Я обманул вас! Вот он ваш флаг, смотрите, ловите его, – ловите же эти грязные тряпки!»³.

При определенных художественных издержках «Крутая тропа» Э. Гуртуева, в отличие от произведений предшествующего периода, несет аналитическую мотивировку. Как отмечала критика, писателя интересуют не просто акт совершения подвига, не просто проявление мужества и воли (хотя балкарскому прозаику чужды мысли о дегероизации), отваги советского человека, а их социально-политические истоки⁴.

В очередной повести З. Толгурова «Къызыл кырдыкла» (Алые травы, 1972) в сферу художественного исследования включаются не только социальный конфликт, но и противоречия национальной психологии, возникающие даже в однородной среде⁵. Апробированная национальными авторами тема Великой Отечественной войны («Крутая тропа» Э. Гуртуева, «Тропинка» Б. Гуляева, «Медвежий камень» З. Толгурова и т.д.) освещается здесь через призму печальных воспоминаний одного из персонажей Азретали, непосредственного очевидца трагических событий. Расширяя хронологические рамки повествования, писатель на примере одной семьи решает заявленную проблему. Он акцентирует свое внимание на военной действительности, осмысленной с позиций современности.

З. Толгуров поднимает актуальную для многонациональной литературы «проблему социального и морального определения личности в меняющейся общественно-исторической ситуации»⁶. Автора интересует не сам процесс боевых действий. Главным объектом анализа являются психологические, нравственные мотивы действий и поступков героев повести. Так, перед схваткой с немецкими оккупантами Каспоту предстоит пережить нравственный поединок с одним из сыновей – Каракаем, который отказывается вступить в неравный бой с врагом, в то время как остальные братья безоговорочно принимают призыв отца к защите родного уголка (ибо с детства Каспот им внушил, что «эта поляна – уголок родной земли, топтать ее траву – все равно, что топтать косы матери»). Каракай внутренне не осознает неразрывности своей судьбы с судьбами близких ему людей, народа в целом. Писатель стремится раскрыть динамику развития характера героя в прямой обусловленности от внешних драматических обстоятельств. В экстремальной ситуации перед Каракаем встает вопрос выбора (прежде всего нравственного), определения своей позиции, а впоследствии – своего места в жизни общества.

Возникшая дилемма между жизнью и смертью разрешается «сильным, ловким, метким Каракаем» самостоятельно, вразрез с традиционным мировосприятием. «Когда дело идет о жизни или смерти – им нет места! Моя сила и зоркость мне еще пригодятся... Если вы не хотите последовать за мной, я уйду один», – отвечает он на тщетные уговоры отца⁷.

В этой пограничной ситуации, в которой оказывается герой З. Толгурова, вырисовывается масштабный замысел повести, раздвигающий рамки традиционного повествования. Проблемы личностного бытия сплетаются с проблемами общественного, исторического плана. Произведение приобретает черты социально-философского эпического полотна. В переломных исторических событиях, под

давлением исключительных обстоятельств раскрывается истинное лицо человека, его внутренняя сущность. На примере Каракая писателю удается убедить читателя в вышесказанном.

В романе А. Теппеева «Ташыуул»* (Тяжелые жернова, 1976) внимание автора также сосредоточено на проблеме формирования психологии и самосознания человека в экстремальных условиях периода Великой Отечественной войны. Сюжетную полосу эпического полотна занимает небольшой временной отрезок – момент оккупации немецкими захватчиками села Жамауат. Писатель изображает историческую эпоху с ее острейшими конфликтами, которые раскрываются через столкновения характеров, через судьбы людей. А. Теппеев акцентирует свое внимание на индивидуальных типических судьбах. Главный герой романа Жабраил Билекчиев – бывший учитель истории, директор школы, «небольшой советский начальник», фронтовик в прошлом. Писателя интересует не столько сам процесс войны, оккупации села, сколько ее воздействие на человеческую психику, которая после такого катаклизма не могла остаться неизменной. Конфликт, составляющий основу романа «Тяжелые жернова» А. Теппеева, полифоничен: столкновение главного героя с народом, от которого он оторвался и противостоит ему своей индивидуалистической идеологией; его мучительная попытка перестроиться (при этом, не теряя дружеских отношений с односельчанами) в доброго старосту; противоречивая и сложная реакция народа на сотрудничество Жабраила Билекчиева с фашистским режимом; его полная идейная и нравственная деградация в итоге. Эволюция Билекчиева, бывшего «советского начальника», ставшего впоследствии предателем, вскрывает тактику вынужденного приспособленчества. Потеряв перспективу видения истории, Жабраил надеется сохранить свою целостность как личность, замкнувшись в себе, отказавшись в одно мгновение от своего прошлого. Как правило, писатель изображает своего героя в экстремальной исторической ситуации, когда тот неизбежно должен сделать свой выбор, что было требованием самого времени. Известно, что «история народа развивается и движется как процесс противоречивый, в котором разные стороны социального, психологического, нравственного опыта, и движение к новому и прогрессивному пробивает себе путь в борьбе и преодолении противоречий. Если же говорить об отдельной личности, то перед ней в период глубоких исторических потрясений всегда неизбежно встает вопрос выбора, определения своей позиции, своего места в борьбе антагонистических сил истории»⁸.

Герой романа, представший перед выбором, фигура трагическая, ибо он потерял всякую веру в то, во что свято верил совсем недавно, в непобедимость и стойкость той системы, которой был искренне предан. Трагизм Жабраила заключается именно в том, что взятая им на себя миссия «спасителя» отталкивает его от народа, тем самым приближает его к врагу. Нелегко Билекчиеву сделать выбор. Познавая своего героя в ситуации нравственного и общественного выбора, автор пытается «увидеть оттенки его мироощущения, проникнуть в мир индивидуального сознания»⁹. Прежде, чем совершить этот тяжелый шаг, героя романа бушуют тяжелые мысли. Он понимает, что избранный им путь «самый крутой, самый скользкий», и что обратного хода не будет: «Пойду дальше уже никогда не вернусь назад, даже оглянуться будет нельзя. А позади огромная долина прожитой жизни...»¹⁰. Жабраил осознает тот факт, что становится «маленьким ничтожным пленником» сложившихся обстоятельств. Вместе с тем писатель не наделяет главного героя романа одним лишь статусом отрицательного героя: А. Теппеев избегает одностороннего раскрытия его характера. Романист вовсе не безразличен к этическим принципам Жабраила, обуславливающим его поведение. Автор, создавая образ противоречивого человека, дает многомерный характер. Комплекс таких

* Название романа А. Теппеева «Ташыуул» буквально переводится «Страда». В 1985 году он был издан в Москве в авторизованном переводе И. Каримова как «Тяжелые жернова».

позитивных качеств и достоинств, которыми обладал герой А. Теппеева в прошлом, как прилежность в труде, обязательность, чувство долга, верность идеям времени, достойное поведение в семье и обществе, незапятнанность репутации, оказывается недостаточным в исторический момент, чтобы примирить личное и общественное в герое.

Таким образом, автор романа, изображая поступки и действия Билекчиева, раскрывая его психологию на фоне пограничных ситуаций, трансформирует упрощенные представления о положительном и отрицательном героях художественного произведения. Испытывая своего героя в момент исторического выбора, в сложном переплетении обстоятельств, А. Теппеев не торопится с формулировкой приговора: тем убедительнее и художественно состоятельнее происходящее развенчание. Романист, соотнося благополучие, приобретенное ценой предательства, с народной трагедией, неумолимо обрекает Жабраила на моральное банкротство. В усилении народного сопротивления, которое обстоятельно прослеживает писатель, запрограммирована не только окончательная победа над врагом, но и моральный крах изменника Родины.

Исследование показало, что в основу произведений, посвященных Великой Отечественной войне, балкарские писатели положили нравственный конфликт, направив свои усилия на художественное решение важнейших морально-этических вопросов в исторически сложившейся трагической ситуации в судьбе народа. В них отражена связь времен – прошлого, настоящего и будущего, воплощенная в самобытных образах героев. Такой подход к этнической истории определил и изображение национального характера в его противоречиях, развитии и изменении.

Примечания

1. *Щербина В.Р.* Литературоведение и принцип историзма // Методология современного литературоведения. Проблемы историзма. М.: Наука, 1978. С. 29.
2. *Толгуров З.Х.* В контексте духовной общности. Нальчик: Эльбрус, 1991. С. 236.
3. *Гуртуев Э.* Альпийская повесть. Нальчик: Эльбрус, 1973. С. 122.
4. *Толгуров З.Х.* В контексте духовной общности. Нальчик: Эльбрус, 1991. С. 137.
5. *Воробьева С., Хитарова Н.* На новых рубежах. М.: Советский писатель, 1974. С. 192.
6. Там же.
7. *Толгуров З.* Алые травы // Голубой типчак. Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 362.
8. *Воробьева С., Хитарова Н.* На новых рубежах. М.: Советский писатель, 1974. С. 87.
9. *Султанов К.К.* Динамика жанра (Особенное и общее в опыте современного романа). М.: Наука, 1989. С. 20.
10. *Теппеев А.* Тяжелые жернова. М.: Советская Россия, 1985. С. 158.

ARTISTIC INTERPRETATION OF THE WAR IN BALKAR PROSE OF THE 1960–1970s.

Sarbasheva Alena Mustafaevna, Doctor of Philology, Head of the Karachay-Balkar Literature Sector of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alenasarb@mail.ru

The article investigates the problem of artistic interpretation of the war in the Balkarian prose of the 1960–1970s. This period is characterized by constructive changes in the literature: there is an overcoming of the extensive description, an intensive deepening in the psychology of the individual; the creation of specifically individualized, multifaceted characters. The theme of the Great Patriotic War is regarded as one of the most relevant in the work of national authors. Innovative tendencies of embodiment of military themes in the works of Z. Tolgurov, A. Teppeev, E. Gurtuev and other authors are noted, which is reflected in the specifics of the re-creation of the

national character, the artistic solution of the conflict. As one of the characteristic positive principles in the development of Balkarian prose, the writers' attention to the hero's inner world, his psycho-emotional state, internal contradictions conditioned by wartime circumstances is noted. The main object of analysis are psychological, moral motives of actions and actions of characters. The study showed that new art solutions are noted in works about the war: the authors' dialectic approach to understanding different problems, the desire to expand the possibilities of poetics, the renewal of the system of techniques and means of imaging.

Keywords: literature, theme of war, hero, national character, moral conflict, feat.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-110-115

МАЛЫЕ ЖАНРЫ СОВРЕМЕННОЙ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ПОЭЗИИ: НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Узденова Фатима Таулановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), uzdenova_kbigi@mail.ru

Исследуются малые жанры карачаево-балкарской поэзии, выявляются общее и частное в видовой модели, признаки и критерии оценки художественно-изобразительных средств с целью определения национальной специфики и механизмов адекватного отражения мировосприятия народа. Анализ жанровой парадигмы карачаево-балкарской поэзии, системы образов, особенностей художественного мышления национальных авторов позволил обозначить основные тенденции гносеологического процесса и маркеры этнокультурной идентификации: влияние фольклорной традиции (*нарт сёз* («мудрая лаконичная мысль»), досл. «нартовское слово») и творчества тюркоязычных поэтов эпохи средневековья на становление и развитие жанра миниатюры в карачаево-балкарской письменной литературе; использование в элегии приема развернутой метафоры и смысловых конструкторов (лирические вопросы), обладающих значительным функционально-когнитивным потенциалом и обуславливающим воспроизводимость динамики эмоционально-мыслительного процесса; формирование знаковой образной системы на основе архетипических и этико-эстетических представлений народа.

Ключевые слова: карачаево-балкарская поэзия, малые жанровые формы, элегия, миниатюра, сонет, фольклорные традиции, образная система.

Карачаево-балкарская поэзия на современном этапе характеризуется обилием художественно-стилевых методов, разнообразием жанровых форм и приемов адекватной передачи эстетической «информации». Из многообразия художественных поисков и решений выявлен ряд лирических и лироэпических жанрообразований, отмеченных в большей или меньшей степени национальной спецификой. В этой плоскости – как канонизированные формы (элегия, миниатюра, сонет), так и этнические формы/праформы (*алгыши* («благопожелание»), *кюй* («плач»), *ийнар* («лирическая песня») и др.). Последние, зародившись в фольклорной эстетике, были освоены авторской литературой и употребительны на последующих этапах развития социума. Основным объектом рассмотрения в данной статье явилась категория классически оформившихся (канонизированных) жанровых разновидностей поэзии преимущественно лирической природы.

Для лирики специфична монологическая форма речи; наиболее приемлема она для лирического раздумья. В литературоведении (отечественном и зарубежном) данный вид в статусе поэтической единицы не определяется, хотя его смысловое пространство наличествует со всем присущим ему понятийно-категориальным аппаратом. Движение чувств лирического героя, то есть то, что является определяющим в лирике, сопровождается мыслью: там, где чувство, неминуемо должна присутствовать мысль – дума, воспоминание. «Чем глубже чувство, тем глубже мысль, и наоборот...»¹. Глубина мысли закладывается уже в самом термине – «раздумье», взволнованность – в его лирической фактуре. Пожалуй, ни

один из карачаевских и балкарских поэтов не обошел вниманием этот вид лирики. Творчество их различается лишь по тематике: в философском ключе написаны стихотворения С. Гуртуева, А. Байзуллаева, мир социально-политических страстей нашел отражение в поэзии А. Суюнчева, М. Табакоева; психологизм и чувственное восприятие действительности с особой силой проявились в стихах Т. Зумакуловой, Б. Аппаева, А. Бегиева, жанр элегического раздумья стал предметом интереса поэтов Ф. Байрамуковой, Н. Хубиева, А. Созаева, М. Беппаева и др.

Наиболее часто национальные поэты обращаются к образу-переживанию, «навеванному» грустью, то есть к форме *элегического* раздумья. «Жанр *элегии* в карачаево-балкарской поэзии занимает доминирующее положение, ибо непосредственно связан с отражением настроения народа (обусловлено преимущественно трагическим опытом прошлого, в особенности депортации 1944–1957)»². Боль, разочарование, интимность – устойчивые черты элегического жанра – получили в свое время полноценное художественное выражение в творчестве классиков национальной литературы – К. Мечиева, А. Будаева, И. Семенова, С. Шахмурзаева и др. Современная элегия строится на несколько иных принципах художественного воплощения. В ней, как в монологах-признаниях, все чаще говорится о внутреннем дискомфорте, вызванном ощущением самонесостоятельности и разрушения, губительного для души («О равнодушие, что тебя страшней! / Как разрушительна безмолвная угроза...» – М. Кудиев).

Утверждение первичности внутреннего состояния человека, априорных форм чувственного восприятия по сравнению с внешними факторами делает элегию «формой, где самоанализ и самоисследование прокладывают путь к познанию бытия»³.

Живу я словно между двух огней,
Двух берегов, двух полюсов, двух граней...
С. Моттаева

Хронотопическое изображение «двойственности» типично для художественного сознания поэтов современности. Это строки с «тисками». Лирическая медитация передает мир внутренних противоречий героя, его меланхолического настроения.

Пример обращения к экспрессивным моделям мы находим и в поэзии выселения М. Батчаева:

Мен да насыб
Излер эдим
Кюн батмагъан джагъада,
«Къарачай» деб,
Насыб берген
Джер болмаса дуняда.
И я счастье
Искал бы
На берегу, где не тонет солнце (нет закатов),
Если не было бы называющегося «Карачай»,
Дарующего (дарующего) счастья
Места на земле.

Подстр. пер.

Воспроизводимость посредством информационных связей этноса базисных представлений (воплощенных в этносимволе, традиционных концептах) обеспечивает его идентичность и стабильные, константные структуры, позволяющие сформировать адекватное представление об особенностях национального сознания и миропостижения.

Значительную роль в элегиях играют лирические вопросы – структура, репрезентирующая смысловую модель внутреннего монолога. Значительным функционально-когнитивным потенциалом в ней обладают смысловые звенья, имеющие вопросительную направленность. В результате поиска (лирическим героем) ответа на вопрос появляется развернутое содержание, в последующем рождается и ответ. В лирике такой прием обуславливает воспроизводимость динамики эмоционально-мыслительного процесса, ход размышлений.

Если я все забыл –
травы, луну, ветер...
сказки детства?!
Если я все забыл –
его мечты, ожидания,
наши горы...
радость и печаль народа?!
Если так,
зря я живу –
Я зря говорю,
если так!

Байзуллаев А. Если я все забыл

Использование только оценочных единиц (с помощью усилительного рефрена) придает поэтическому тексту экспрессивность и синтонию:

Навек ли – дома и люди?
Навек ли – хлеб и вино?
Навек ли – все, что мы любим...
Навек ли – без гнезда?..

Байзуллаев А. Навек ли

Большую смысловую нагрузку в элегиях несет прием развернутой метафоры. Например, у А. Созаева – в сочетаниях «Къолларым» («Руки мои»): «Мудахдыла къолларым» («Грустны мои руки»), «Сагъышлыла къолларым» («В раздумье мои руки»). За «думами» – целая жизнь, прошлое и настоящее, доброе и безжалостное («балтаны тутхан къолла» – «палач»); в воспоминаниях – ласковые пальцы матери и натруженные, мускулистые руки отца. Аллегии осязаемы и реальны («как книга, руки приоткрылись»).

Миниатюра, так же как элегия, имеет свои традиции в карачаево-балкарской лирической поэзии. В какой-то степени она даже более самобытна, что обусловлено прежде всего созвучием концентрированной формы выражения емкому содержательному «горскому слову» (исконно – нарт сѣз); ментальными особенностями фольклора, который и породил своеобразную ритмико-языковую мини-систему.

Надо сказать, что на формирование и в последующем прогрессивное развитие малых форм в карачаево-балкарской поэзии большое влияние оказало творчество тюркоязычных поэтов эпохи средневековья, создающих свои произведения преимущественно в жанрах «парса» и «китга».

В современной карачаево-балкарской поэзии миниатюра представлена разными жанровыми формами – это и алгышы (здравицы, благопожелания), и афористичные одно-, дву- и четырехстишия (стихи-стрелы по типу хайямовских, мечиевских). Лаконичные «мудрые» мысли создают своего рода морально-этический кодекс человека («В доброту верит человек, / Даже если от тягот поседет голова» – А. Бегиев. *Подстр. пер.*).

Афористическое зачастую содержится и в самих названиях, например: «Беду сменяет радость, зелень – снег ...» (М. Кудаяев), «Кому – ущелье, а кому долина...» (С. Гуртуев). «В подобных микротекстах сравнение предстает как простейшая

форма образной речи, но при этом наблюдается глубокое «приращение смысла», и образное сравнение является самостоятельной семантической единицей»⁴.

Активно распространены для определения формально-содержательной структуры произведения и формулировки: «двустипшия», «трехстишия», «четверостишия», «восьмистишия», «пирамиды новых строк» (С. Макитов).

И океан – как жизнь, и жизнь – как океан ...
Не ведомы судьбы закон и произвол.

Сопараллель *жизнь – судьба* в контексте «океанического» мировидения становится философской формулой. Сравнительная характеристика подается в двухвариантном соотношении: как соответствие по переносному значению, и по выражаемому образу. «Большинство соотносимых сравнений того или иного языка представляют собой в системе лексических изобразительных средств общие явления. Тем не менее компоненты сравнений, их лексическая наполняемость в каждом языке специфична, поскольку в изобразительных средствах находится отражение, как правило, психология народа»⁵. Так, символическое объяснение «океанического» истока жизни уходит вглубь истории. Как явствует из мифологии карачаево-балкарцев, возникновение Дерева Жизни происходит после того, как мировой океан (*долуан-тенгиз*) порождает огромного буйвола (*егюз*), олицетворяющего космический порядок, противостоящего силам тьмы (Ворон – *Къуз-гъун*). «Различные аспекты внеязыковой реальности отражаются в человеческом сознании на соответствующих уровнях. Эти так называемые уровни когнитивных структур человеческого сознания универсальны в том смысле, что они не имеют различий в зависимости от этнической принадлежности народа. С другой стороны, в противоположность когнитивным структурам следует различать этнические языковые структуры, которые соотносятся с определенной моделью отражения внеязыковой реальности в человеческом сознании»⁶.

Больших успехов достигает *сонет*, жанр эстетически непреходящий, успешно развивающийся в литературах многих народов, популяризованный, хотя и несколько «имплантированный» в национальную почву.

Горские сонеты в большинстве своем построены на пятистопном ямбе. В первом катрене – экспозиции вычерчивается тема, во втором – развитие действия, в первом терцете – развязка, второй терцет – завершение стиха в целом. Развернутые в единстве пяти законченных циклов «Сонеты родины моей» М. Мокаева составляют условно-символическую знаковую систему – топонимическую (по названию пяти ущелий). Как и в ренессансном сонете мир в сонетах поэта имеет естественный центр – человека. Художественный язык М. Мокаева богат и метафоричен, передает красоту и величие родного ущелья. Упоминание в первых строках имен Шекспира, Петрарки – дань глубокой признательности за возможность постичь мир гармонии чувств эпохи Возрождения. Совершенство формы, мелодичность, отточенность поэтического слога, широта тематического диапазона – все это слабые художественного мастерства, гения поэта. Любовь как категория вечного (к своему народу, родным просторам, женщине) – центр его микрокосмоса.

Знаменательным явлением в карачаево-балкарской литературе стало обращение поэтов к «венку сонетов». Одним из первых, кто взялся за его создание, был С. Гуртуев. Элегической грусти и нежности исполнены строки посвящения любимой женщине («Ни слова не таю»):

Я вплеп в свои стихи твое святое имя,
И ты поверь моим словам, согрешивши ими, –
Ни слова не таю, не лгу ни запятой...

Следует сказать и о других жанрах поэтического искусства, не столь динамично развивающихся и представленных, соответственно, меньшим количеством

произведений, но уверенно укрепляющих сегодня свои позиции. Это *этюд* (С. Моттаева, А. Байзуллаев) и *стихотворение-притча* (М. Геккиев, М. Ольмезов). Последнее (в классическом варианте – басня) представляется, главным образом, в виде развернутой притчи и мастерски разработанного диалога. Тематически их (стихотворения) можно разделить на несколько групп; превалирует та, где содержится семантический аналог словесно-образного изречения «не рой яму другому – сам в нее попадешь». В отдельных случаях обыгрываются сюжеты басен И.А. Крылова.

Исходя из вышеизложенного можно констатировать, что последние два десятилетия XX-го столетия характеризуются напряженным процессом жанровых исканий, диапазон которых – от содержательно-формальных экспериментов до поисков в рамках новых художественных методов. Наряду с традиционным, сюжетно-повествовательным типом организации стиха, сохранившим в количественном отношении приоритет, ускоренными темпами развиваются и различные формы бессюжетного типа. Меняется и сама структура стихосложения: наблюдается переход от речитативного стиха народной песни к упорядоченной форме, силлаботонике, к концевой рифме. Поскольку моделирование специфической образной системы карачаево-балкарской поэзии происходит на ранних стадиях гносеологической деятельности индивидуумов, определение сферы и степени влияния мифопоэтической традиции на эволюцию этнокультурного сознания – весьма важный и ответственный момент исследования. Мифопоэтическая традиция отвечает диахронно-синхронным представлениям социума, сопряженным с сакрализацией явлений природы и объектного мира, а экологическое пространство этноса порождает систему образной символики. Выбор концепта также мотивирован когнитивными процессами. К примеру, в стихотворении Х. Джаубаева «Тиним» («Дыхание») с образом сосны, дерева-тотема, ассоциируется сама жизнь, вечность (в мифологической системе карачаево-балкарцев, как и у многих народов мира, священные деревья занимали особое место). Интенсивно развиваются малые жанровые формы, активно «осваивая» сектора этнонационального и интернационального, синтезируя фольклорные традиции и опыт многонациональной литературы.

Примечания

1. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. М.: Просвещение, 1976. С. 357.
2. Узденова Ф.Т. Карачаево-балкарская поэзия: к типологии жанра // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2008. № 2. С. 195.
3. Юсупова Ч.С. Поэзия // Дагестанская литература: закономерности развития (1965–1985). Махачкала: ДМЦ РАН, 1999. С. 86.
4. Кетенчиев М.Б. О языке и стиле поэзии М. Беппаева // Проблемы современной кавказской и тюркской филологии и этнографии: сб. статей. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. С. 67.
5. Узденова Ф.Т. Этносимволы в картине мира карачаевцев и балкарцев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (49). Ч. 2. С. 180.
6. Ульянова Н.Н., Панькина Е.В. К вопросу о языковой интуиции тюркоговорящих народностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (46). Ч. 2. С. 196.

SMALL GENRE OF MODERN KARACHAYEVO-BALKARIAN POETRY: NATIONAL SPECIFICATION

Uzdenova Fatima Taulanovna, Candidate of Philology, the senior research associate of the sector of Karachaevo – the Balkar literature of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal

State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), uzdenova_kbigi@mail.ru

Small genre forms of Karachay-Balkar poetry are investigated, general and particular in the species model, signs and criteria for evaluating artistic and visual means are identified with the aim of determining the national specifics and mechanisms for adequately reflecting the people's worldview. Analysis of the genre paradigm of Karachay-Balkar poetry, the system of images and the peculiarities of the artistic thinking of national authors made it possible to identify the main tendencies of the epistemological process and the markers of ethnocultural identification: the influence of the folklore tradition (*nart sez* ("wise laconic thought", the word "Nartovsky word" poems-arrows) and the work of Turkic-speaking poets of the Middle Ages on the formation and development of the miniature genre in Karachay-Balkar written literature, an abridged metaphor and semantic constructs (lyrical questions) that have a significant functional and cognitive potential and determine the reproducibility of the dynamics of the emotional-thought process, the formation of a symbolic image system based on the archetypal and ethical-aesthetic notions of the people.

Keywords: Karachay-Balkar poetry, small genre forms, elegy, miniature, sonnet, folklore traditions, figurative system.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-116-121

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ ПОЭЗИИ О ВОЙНЕ (на материале произведений кабардинских авторов)

Хавжокова Людмила Борисовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (ИГИ ББНЦ РАН), lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Статья посвящена исследованию художественного психологизма кабардинской военной лирики. Актуальность темы заключается в том, что в настоящее время психологический ракурс изучения национальной поэзии о Великой Отечественной войне остается недостаточно освещенным. Основное внимание автора статьи акцентируется на индивидуализированных попытках использования разных форм художественного психологизма в произведениях известных кабардинских поэтов: А. Кешокова, Л. Губжокова, С. Хахова, А. Бицуева и др. Поэтические произведения перечисленных авторов исследуются с позиций художественного психологизма. В частности, в кабардинской поэзии о войне выделяются прямая и косвенная формы психологизма, а также примеры суммарно-обозначающего психологизма. Отдельное внимание уделяется произведениям поэтов-фронтовиков и поколения так называемых «детей войны». Психологические рамки рассмотрения поэтического материала, как правило, предполагают апелляцию к эмотивному и нравственно-философскому аспектам. В этом плане при анализе стихотворений основной акцент делался на позиции лирических героев – так называемый взгляд «изнутри» солдата-фронтовика, а также матери, супруги, детей, ожидающих своих родных с войны. Таким образом, в ходе исследования выявлен синтез личностного и общечеловеческого в национальной военной лирике. Кроме того, в исследовании определена уникальность кабардинской военной лирики, заключающаяся в удачной интеграции в ней всех обозначенных форм и приемов психологизма.

Ключевые слова: кабардинская поэзия, история, художественный психологизм, прямой психологизм, косвенный психологизм, суммарно-обозначающий психологизм, военная лирика, поэт-фронтовик, «дети войны».

В современном литературоведении мысль об историчности всякой истинной поэзии носит аксиоматичный характер. Однако историзм поэзии не может быть однозначно интерпретирован, поскольку включает различные формы и способы воспроизведения разных эпох, событий, явлений и т.д. Историзм в художественном произведении может быть выражен в соотношении понятий «история» – «современность», в прямом фиксировании реальных фактов современной автору эпохи, а также в исторической и социальной обусловленности авторского «я», отражающего эстетические и этические идеалы эпохи и в конечном итоге – закрепляющего подлинно историческую концепцию личности.

Историзм поэзии как словесного искусства состоит также в том, что она (поэзия), запечатлевая сознание и идеалы своего времени, его реальные приметы, в поэтике своей сохраняя «память» о национальной и мировой поэтической традиции, создает стиль и образы, характерные для данного состояния художественного освоения мира, и одновременно открывает собою возможности будущих путей своего движения. Тем самым поэзия в каждый исторический момент – есть средоточие прошлого, настоящего и будущего в слове. И эти три ее измерения определяют и собственный ее историзм. В какой мере и как поэт устанавливает связи со

своим временем, какие мосты он наводит меж прошлым, настоящим и будущим не на поверхностном, декларативном уровне, а в самой поэтике, в художественном образе – вопрос нелегкий, ибо от его решения зависит правильная оценка и осмысление типологии и своеобразия каждого исторического этапа¹.

Великая Отечественная война, будучи глобальным историческим явлением, охватившим долгий период времени и оказавшим влияние на миллионы человеческих судеб, оставила неизгладимый след во всех сферах жизнедеятельности человека, навсегда запечатлелась в художественном сознании многих этносов. Масштабы и значение данного события подтверждаются неослабевающим, а, напротив, усиливающимся на протяжении многих десятков лет глубоким интересом к теме войны и ее трагических последствий.

В истории человечества не было событий, равного войне 1941–1945 гг., именно поэтому велико количество произведений, посвященных ей. С первых дней этой кровавой битвы многие кабардинские поэты и писатели ушли на фронт, сменив перо на оружие. В их числе были: Али Шогенцуков, Алим Кешоков, Бетал Куашев, Адам Шогенцуков, Аскерби Шортанов, Буба Карданов, Ахмедхан Налоев и т.д. Перечисленные и другие поэты-, писатели-фронтовики защищали родину не только оружием, но и пером: сочиняли стихи и поэмы призывного характера, произведения глубокого психологического и патриотического содержания.

Масштабы трагедии войны были также прочувствованы и художественно воспроизведены поэтами и писателями последующих поколений, включая современную молодую плеяду авторов, вошедших в литературный процесс в начале XXI века. Данный факт свидетельствует о неисчерпаемости обозначенной проблемы, что являет собой следствие неиссякаемой боли, причиненной войной.

Кабардинская военная лирика в целом характеризуется тонким психологизмом, ярко выраженной эмотивной окраской и философской глубиной. При этом главенствующее положение в стихах и поэмах о войне, на наш взгляд, занимает именно психологизм – проникновение во внутренние переживания личности. При этом, с одной стороны, психологизм может быть «поверхностным», «описательным», т.е. автор может просто зафиксировать, запечатлеть в своем произведении, передать, описать некоторое чувство лирического героя (например, страх, радость, вдохновение и т.п.). С другой стороны, он может анализировать чувства героя, выявлять причины его конкретного состояния. Таким образом, в дихотомии «психологическое описание» – «психологический анализ» доминирующая роль принадлежит последнему. Психологический анализ в литературе также обозначается терминами «психологизм» или «художественный психологизм».

По определению Л.Я. Гинзбург «Психологический анализ осуществляется в форме *прямых* авторских размышлений или в форме самоанализа героев, или *косвенным* образом – в изображении их жестов, поступков, которые должен аналитически истолковать подготовленный автором читатель»². В тех случаях, когда автор акцентирует внимание на «внешних симптомах» – поведении, речи, мимике, жесте – т.е. на внешних факторах, идентифицирующих то или иное состояние героя, подобную форму психологизма принято называть «*косвенной*». При «*прямой*» форме психологизма персонаж описывается «*изнутри*», т.е. в произведении воспроизводится глубоко внутреннее душевное состояние героя, его переживания, эмоции. Средствами воплощения прямого психологизма в художественном произведении выступают философия раздумья, медитации, монолог, сон, письмо, исповедь и т.д.

Исследуя формы психологического анализа И.В. Страхов также выделил две его разновидности, а именно: описание образов, персонажей «*изнутри*» – «путем познания внутреннего мира действующих лиц, выражаемого при посредстве внутренней речи, образов памяти и воображения», а также психологический анализ характеров извне – посредством «интерпретации писателем выразительных особенностей речи, речевого поведения, мимического и др. средств внешнего проявления психики»³.

Обозначенную выше типологизацию А.Б. Есин дополнил третьей формой психологического анализа – так называемым «суммарно-обозначающим» психологизмом, который был определен исследователем как «способ сообщить читателю о мыслях и чувствах персонажа – с помощью называния, предельно краткого обозначения тех процессов, которые протекают во внутреннем мире»⁴.

В эпических произведениях автор обладает большей возможностью, чем в поэзии, для выражения психологизма конкретного образа в определенной ситуации. Кроме передачи внутреннего состояния, настроения персонажа, он (автор) имеет возможность для подробного раскрытия причин данного состояния, для описания эмоциональных составляющих или внешних мотиваций его поступков, поведения и т.д. В таких случаях речь идет о выявленном А.Б. Есиным «суммарно обозначающем» психологизме.

Умолчания, недоговоренности, паузы, намеки также выступают приемами литературного психологизма, предоставляющими читателю возможность проведения собственного психологического анализа конкретного случая, ситуации, поведения или поступка героя.

Уникальность кабардинской военной лирики заключается в удачном синтезе в ней всех перечисленных форм и приемов психологизма. Ужасы войны осмыслены и прочувствованы поэтами глубоко и с разных ракурсов – например, с позиции фронтовика, прошедшего через кровавые сражения или павшего в храбром бою; с позиции матерей, жен, детей ожидающих своих сыновей, мужей и отцов с войны; с позиции родителей предателя, примкнувшего к лагерю врагов и воевавшего против своих братьев (например, в поэме «Отец» А. Кешокова) и т.д.

В стихотворении «Моей матери» («Си анэм») А. Кешокова создан образ матери, окрыленной радостью возвращения сына с фронта. Последний уверен в том, что в его возвращении живым и невредимым велика заслуга матери – именно ее безграничная любовь помогла ему выстоять перед всеми бедами. Поэтому сын предлагает матери отведать из солдатской фляжки, чтобы подобным образом разделить с ней вполне заслуженную победу. Далее в стихотворении наблюдается усиление психологизма. Предлагая матери выпить из солдатской фляжки, сын говорит:

*Ефэ, дянэ, уэ ипфац нэхъ гуацIэ –
Гуауэ Iэджэм уи цхьэр хужь яцIац,
Ефэ уи кзуэу къэжгужэсами пацIэ,
Куэди цэхуу нэпсу уэ плъэциIар⁵.*

Выпей, мать, ты хлебнула еще более крепкого –
От больших бед голова твоя побелела,
Выпей за вернувшегося сына,
Довольно слез, утертых тобой тайком*.

В основу другого стихотворения А. Кешокова «Свет в окне» («Щхьэгубжэ нэху») также положена глубокая эмоциональная взаимосвязь матери и сына. Лирическая героиня стихотворения ждет сына с войны, не выключая свет в его комнате: она уверена в том, что этот свет будет освещать ему дорогу везде, где бы он ни находился:

*Гъуэгу нэхум тетци си цIалэр,
Сэ кIыфI згъэхъункъым и пэшыр», –
Ар жиIэу жэцикIэ егъаблэ
Уэздыгъэр анэм мызэшу⁶.*

«Мой сын на светлой дороге,
Я не позволю темноте воцариться в его комнате», –

* Здесь и далее построчные переводы автора статьи.

Говоря это, мать по ночам
Включает свет неустанно.

Если в приведенных двух произведениях встречаются примеры суммарно-обозначающего психологизма, направленного на воспроизведение трагедий войны в динамике от частного конкретного случая к общей картине этого значимого исторического события, то в стихотворении «Обняв свою винтовку» («Си фочым ГэплГэ ешхэлауэ») наблюдается удачное использование А. Кешоковым прямого психологизма – описания чувств лирического героя «изнутри». Будучи на фронте, прислонившись к «холодной стенке окопы», герой размышляет о жизни. Он представляет себе как враг хвастается тем, что проник в его отчий дом, «побеспокоил» мать, более того, «немец, не спеша, прогуливается по родным склонам, наслаждается красотой гор, смеет ступать по земле, на которой он был взращен...». Подобные мысли становятся невыносимыми для солдата, его охватывает сильный гнев: «Мэгубжэ сигу Гэлыр, зешхыхьыж»⁷. – «Гневается мое неугомонное сердце, [пребывает] в ярости». Однако действия врага вызывают у него не страх, а сильное противодействие, гнев лишь закаляет дух героя, а препятствия заставляют действовать. В словах солдата-фронтовика чувствуется большая сила, мужество, отвага, решительность и абсолютная уверенность в победе над врагом:

*Ар бийм хуэдэнкьым, щы уи фГэц,
Абы и щанГэм сынэсынц,
Ди щыгу кьарукГэ сэ сьлгэщц,
А бийм сэ мацэр льызгэсыниц*⁸.

Я не прошу этого врагу, поверь,
Я доберусь до него,
Я силен энергией нашей земли,
Этого врага я сведу в могилу.

В некоторых стихах о войне наблюдается сплетение разных форм художественного психологизма. Пример удачного синтеза его прямой и косвенной форм встречается в стихотворении «9 мая 1945 года» А. Кешокова. С тонким психологизмом и глубокой философией в произведении показана «безудержная» радость победы, детально описано безграничное выстраданное счастье победителей:

*ЗауэлГэм, фыгьуэм чэф щылауэ,
Кьыкын окопхэм шэчхэр яцГ,
Я цейм ятлагьуэр кГэрытцлауэ
Пейтейу кьажыхьыр, ба зэхуацГ.*

*Окопым кьокГри зы долъей,
И каскэ щыхур цхьэрихауэ.
Щы щыГум щецьыр ислгэмей,
Гэгу йоуэ псори, кьэгушхуауэ*⁹.

Воины, опьяненные радостью,
[Еще] не рискуют выходить из окоп,
[Одетые] в испачканные глиной черкески,
Бегают в волнениях, целуют друг друга.

Один, выйдя из окопы, подпрыгивает,
Сняв свою синюю каску,
Танцует на земле исламей*,
Все хлопают, воспрянув духом.

* Ислгэмей – исламей – национальный адыгский танец.

В данном случае автором стихотворения не столько описывается то или иное состояние лирических героев, сколько акцентируются причины и мотивы их поведения. Танцы, поцелуи, хлопанья в ладоши, подпрыгивания от радости являются следствием пережитых ими положительных эмоций, «приятных потрясений» и причиной всему описанному выступает долгожданная заслуженная победа.

В кабардинской поэзии присутствует мотив осмысления войны сквозь призму детской психологии. Вполне закономерно, что для еще несформированной и неокрепшей психики война стала символом безысходности, безнадежности, сильного психологического барьера, за который не каждое юное сознание смогло перешагнуть. Данное обстоятельство повлекло за собой выработку набора комплексов у так называемых «детей войны». Именно представителями обозначенного поколения «детей войны» или раннего послевоенного времени в лице поэтов Лиуана Губжокова, Зубера Тхагазитова, Хабаса Бештокова, Сафарби Хахова, Анатолия Бицуева и др., создано наибольшее количество психологических зарисовок о кровавой эпохе. Таковы, например, «На остановке» («Автобус къзувыIэпIэм деж»), «Моей матери» («Си анэм»), «Памятники отцов» («Адэхэм я сынхэр») Л. Губжокова, «Поезд» («МафIэгу»), «Мелодии войны» («Зауэ макъамэ») З. Тхагазитова, «После войны» («Зауэ нэужу») Х. Бештокова, «Словно горсть грязи на белоснежной стене...» («ЯтIэ IэшкIэ блын хужькыбзэм...»), «Моя мать» («Си анэ»), «Кино», «Памяти отца» («Адэм и фэеплъ») С. Хахова, «Фотография» («Сурэт»), «Слепой» («Нэф»), «Сердце матери» («Анэм и гур»), «Фызабэм и псалъэ» («Слова вдовы»), «Абыхэм ящIэрт я псэр щIатыр...» («Они знали, за что жертвовали душой...») А. Бицуева и др.

В стихотворении «На остановке» («Автобус къзувыIэпIэм деж») Л. Губжокова описывается состояние мальчика, плачущего из-за того, что автобус провез его отца до следующей остановки. Этот случай напомнил лирическому герою 1941 год, когда многие отцы, «оставив своих детей за подолами матерей», безвозвратно ушли на фронт. Таким образом, автором стихотворения проводится психологическая параллель между состоянием мальчика, «потерявшего» отца лишь на время (т.е. его отец выйдет из автобуса на следующей остановке и вернется к нему) и обобщенным образом детей войны, потерявшим своих отцов навсегда. Яркий пример воспроизведения боли подобной невосполнимой утраты, которая несовместима в плане реального осознания, осмысления и переживания с возможностями детской психики, встречается в стихотворении «Моей матери» («Си анэм») Л. Губжокова. Юному сознанию неподвластно для понимания, почему у других детей есть отцы, у него – нет. Самое страшное то, что и у матери нет ответа на данный вопрос:

*Бын игъэджэгуу сэ адэ слъэгъуам,
Сыгъыу уи деж къэзгъэзэжырт.
– Мамэ, си папэ дэнэ здэкIуар? –
ЖысIэм цхъэусыгъуэ къэплъыхъуэрт¹⁰.*

Видя отцов, играющих с детьми,
Я в слезах возвращался к тебе.
– Мама, мой папа куда ушел? –
Спрашивал я... ты находила отговорки.

С приведенным произведением Л. Губжокова перекликается стихотворение «Кино» С. Хахова. Здесь автор оригинальным образом передал психологическую травму ребенка, потерявшего отца. Для этого поэт использовал в своем произведении достаточно интересную ситуацию. Лирический герой смотрел кино о войне и вдруг персонаж из фильма, будучи раненым, упал на землю. Далее в стихотворении приводится детальное описание психологического состояния лирического героя, принявшего того раненого воина за своего отца:

*Кином еплъхэр тхъэ делъэлут
Ар къэтэджыжыну.
Ауэ,
Хъэлъэ дьдэу цэлущ
Гум имыкыжынуц,
Шац къритхъу
ГэкIэ щIыр,
НэжIукIэ хэлубауэ...*

*Си фIэц хъуркъым
Сэ а лIыр
Сядэр армырауэ!¹¹*

Мы – зрители – молились о том,
Чтобы он встал,
Но,
Вздохнув настолько тяжело,
Что это невозможно забыть,
Скончался, выковыривая
Почву руками,
Уткнувшись лицом в землю...

Военная лирика А. Бицуева также пронизана психологическими мотивами. В стихотворении «Тот дед жил с нами по соседству...» («Ди гъунэгъуу а лIыжьыр псэуат...») воссоздан образ отца, ожидающего возвращения сына с фронта. Война стала для него двойной бедой: во-первых, он сам вернулся оттуда с нарушенной психикой, во-вторых, она (война) отняла у него единственного сына. Он ходил по домам, прося вернуть ему сына, часто бывал на сельском кладбище, заглядывая за памятники, разыскивая его. По мере развития сюжета стихотворения наблюдается усиление психологизма и трагичности описываемой ситуации:

*...Ехыжащ дунейм ар и гур ныкъуэу.
Сэ а лIыжьым нобэми сощIыхъ:
Щы щIагъ кIыфIым къыщилгъыхъуэу и къуэр
СфIоцI иджыри хэту ар бэлыхъ¹².*

...Покинул этот мир он с болью в сердце.
До сих пор мне снится этот дед:
Мне кажется, что он продолжает пребывать
в нескончаемых муках,
Разыскивая своего сына в темном подземелье.

Оригинальным в плане психологического воспроизведения масштабов трагедии войны сквозь призму судьбы одного фронтовика является стихотворение «Слепой» А. Бицуева. Лирический герой в результате травмы, полученной на войне, потерял зрение. В произведении говорится о том, насколько храбро и отважно сражался он с врагом, и с какой радостью теперь взглянул бы на мир, спасенный им от пожара войны, однако:

*...КъекIухъыр нэфым
БашкIэ Гэбэрабэу,
ФIэклүэда нитIыр
Къылгъыхъуэж нэхъей¹³.*

...Ходит слепой,
Выискивая палкой дорогу,

Словно разыскивает
Потерянные им глаза.

У адыгов есть поговорка «*Зауэм и кІэр хьэдагъэци*». – «Конец войны – похороны (т.е. оплакивание погибших)». Всякая война являет собой разрушительную силу. При этом в переносном значении этой мысли – в плане разрушения психологии людей – война представляет собой самую глобальную и страшную силу, губительно воздействующую на многие поколения. Подтверждением может служить то обстоятельство, что последствия войны 75-летней давности ощущаются и на сегодняшний день. Эта тема не исчерпала себя и в литературе: и в настоящее время поэтами и писателями используются оригинальные способы и приемы художественного воспроизведения войны, воссоздаются новые образы фронтовиков, с философской глубиной интерпретируются их поступки, с тонким психологизмом описывается их внутренний эмоциональный фон, на котором зародились мотивы, подвигнувшие героев на мужество, отвагу и победу.

Таким образом, подводя итоги представленного исследования, можно констатировать удачный синтез историзма и разных форм художественного психологизма в кабардинской военной лирике, благодаря чему в национальной поэзии сформировалась модель истории, объединяющая в себе трагедию личностного и общечеловеческого.

Примечания

1. *Хавжокова Л.Б.* Поэтический мир Хабаса Бештокова. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. С. 8–9.
2. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. С. 347.
3. *Страхов И.В.* Психологический анализ в литературном творчестве: пособ. для студ. В 5 частях. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1973. Ч. 1. С. 4.
4. *Есин А.Б.* Психологизм русской классической литературы: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1988. С. 13.
5. *Кешиков А.П.* Собрание сочинений в 6 томах. (На каб. яз.). Т. 1: Стихи и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 111.
6. Там же. С. 106.
7. Там же. С. 65.
8. Там же.
9. Там же. С. 52.
10. Лиуан Губжоков: Живу для живых. Жизнь и творчество / сост. Л.Б. Хавжокова. Нальчик: Эльбрус, 2013. С. 125.
11. *Хахов С.Г.* Поздняя осень. (На каб. яз.: БжьыхьэкІэ). Стихотворения и поэма. Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 50.
12. *Бицурев А.М.* Избранное: Стихи. Баллады. Поэмы (На каб. яз.: Усыгъэхэр). Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 107.
13. Там же. С. 106.

THE ART OF PSYCHOLOGY OF THE POETRY ON THE WAR (on the material of works of Kabardian authors)

Havzhokova Lyudmila Borisovna, Candidate of Philology, Senior Researcher at the Kabardino-Circassian Literature Department of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

The article is devoted to the study of artistic psychology of Kabardian military lyrics. The relevance of the topic lies in the fact that at present the psychological perspective of the study of national poetry about the Great Patriotic War remains not sufficiently illuminated. The author

focuses on individualized attempts to use different forms of artistic psychology in the works of famous Kabardian poets: A. Keshokov, L. Gubzhokov, S. Khakhov, A. Bitsuev, etc. Poetic works of the above authors are studied from the standpoint of artistic psychology. In particular, in Kabardian poetry about war, there are direct and indirect forms of psychology, as well as examples of summary-denoting psychology. Particular attention is paid to the works of the poet-front-line soldiers and the generation of the so-called «children of war». The psychological framework for the consideration of poetic material, as a rule, involves an appeal to the emotional and moral-philosophical aspects. In this regard, when analyzing poems, the main emphasis was on the position of lyrical heroes – the so-called “inside” view of a soldier-front-line soldier, as well as mother, wife, children, waiting for their relatives from the war. Thus, in the course of the study, a synthesis of the personal and the universal in the national military lyrics was revealed. In addition, the study identifies the uniqueness of the Kabardian military lyrics, which includes the successful integration of all the designated forms and techniques of psychology in it.

Keywords: Kabardian poetry, history, artistic psychology, direct psychology, indirect psychology, summary-denoting psychology, military lyrics, front-line poet, «children of war».

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-122-129

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В «ПОЭМЕ ЛЮБВИ» КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Малкондуев Хамид Хашимович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), malkanduev47@mail.ru

Статья посвящена выявлению особенностей фольклоризма в творчестве К.Ш. Кулиева. Проблема взаимосвязи мотивов и образов в устной и письменной традиции остается одной из актуальных в современной фольклористике и литературоведении. Современная балкарская литература, возникшая после Октябрьской революции 1917 г., в своем становлении опиралась главным образом на традиции фольклора. Важнейшие в формировании национального рассказа, поэмы, повести, а позднее и романа, структурно-композиционные и сюжетно-повествовательные элементы вбирали в себя не только фольклорные образные системы, но и традиционные художественно-изобразительные приемы. Особое внимание уделяется здесь монологу и диалогам между персонажами и атрибутами художественно-предметного мира, а также индифферентным художественным системам, легко вписывавшимся в поэтическую систему молодой литературы. Традиции карачаево-балкарского фольклора нашли свое место и в творчестве Кайсына Кулиева, что ясно прослеживается на примере его лиро-эпической «Поэмы любви», написанной им в 1950 г. Композицию произведения составляют три повествовательные части и десятки сюжетных элементов, где главное место отводится монологам – женскому и мужскому. На протяжении всего текста ясно прослеживается внутренняя позиция автора лирического характера, тревожащего о драматических событиях, которые могут произойти из-за взаимоотношений между влюбленными Азретом и Зуриат. Отмечается, что, взяв за основу поэмы фольклорные мотивы, К. Кулиев значительно обогатил ее образами указанных персонажей, придав им масштабный, художественно оформленный характер.

Ключевые слова: Кайсын Кулиев, поэма, трагедия, композиция, фольклоризм, образы, мотивы.

В 1950 г., находясь в депортации в Киргизии, К. Кулиев пишет «*Сюймеклик поэмасы*» – «Поэму любви»¹, которая состоит из трех частей и десятков сюжетных элементов. Покуда данный текст остается одним из наименее изученных произведений в его творчестве, постараемся дать ему всесторонний художественно-композиционный анализ.

В начале текста дается авторское пояснение: «*Бу поэмада таулу халкъ жырыладан хайырланганма*» – «В этой поэме я использовал мотивы балкарских народных песен», – что вполне соответствует его содержанию.

Во вступительной части поэмы, которая строится на авторском лирическом монологе, К. Кулиев вводит читателей в загадочный мир сложных повествовательных элементов, состоящих из десятков мотивообразующих эмоциональных сюжетных микросистем следующего содержания: поэт сообщает читателям, что в детстве, будучи восьмилетним мальчиком, он слышал трагические предания об Азрете и Зуриат, которые запомнились ему «словно любимая песня» на всю жизнь; несмотря на то, что герои, а вернее их реальные прототипы, давно покинули мир, их образы остались жить в народной памяти как примеры высокой духовности и чистоты. Они не просто испытали страдания любви, а были искренними в

чувствах и не мутили чистоту родниковой воды любви; автор склоняет голову над их могилами, которые «освещаются солнцем и луной». Как явствует из содержания, поэт щедро пользуется традиционными иносказательными формулами, весьма богато представленными в карачаево-балкарской народной поэзии, привнося в нее много своего, авторского. Судьба героев поэмы пробуждает в памяти поэта воспоминания о судьбах влюбленных из реальной жизни: как и в любой застывшей традиционной среде, у балкарцев испокон веков шла борьба между жестокими блюстителями отживших правил и вольнолюбивыми поборниками за свободу личности. Не находя иного пути, но не желая предавать свои сокровенные чувства, чтобы не дать растоптать свои мечты и человеческое достоинство, девушки-балкарки сбрасывались в бурные реки ущелий. Поэт вспоминает, как сам он был в детстве свидетелем того, как четыре девушки, не выдержав несправедливости в отношении к ним, когда решалась их судьба, бросились в реку. Автор считает, что они были не только отчаянно влюбленными, но по духу своему и настоящими поэтами (видимо, сочинившими трагические песни о своей любви). Не давая помутнеть роднику любви, они с отчаянной смелостью окунались в него, пишет поэт, потому что мужество и любовь – близнецы; поэт просит прощения у лирических героинь, если не сумел достойно воспеть их трагические судьбы, которые в пространстве и времени Вселенной многократно повторялись.

Вторая часть поэмы («Къызыны жырлары» – «Песни девушки») состоит из десяти кратких, но проникновенных лирических монологов горянки Зуриат, всецело посвященных горячей любви к Азрету. Если в первой песне неоспорим индивидуальный кулиевский авторский стих, который по своей поэтической сущности не имеет аналогов в карачаево-балкарской культурной художественной словесности, то некоторые четверостишия во второй песне буквально контаминируются и повторяют строки популярных карачаево-балкарских народных песен о любви, что следует воспринимать как явление вполне допустимое для авторской поэзии 1950 г., когда в условиях депортации трудно было отличить авторский текст от народного, к чему и прибегал иногда выдающийся поэт, привнося в подобные тексты много своего индивидуального.

Третья песня несколько своеобразна в своем композиционном оформлении: в конце каждого четверостишия повторяются строки «Ой, сенден ариу бармыды?» – «Ой, разве есть красивее тебя?», «Ой, сенден субай бармыды?» – «Ой, разве есть стройнее тебя?», «Ой, сенден батыр бармыды?» – «Ой, разве есть смелее тебя?», «Ой, сенден иги бармыды?» – «Ой, разве есть (на свете) лучше тебя?», в которых устами влюбленной девушки в романтической форме воспеваются необыкновенные духовные и физические достоинства Азрета. Как видно из контекста, главная смысло-несущая и стиливая функция здесь отводится вопросам и повторам, которые удачно вписываются во внутренний монолог девушки, где в передаче образа Азрета эмоциональность играет основную роль в содержательной конструкции произведения.

Наиболее интересна и своеобразна в композиционно-стилевом плане следующая, четвертая, песня девушки, где, как это традиционно принято в карачаево-балкарских народных лирических песнях-ийнарах, главная роль отводится формулам невозможного, что следует оценить как знаковое явление в художественно-эстетическом формировании текста:

Чтобы став сгустком масла, так влипнула
Я в медную бляшку твоего ремня,
Чтобы ночью и днем снилась,
Я двум твоим красивым глазам!

Чтобы листом лекарственным я стала,
Если ты заболешь, вылечить,
Чтобы став звездой на небе, я сияла,
Чтобы по ночам ты смотрел.

Чтобы, став прохладным ветром, с гор подула,
Когда ты летним днем будешь в пути,
Чтобы, став мелким дождем, с неба я пролилась,
Когда ты будешь мечтать о дожде.

Чтобы я превратилась в родник перед тобой,
Когда в пути ты испытываешь жажду.
Чтобы, став птицей, я прилетела (на помощь),
Когда ты окажешься в беде!^{2*}

Позаимствовав из арсенала народной поэзии традиционную композиционно-структурную модель, К. Кулиев значительно дополняет ее новыми элементами художественной условности, формулы невозможного значительно обогащаются поэтическим мастерством, авторскими мыслями тогда еще молодого, но обладающего большим талантом поэта, постоянно обращавшегося к мотивам и образам карачаево-балкарской устной словесности.

Опорными смыслоносущими формулами в тексте являются лексемы *жаубёлек* – «сгусток масла», *белбау* – «ремень / пояс», *кёз* – «глаз», *чапыракъ* – «лист», *жулдуз* – «звезда», *жел* – «ветер», *жауун* – «дождь», *шаудан* – «родник», *къанатлы* – «птица» и т.д., которые в сочетании с определительными формулами придают поэме чудесный фон поэтико-стилевых систем.

Замечательное исследование по некоторым языковым особенностям данной поэмы провели филологи КБГУ А.Т. Додуева и Т.М. Гергокаева³. Они в основном коснулись лингвистических проблем и авторской вербализации положительной оценки окружающей действительности, достойное внимание уделено и кодовым иносказательным системам в произведении. «Релевантно отметить неразрывную связь с категорией оценки и сравнения. Это обусловлено тем, что в основе ее лежит сравнение. Предикативная оценка предмета, события возникает тогда, когда они содержат знания, позволяющие соотносить их с представлениями говорящего о хорошем и плохом, нравственном и безнравственном, разумном и неразумном, что свидетельствует о мотивированности оценки... в «Поэме любви» К. Кулиева превалирует лексическая репрезентация оценки, в том числе и положительной. При этом наблюдается ее связь с другими категориальными понятиями. Для оценки присущ широкий спектр значений, реализуемых обычно посредством адъективных лексем», – приходят к выводу ученые, глубоко и вдумчиво изучив особенности языка данного произведения⁴.

Если основными смыслоносущими элементами в пятой девичьей песне являются обращение Зуриат к плывущим в небе облакам и журавлям и размышления о том, что они печально смотрят с высоты на землю, переживание как бы это не явилось предвестником чего-либо недоброго, то в следующих строках поэмы содержание внутреннего монолога девушки приобретает отчаянный, но решительный характер: ее хотят насильно выдать замуж за нелюбимого человека, а она, чтобы не допустить этого, готова идти на крайние меры:

Посадите на осла,
Буду верна своей клятве, ой мама!
Брошусь головой в омут,
Но не смогу стать женой другому!

Даже ноготь Азрета я
Не отдам за все земные богатства.
Посадите на осла,
Ой мама, буду верна своей клятве!⁵

* Здесь и далее подстрочный перевод мой – Х.М.

К. Кулиев здесь дает объяснение традиционному в прежние времена карачаево-балкарскому общинному обряду «Сажать на осла» следующим образом: «В прошлом балкарцев признанную общиной виновной женщину, посадив на осла, возили от одного конца села до другого. Это считалось очень большим позором. Это называли (в народе) «Эшек-атха миндириу» – «Сажать на осла»⁶.

Аморальным поступком было принято считать, если девушка до замужества имела интимную связь с мужчиной или женщина изменяла своему мужу. Следы материальной культуры, связанной с данным этнографическим обрядом по сей день сохранились в родном селении поэта Эль-Тюбю или Уллу Чегем. Так, на левом берегу речки Жылгы, что протекает посередине аула, находится огромного размера ритуальный камень «*Налат таиш*» – «Камень позора», куда в прошлом, по решению совета старейшин, привязывали мужчин, совершивших аморальный поступок, выходящий за пределы традиционного кодекса чести карачаево-балкарского народа «*Таулу адет*» – «Балкарского этикета».

Чтобы передать нравственную силу своей героини, ее устами поэт дает понять, что даже прибегнув в отношении к ней к самому позорному обряду (чего она не заслуживала), невозможно сломить Зуриат, т.к. она ставит мораль выше всякого рода устаревших, но живучих традиций, из-за которых девушки не могли распоряжаться своей судьбой при выборе спутника жизни.

Следующие строки монолога веют осуждением родителей и родни Зуриат, переживаниями о том, как бы они не учинили над ней насилие. Сюжетно-повествовательные микросхемы лиро-драматического характера буквально повторяют известные строки народных трагических песен, куда поэт вносит ряд авторских художественно-стилевых образов и иносказательных систем. Трогательны напевы, в которых Зуриат просит в случае ее смерти, если с Азретом повторится то же самое, чтобы его похоронили рядом с ней. В случае же насильственных действий над ней она готова броситься в волны реки Баксан поскольку вся ее физическая красота и самое бесценное богатство – сердце – принадлежат ему.

Однако, в данном монологе есть строки, которые по своей эмоциональной сущности не вполне соответствуют основной содержательной направленности текста. Читатель может засомневаться, пусть в условной, художественной, но искренней любви девушки в отношении человека, к которому она питает невероятно глубокие чувства. Речь идет о заимствованных из карачаево-балкарской народной лирики сюжетных элементах, где влюбленная девушка, напевая о своих безмерных страданиях по возлюбленному, готова его проклинать и желает ему мучительной смерти, если тот не ответит ей взаимностью и женится на другой.

На наш взгляд, подобные мысли коллективного эстетического сознания в данном случае не совсем подходят к профессиональной поэзии. Было бы целесообразнее опустить эти мотивы в поэме, хотя здесь и бесспорно внесение в нее автором некоторых поэтико-стилевых конструкций, обогащающих данный мотив новыми элементами. Это наводит на мысль о том, что в своем продолжительном формировании фольклор включал в свой репертуар самые разные образцы произведений, которые иногда могли носить не совсем корректный, а порой и не отвечающий народной словесной традиции характер.

В последней, десятой песне Зуриат предлагает Азрету, пока смерть их не разлучила, не настала зима и земля не покрылась белым снегом, покинуть аул и скрыться на коне ее отца далеко от этих мест, ибо им не будет покоя:

На земле много мест. Уедем.
Мы, пока смерть нас не разлучит,
Не расстанемся друг с другом.
Высшее счастье – это ты для меня!

Один день прожить вместе,
Чем сто лет жить в разлуке,
Лучше!

...
Пойдем, пойдем, покинем (аул), убежим,
Пока не настала зима, снег не пошел!..⁷

На этом завершаются «Песни девушки», в которых поэт, позаимствовав из фольклора образ горянки Зуриат как этнокультурный духовный компонент, обогатил его многими положительными женскими качествами, на наш взгляд, несколько осовременив повествовательно-содержательную особенность данного произведения.

Раздел поэмы «*Жаишы жырлары*» – «Песни юноши» состоит из десяти небольших фрагментов, где через монолог Азрета К. Кулиев передает свое видение образа молодого отважного горца, для которого любовные чувства являются святыми, и в отношении своей возлюбленной Зуриат он готов принять решительные действия, на которые в реальной жизни люди могли пойти довольно редко.

Песня Азрета начинается с воспевания Вселенной и земного мира, где живет Зуриат, которой он шлет привет через летящих в небе птиц. Поднимаясь высоко на скалы, он видит благородных зверей – косуль, кавказских туров, над собой в небе – парящих орлов, а вдали – свой аул, родной дом и саклю своей возлюбленной.

Далее лирические нотки в третьей песне охотника Азрета носят несколько романтический характер: видя в горах красавца-тура с огромными рогами, он не стреляет в него, т. к. накануне Зуриат дала ему слово, что любит его, и только за него она выйдет замуж. Свою безмерную радость по этому случаю, Азрет выражает следующей песней:

Дичь моя! Мирно паситесь, бродите,
Смотрите уверенно с высоты вниз.

Я вас не разлучу с любимыми,
Не заставлю плакать, погубив ваших любимых!

Сегодня не тот день, когда проливается кровь, дичь,
Сегодня радостный день во Вселенной, вершины!

Я в аул возвращаюсь без добычи,
Возвращаюсь к матери своей без добытого мяса.

Сегодня не день, когда кровь проливается, мать моя,
Сегодня в горах радостный день, мать моя!

Сегодня я самый богатый человек на свете,
Сегодня я не завидую ханам и князьям!

В лощинах вечерние туманы,
И они меня домой провожают.

Эй, теперь я не прежний Азрет,
Орел горный, взмахом крыльев благослови с неба меня!⁸

Как видно из контекста, поэт щедро пользуется таким приемом поэтики, как художественная условность. Обращаясь в своих эмоциях – радости – к живому и неживому миру: дичи, вершинам, родной матери и черному орлу, говоря, что по такому случаю он не прольет кровь зверей, и об этом должны знать горные вершины; матери он сообщает, что на этот раз, он вернется домой без добычи, а горного

орла просит с высоты своего полета благословить его брак с любимой Зуриат. Следует заметить, что эти мотивы являются сугубо авторскими, хотя в карачаево-балкарской народной поэзии художественная условность и является одним из существенных художественно-стилевых элементов поэтики.

Если пятая песня строится на диалоге Азрета с матерью, где она дает знать сыну, что родственники Зуриат предпринимают всякие меры, чтобы не допустить между ними брака, то в следующей песне дается гневный монолог Азрета, в котором он клянется седыми волосами матери, молоком, которым она вскормила его, своей старой саклей, кинжалом своего покойного отца, что, очевидно, следует характеризовать как архаический компонент: известно, что гунны поклонялись кинжалу и клялись им, когда заключали мирные договоры со своими соседями китайцами о ненападении⁹, чего они, конечно, не придерживались.

Трогательны строки, где охотник выражает свою готовность ни перед чем не останавливаться, чтобы не допустить насильственных действий против любимой:

Я не дам растоптать свою яркую звезду,
Золотокрылую свою никому не отдам,
Не позволю себя назвать безродным,
Не опорочу честь отцов!¹⁰

В этом четверостишии устами охотника поэту сполна удастся выразить его чувства и эмоции в отношении возлюбленной, где эпитеты *жарыкъ жулдуз* – «яркая звезда», *алтын къанатлым* – «золотокрылая» по своей содержательной особенностям весьма подходят к оксюмору.

В дальнейшем события в поэме развиваются таким образом, что перед охотником возникает внутренний конфликт: пойти во двор возлюбленной и отобрать ее у родственников, которые хотят выдать Зуриат за другого, нелюбимого ею человека, либо покинуть с ней эти земли и укрыться вдвоем в Грузии или в России, пока зима не настала и снег не накрыл землю своей белизной. В отчаянии Азрет рассуждает:

Если даже беда над нами, словно черкесский кинжал,
Блистая, будет так висеть,
Да не подчинимся, не испугаемся,
Какой бы буран нас не настиг в пути!¹¹

Словосочетание *черкес къама* – «черкесский кинжал», употребляясь с глаголом *жылытыран* – «блистая», иносказательно выражает в контексте понятие не этическое, этнографическое, а моральное, что никакие угрозы не помеха молодым влюбленным в желании быть вместе.

Подобные размышления возникают и относительно лексемы *боран* – «буран», которая выражает в контексте не стихийное состояние погоды, а возможные преграды, погоню и опасности на их пути.

Во внутреннем конфликте охотника о том, какие меры предпринять перед надвигающейся угрозой – физические или моральные, – он выбирает второе, и Азрет вместе с Зуриат темной ночью скрываются верхом на коне глубоко в ущелье, взяв путь в намеченном направлении.

Первая же строка последней песни начинается с оксюморона: *«Къарала къар таулары тубюнде»* – «Когда снег темнел под горами», тем самым выражая победу добра над злом, т. к. снег в художественном осмыслении традиционно выражает понятие добра и благополучия. В данном же контексте, конструкция *къарала къар* – «когда темнел снег» иносказательно подчеркивает, что с наступлением вечера снег принимает под горами облик темноты. Здесь же он тем самым сочувствует молодым влюбленным, пытающимся скрыться от враждебных людских глаз.

Поэма завершается авторским пожеланием, чтобы в жизни побеждало добро, и в особенности сбывались надежды молодых влюбленных, которым порой приходится испытать много сложностей на жизненном пути:

Поэтому и написал я поэму,
Пусть всегда побеждают влюбленные,
Пусть им на этом свете
Будет хорошо, словно в песне!¹²

Позаимствовав ряд мотивов из карачаево-балкарской народной лирики, Кайсын Кулиев мастерством своего пера значительно обогатил поэму десятками сюжетно-повествовательных элементов и художественно-стилевых конструкций, придав ей лирико-эпический характер.

Хотя в карачаево-балкарском фольклоре, где богато представлены образы Тахира и Зухры, Меджнуна и Лейли, Каншаубия и Гошаях, отсутствуют сказания об Азрете и Зуриат, что говорит об авторском, вымышленном возникновении этих персонажей, в реальной жизни в карачаево-балкарской этнической среде имело место множество фактов, когда взаимная любовь не одобрялась родственниками молодых людей, и это заканчивалось трагедией.

Карачаево-балкарский фольклор сохранил ряд песен и преданий, в которых драматические мотивы занимают основное место. Подобные тексты широко распространены также в карачаевской субэтнической среде, где богато представлена народная лирика.

Образ Зуриат мы бы охарактеризовали как новый в своей сущности в балкарской литературе женский персонаж, напоминающий образ Джамили в известной повести Чингиза Айтматова.

Написанная в 1950 г. поэма Кайсына Кулиева явилась одним из замечательных творений балкарской литературы, в содержании которой удачно сочетаются фольклорные и индивидуально-авторские мотивы и художественно-образные системы.

Следует упомянуть, что на мотив молодых влюбленных, покинувших родной аул, чтобы навеки соединить свою судьбу и скрыться в безопасном для них краю, поэт сперва посвятил написанное в 1950 г. в Киргизии небольшое стихотворение «Побег», очевидно, перешедшее со временем в лиро-эпическую «Поэму любви». Об этом говорит и содержание текста, где присутствует мотив следующего характера: молодые влюбленные вместе покидают отчие дома на быстром коне и скрываются в надежном месте от своих преследователей. Основным композиционным приемом в стихотворении является диалог между ними, который встречается в тексте девять раз, искусно передавая смыслоносущие конструкции: погоня за влюбленными; в отчаянии джигит готов на все во имя чести, даже на смерть; девушка в страхе, что вскоре их догонят, но надежда – это быстроногий вороной конь, который спасет их от беды.

Следующим образом звучит стихотворение «Побег», берущее начало из фольклорной сюжетной традиции на тему о любви, широко распространенной в устной поэтической словесности всего северокавказского региона:

– Любимая, сзади погоня, –
Крепче за бурку держись.
Догонят – я буду сражаться
За нашу любовь до конца.
Красавица, как я был счастлив,
Когда я похитил тебя.
Если жить нам вместе не дали –
Вместе хотя бы умрем.

– Рядом с тобой я жила бы
Даже на голой скале.

Хочешь – бросай меня в пропасть,
Хочешь – хоть к звездам вези!
Вот твое сердце – прижалась
Крепко к нему щекой,
Вот оно, вот оно, счастье,
Я уж познала его...

– Конь вороной – вот надежда,
Конь наше счастье спасет.

– Милый мой, слышишь ты голос –
Это мой брат позади.
– Тише, не бойся!
– Я слышу
Сзади дыханье коней.

– Тише, не бойся!
– Я слышу
Сзади оружия звон!
– Милая, конь быстроногий
Нас от погони спасет.
Я ему дам свое сердце,
Он полетит, как стрела.
Если жить нам вместе не дали –
Вместе хотя бы умрем...
Вот и родное ущелье –
Милая, мы спасены!¹³

В том же 1950 г. К. Кулиев пишет два стихотворения на фольклорный мотив «Сюйген кызы урланган жигит. Таурух» – «Джигит, у которого похитили любимую девушку. Легенда»¹⁴ и «Таурух» – «Легенда»¹⁵. Главным содержательно-повествовательным элементом в них является тема любви, носящей трагический характер.

Первый текст состоит из трех небольших лирической формы повествований – монолога джигита, у которого похитили невесту и полного печали парня. Каждый стих, в зависимости от того, от чьего имени повествуется, имеет свою содержательную особенность.

Большое по объему стихотворение «Легенда» опять-таки посвящается теме любви и трагедии. Речь в нем идет о том, как в одном из ущелий Балкарии в далекие времена против ее воли похитили молодую красавицу-Зариат и увезли в неведомые далекие края. Хотя в тексте значительное место отводится повествованиям романтического характера, основные сюжетнообразующие мотивы в нем заимствованы из устного народного творчества.

Таким образом, 1950 г. был для К. Кулиева плодотворным в создании лирических песенно-стихотворных текстов на мотив любви и трагедии в симбиозе с устной культурной словесностью карачаево-балкарского народа, куда он привнес много индивидуально-авторского, значительно обогатив и расширив бродячие фольклорные сюжетно-повествовательные элементы, которые носили узкий этнический характер.

Примечания

1. Кулиев К.Ш. Собрание сочинений: в 6 т. Т. IV. Стихотворения. 1980–1985. Поэмы. Нальчик: Эльбрус, 2010. С. 297–312.

2. Там же. С. 302.

3. Додуева А.Т., Гергокаева Т.М. Вербализация положительной оценки в «Поэме любви» Кайсына Кулиева // Художественный опыт Кайсына Кулиева в сохранении российской культурной идентичности: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Государственных премий РСФСР и СССР, лауреата Ленинской премии Кайсына Шуваевича Кулиева (1917–1985 гг.). 27–29 октября 2017 года. Нальчик: Принт Центр, 2017. С. 107–111.
4. Там же. С. 110.
5. Кулиев К.Ш. Собрание сочинений: в 6 т. Т. IV. С. 303.
6. Там же.
7. Там же. С. 305.
8. Там же. С. 307.
9. Новгородова Э.М. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНВ // Тюркологический сборник 1977. М.: Наука, 1981. С. 218.
10. Кулиев К.Ш. Собрание сочинений: в 6 т. Т. IV. С. 309.
11. Там же. С. 311.
12. Там же. С. 312.
13. Кулиев К.Ш. Собрание сочинений: в 3 т. Т. I. Стихотворения. Поэмы (1935–1961). М.: Худож. лит., 1976. С. 282–283.
14. Кулиев К.Ш. Собрание сочинений: в 6 томах. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 217–218 (на балк. яз.).
15. Там же. С. 219–225.

«POEM OF LOVE» OF KAISYN KULIEV AND FOLKLORE MOTIVES IN IT

Malkonduev Hamid Hashimovich, Doctor of Philology, leading scientific worker of the sector of Karachay-Balkarian Folklore of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), malkanduev47@mail.ru

Article is devoted to revealing of features of folklore in K.Sh. Kuliev's work. The problem of interrelation of motives and images in oral and written tradition remains one of actual questions in modern folklore study and literary criticism. Balkarian literature has arisen after October revolution of 1917 and in the development leaned mainly on traditions of folklore. The major in formation of the national story, a poem, the story, and later and the novel, structurally-compositional and plot-narrative elements incorporated not only folklore figurative systems, but also skill of the artistic-visual systems. Particular attention is paid here to a monologue and dialogues between characters and the artistic-subject world, as well as to the allegoric art systems, easily entered into the young literature. Traditions of karachay-balkarian folklore have found their place also in Kaisyn Kuliev's work, that is clearly traced on the example of his lyric-epic «Poem of love», written by him in 1950. The composition of work consists of three narrative parts and tens of plot elements, where the main place is allocated to female and man's monologues. During the text is clearly traced the internal, having lyrical character position of the author, worried about the dramatic events, which can occur because of relationships between enamoured Azret and Zuriat. It is noted, that, taking for the basis of the poem the folklore motives, K. Kuliev significantly enriched it with images of specified characters, giving them a large-scale, artistically designed character.

Keywords: Kaisyn Kuliev, poem, tragedy, composition, folklorism, images, motives.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-130-138

МОТИВ «СПАСЕНИЯ» ТЕЛА ПОГИБШЕГО В АДЫГСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Хагожеева Лиана Славовна, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГ И КБНЦ РАН), liana1771@mail.ru

В статье рассматривается один из малоизученных в адыгском фольклоре мотив «спасения» тела погибшего на поле боя. Согласно рыцарскому воинскому этикету, оставление тела погибшего считалось предосудительным для тех, кто возвратился с поля битвы. Этот принцип стал фольклорным мотивом, частым как в преданиях, так и в историко-героических песнях. Данный мотив нашел свое отражение и в богатырской сказке. В статье анализируются конкретные формы его отражения в историко-героических песнях и характер его художественного осмысления. Также изучаются связанные с ним мотивы защиты права погибшего на достойное погребение и оплакивание родными. Привлекаются сравнительные материалы из фольклорных и этнографических источников, в которых отражены принципы верности и взаимовыручки в опасности и недопущения потери оружия погибшего в бою.

Ключевые слова: Историко-героические песни, адыгэ хабзэ (адыгский этикет), наездник-воин, фольклорный герой, принципы военной этики, художественное осмысление мотива.

Историко-героические песни представляют собой одно из важнейших средств художественного осмысления реальных событий и личностей. В них отражаются основные этапы социально-исторического и культурного развития традиционного адыгского общества. Они также явились конкретной формой выражения специфических компонентов адыгской этнической культуры, образа и формы жизни военно-феодалного сословия, состоявшего из князей (пщы) и дворян различных степеней (уэркъ); их мировоззрения, традиций, принципов и норм их поведения.

В песнях и плачах названной разновидности, как и других жанрах фольклора, нашли отражение нравственно-этические нормы, лежащие в основе традиционной духовной культуры этноса. «Краеугольным камнем духовно-нравственной культуры была, как отмечалось выше, система нравственных, моральных ценностей – *адыгагъэ – адыгство, адыгская этика*, представлявшая собой квинтэссенцию «нравственного опыта народа, вырабатывавшуюся веками механизм его культурной самоорганизации»¹. В адыгском традиционном обществе главным достоинством мужчины являлась воинская доблесть, а самой большой наградой становилась песня в честь героя. Таким образом, следование принципам военной этики считалось неотъемлемым качеством наездника-воина. Так, непреложным законом у адыгов была верность и взаимовыручка в опасности и в бою. Примером следования этому правилу служит описание характеристики личности одного из прославленных героев русско-кавказской войны Магомед Аша Атажукине – (Мухьэмэд Iэшэ), принадлежащее Флориану Жилю, преподавателю французского языка цесаревича Александра Николаевича (Александра II), впоследствии занимавшему пост начальника I Отдельного Императорского Эрмитажа. В 1858 г. он совершил путешествие на Кавказ. Впоследствии, по итогам путешествия он издал

весьма любопытные заметки, где и содержатся рассказы о Магомете Атажукине: «У переселившихся черкесов и кабардинцев был один герой, князь Мохаммед-Аше-Атгажуко. Одновременно рыцарь и поэт, он был идеалом всех черкесов, видевших в нем олицетворение мужества. В одном из боев с нами он проявил благородство, достойное времен христианского рыцарства. Один ногайский князь, Эдик-Мариаф, его друг, сражался рядом с ним; его конь был убит. На виду наших казаков, все более и более сжимавших черкесов, Мохаммед-Аше спрыгнул со своего коня и предложил вскочить на него Эдику-Мариафу. Последний, не менее благородный, отказался от этого, заявив, что «он лишь простой ногайский князь пред Мохаммед-Аше, кабардинским князем, гордостью своего народа». Тогда Мохаммед-Аше, прыгнув в седло, схватил за пояс своего друга, увез его и, сделав последнее усилие, сумел преодолеть со своей ношей линию наших казаков»².

Этот же автор описывает, как Мохаммед-Аша в 1846 году, сопровождаемый лишь тринадцатью такими же, как он, решительными воинами, совершил нападение на Ставрополь. Это был отчаянный поступок, стоивший ему жизни. В этом сражении он проявил самые изысканные качества доблестного воина и был прославлен в песнях³.

Такой поступок был предусмотрен рыцарскими установками «уэркъ хабзэ» (дворянский этикет), отступление от которого считалось нарушением правил рыцарской военной чести. Данное правило было явлением естественным и закономерным в обществе, в котором одним из важнейших принципов военной рыцарской этики считалось не оставление тела погибшего соратника на поле боя, защита его права быть достойно погребенным и оплаканным родными и близкими. Оставить тело воина, погибшего в сражении или во время наезда (зеклуэ) считалось недостойным, позорным для адыгского рыцаря. Д.А. Лонгворт по этому поводу писал: «В характере черкесов нет, пожалуй, черты, более заслуживающей восхищения, чем их забота о павших – о бедных останках мертвого, который уже не может чувствовать этой заботы. Если кто-либо из их соотечественников пал в бою, множество черкесов несетя к тому месту, чтобы вынести его тело, и героическая битва, которая затем следует, – явление такое же частое в сражениях черкесов, как и в старые времена на равнине у Трои, – зачастую влечет за собой ужасающие последствия»⁴.

Аналогичные сведения приводит также Хан-Гирей: «Небольшие партии воинов, – отмечает он, – скрытно пробираются, быстро нападают и быстро скрываются, и, в случае погони за ними, сражаются отчаянно, и тела убитых товарищей с удивительной решительностью уносят с собою; и здесь, как и в больших действиях, защищая тело убитого товарища, целые партии погибают; они, убив своих лошадей и из них сделав батареи, продают жизнь дорого. Примеры подобных отчаянных подвигов нередки, и черкесы это все делают из жажды к славе храброго воина и боясь названия труса, а не из жадности к добыче, которую им, конечно, не принесет смерть»⁵.

Описанный выше мотив «спасения» тела погибшего, содержится в большей части адыгских песен времен Кавказской войны. Так в песне «Жэштеуэ» – «Ночное нападение» описаны действия князя Исмеля Кайтуко, который совершает подвиг «спасая» тело погибшего соратника:

«Алмырзэкъуэр даубыда<щ>», – жеІэри къегъазэ,
Заууэрэ и шахышымалыр бгъэхыдэ<щ>,
Тамбиикъуэм и хъэдэщым зыщипсэщ,
Урысьжьюэ къуентхъым щыгугъхэр щхъэщыпхуш.
Хуарэм тесэу, афицарышхуэр редзых.

«Схватили Альмурзоко», – сказав, разворачивается,
В сражении свой патронташ опорожняет,
Над телом Тамбиюко спешивается,

Русских неверных, желающих взять трофей, отгоняет,
Офицера грузного, сидящего на чистокровной
лошади, сбрасывает с коня⁶.

В бжедугской версии этой песни «Къэбэртаемэ ячэштео иорэд» – «Песня о ночном нападении кабардинцев», приводится такое же описание гибели героя:

«Алыбэзыкьор даубытагъ – елошь – кьегъзэ, шъеужью!
Джаурыжьэри къонтхьым енэщы шъхъай шъхъашефы,
Тамбыи гушэми и хьадэкъыуми дээр щепсых...»

«Алибазуко зажали – говорит и поворачивает,
Джаур мерзкий на добычу зарится, но он отгоняет,
У Тамбия тела воины спешиваются»⁷.

В соответствии с этим кодексом дворянской чести, оставление дворянином-уорком тела своего погибшего князя было нарушением одного из краеугольных его принципов – верности⁸. Так, в песнях, сложенных по поводу гибели прославленных героев, указываются имена нарушителей законов рыцарской воинской чести, оставивших тело своего товарища, или своего князя-сюзерена на поле боя. В «Песне об Айтеке Канокове» это отражено так:

Пщы щауэ закъуэу дэфшар
Аржныжь мыгъуэм къыгуанэжаш.

Юного княжича, которого увели с собой
<спутники> у Аржи проклятого оставили⁹.

Данная песня сопровождается следующим преданием, где описывается событие, датируемое 1803 годом: «Бесленевский герой. Был убит при одном набеге на «Линию», и тело его, в нарушение хабзе, было брошено в поле. Даже аталык не позаботился отдать дань погибшему. Мать-аталык сложила гыбзу своему кану. Сначала излагается событие, потом порицание бесленевцам и хвала Канокову, далее – плач матери-аталык, наконец – проклятие по адресу труса мужа»¹⁰.

Обличение нарушителей законов воинской чести продолжается уже от имени павшего героя, что придает песне особую эмоциональную силу и выразительность:

Уэ сэ си нэ мыгъуэр зэтесхмэ,
Сэшхуэ къыха мыгъуэр сщхьэщытщ,
Уэркъ гуп гушэуэ сызыхэтар
Зэрыгъэльэхъууэ мэкъуэж.

О, глаза свои открою –
надо мной стоят обнаженные шашки,
Уоркская компания, в которой я состоял,
обгоняя один другого удаляется¹¹.

Среди оставивших тело героя был и аталык (воспитатель), что делает вину и бесчестие спутника еще более глубокой.

Ержыб гушэм и дахэр
«атэлыкъш» жызоІэри изот,
Шы нэф гушэр жэруэ есташи,
жьэдэмыІэххэуэ мэкъуэж.

Эрджибское ружье красивое*
с почтением мастеру я отдал**,
Коня быстроногого одноглазого*** я подарил,
А он (т.е. аталык) на нем, не удерживая за узду,
(т.е. не торопясь) уезжает¹².

В песне указываются имена спутников, оставивших тело погибшего.

В соответствии с этим же законом, оставление тела погибшего дворянина-уорка князем тоже считалось нарушением правил рыцарской чести. В адыгском обществе обличие князя было редким явлением. Но поскольку, отступление от принципов военной этики считалось недопустимым бесчестием, нарушители могли быть обеславлены в песне. Так в песне «Шурдым Пшымахуэ» – «Песня о Шурдуме Пшимахо» беспощадному обличию подвергается князь Хатокшоко, который не вступил в сражение вместе со своим уорком и оставил его тело на поле боя.

ХьэПохушокуэу лы фыщэжъ фагъуэ,
Гуашэнагъуэр зытепыхьэн,
Зыбгазэрэ зы шэр кьахэбдзэркъэ,
зедзыхрэ хьэдэр нэпштэжыркъэ!

Хатакшоковых черный муж недобрый, бледный,
Гуашаного тебя пусть оплачет!
Повернулся бы и [хоть] одну пулю выпустил,
Спрыгнул бы и тело подобрал!¹³

Нарушение рыцарской этики князем Хатокшоко описывается и в предании «Обычаи мудавейских ханов и упрек кабардинским князьям». Хатокшоко Паго поехал в Хаджиретию с намерением жениться на вдове. В это время в тот аул прибыли мудавеи и угнали овец. Все пустились в погоню, но уорки с которыми был Хатокшоко стали за курганом и не вступили в сражение. В эту ночь героически погиб молодой сын вдовы Бекмурза-сухощавый. После этого события вдова ответила ему отказом сказав: «Щалэ цынар кыщаукъым ар зи гуым идэуэ Гуашхэм кыкыуэплъуэ шысахэм, абы и лей пылэ зыщхэрыгъ дунейм темытми, сьдэмык1уэн! Фыкыздикъа кьуэжэжыр фщ1эжмэ, фык1эж! – Если даже на свете станет не кому носить папаху кроме тех, кто стоял за курганом, выглядывая из-за него в то время, как был убит неопытный юноша, за того, кому сердце это позволило, не выйду! В аул из которого вы приехали, если помните его, то возвращайтесь туда!»¹⁴. По этому поводу абадзехи сочинили песню:

Хьэжрэтым ди щалэгъуалэхэр мзыхьэм хуэдэу зыкырагэшх.
Къэбэрдейм я пшы гъэшхэхэр
Гуашхэ кьуагъым кьытхукъуэмык1
Лэу кьуажэуэ уыздэмык1ыххэм
Сыт напкъ1э уыдэплъэжыну?
Дыщэпсит1ыр кьыцэм кьыхопль
Вакъэ плъыжкыым Гуашхэр небэ.

Шубэ гъэхуыр фоккы1э кьахоуэ.
Къасейхэ я гуашэжым хывытхукъ1э фыкыхуегъашхэ.

* Ружье знаменитого оружейного мастера.

** По окончании пребывания в семье воспитателя, согласно обычаю, родители воспитанника делали аталыку богатые подарки.

*** Лошадей в шорах называли одноглазыми. Шоры – специальные пластины, надеваемые на морду лошади, закрывающие ей обзор по сторонам. На поле боя использовались они для ограничения области зрения лошади по бокам, чтобы она не пугалась и подчинялась только своему наезднику.

Хьэжрэтэм дэ фэдгъэшхар
Къэрэкъанэм кыфхуырихьыж.

Хаджиретов наши юноши
лесным собакам (волкам) подобно
искусать (истребить) себя позволить не трусят.

Кабарды князей откормленных
из-за кургана вынимать мы не можем.
Золотые шнурки* из кустов выглядывают,
красные чарыки** вершину кургана утаптывают,
белошубый*** из ружья стреляет.
Касаевых гуаша старая буйволовым маслом вас кормит.
Все, что мы, хаджиреты, вам скормили, да отберет у вас Керекана!¹⁵

Для адыгского наездника-воина не было ничего более унижительного и позорного чем быть обесславленным в песне, так как пока поется песня, имена покрывших себя вечным позором не будут забыты, такой человек никогда не будет пользоваться уважением в обществе, он становится изгоем. Пятно позора могло распространиться и на его потомков и сородичей.

Къэрабгъэ джанэр Лъахъэдыгъухэ я унэм щыребз,
Езыгъухэ я унэм щыред,
Лахъу Бэракъ и унэм щевдзыж!

Сорочку труса <она> кроит в доме Лахадуговых,
Шьет в доме Егузовых,
<А> повесьте <ее> в доме Барака Лахова!
Потому, что юного княжича <тело> оставили
<на поле битвы>¹⁶

Существование подобной установки, правила, которому адыги следовали неукоснительно подчеркнуто в песне:

Бесльэнейм фи щІалэгъуалэм
Хьэдэ кыщынэр я хабзэщ,
КІэмыргуейм ямыхабзэххэу
Тхьэщакъуэжъым кьиублэщ.

У бесленеевской вашей молодежи.
Оставлять <на поле> трупы <своих погибших>
не было в обычае.
Но то, что не было в обычае у темиргоевцев,
Тхашауко противный завел¹⁷.

Следует отметить, что в другом варианте песни бесленеевцы обвинены в том, что когда-то они оставили тело убитого и это повторялось в ряде песен, что является свидетельством существовавшего среди адыгских племен своеобразного соперничества, когда каждое из племен позиционировало себя как в наибольшей степени соответствующее идеалам адыгского кодекса адыгэ хабзэ, и, в целом, понятию адыгагъэ – адыгства.

Таким образом, наездник-воин строго следовал принципу не оставления тела погибшего, боясь быть обесславленным в песне. Но, если же в силу определенных

* У князей одежды были обшиты золотыми голунами.

** Подручного своего Быфuko они посылали подняться на курган и посмотреть в сторону сражающихся.

*** На Хапаче была карачаевская косматая огромная шуба.

обстоятельств тело убитого все же оставалось у противника, адыги выкупали его. Этим занимались посланцы, которые договаривались с противниками и обсуждали сумму выкупа за погибшего, предлагая в обмен быков, лошадей и другие предметы. Во время междоусобных войн и столкновений у адыгов тела погибших враждующие стороны не удерживали и возвращали беспрепятственно. К телам погибших врагов традиционно было принято, также относится с уважением. Если не было возможности вернуть тело родственникам убитого, считалось благородным поступком предать его земле со всеми необходимыми условностями.

Для адыгского наездника-воина недопустимым бесчестьем считалось не только оставление тела, но и даже потеря оружия погибшего. Если соратник погибал, товарищи должны были не допустить, чтобы противник завладел его доспехами, схватки могли завязываться между теми, кто хотел снять доспехи с убитого воина, и теми, кто старался не допустить этого. В безвыходных ситуациях, чтобы оружие не досталось врагам, его приводили в негодность: «Видя отрезанными все пути к спасению, – свидетельствовал Ф.Ф. Торнау, – они убивали своих лошадей, за телами их залегали с винтовкой на присошке и отстреливались, пока было возможно; выпустив последний заряд, ломали ружья и шашки и встречали смерть с кинжалом в руках, зная, что с этим оружием их нельзя схватить живыми»¹⁸.

Понятия уэркъ хабзэ, уэркъ напэ предписывали отстаивать честь товарища и его право на достойное оплакивание.

В песне «Хажретская война» оплакивается гибель героя и описывается, как тело убитого товарища выносятся с поля боя:

Муса белохвостый* над пропастью мчался,
В черный день остался с пустым седлом.
Золотую подушку седла – о горе!
И седло твое я привязал.
В бурку косматую – о горе! – труп завернувши,
Вынесли тело Хоста!¹⁹

Историко-героические песни сочинялись в двух случаях: если произошло радостное событие в честь победы в сражении или по поводу гибели прославленного воина. Такие песни носят мемориальный характер. В ней воспевались подвиги героев либо покрывались позором имена тех, кто проявил малодушие в бою. В песне могли быть обесславлены даже те, кто не принял достойную смерть. Только героическая гибель удостаивалась чести быть оплаканным родными. В песнях сложенных по поводу гибели прославленного героя обличаются и спутники, предавшие погибшего. Такова например песня «Къанокъуэ Айтэч и уэрэд» – «Песня об Айтеке Конокове». Исполняется она от имени женщины, которая обличает малодушных спутников, приводя для сравнения то, что даже она, слабая женщина, совершила бы, будь она на их месте. По сути дела, женщина обвиняет их в трусости, отсутствии мужества, в том, что они оказались слабее духом, чем безоружная женщина.

Сэ шы-Іэщэ къабзэр симыІэ щхьэкІэ,
Си жыр лэныстэр сиІэжтэмэ,
Сэ пшы хьэдэр къыщызнэхэнтэкьым, – жеІэри
Гуашэнагъуэр мэтхьэусыхэ.

Пусть у меня и нет коня и оружия боевого,
Будь у меня <хоть> мои стальные ножницы,
Я княжича трупа не оставила бы, – говоря,
Гошенагуэ сетует²⁰.

* Разновидность породы лошадей.

В варианте песни, сложенной от имени матери-аталыка беспощадному обличению подвергается ее собственный муж:

Твоя борода – что желтого лука лес!
Эй ты, с воробьиным сердцем!
... Ты ходил в золотой черкеске, злосчастный,
На золотое стремя ты опирался,
Смелым казался, как сто героев.
Но крою для тебя я рубаху труса,
Стальные ножницы режут не в меру,
Стальную иголку ломаю.
То, что кан-Тлепшу пойдет на слом [т.е. ружье],
Ты предо мною теперь не вешай:
Тебе отведу я место в углу,
Да унесет тебя Тха поскорее!
... Вечным позором, злосчастные, нас вы покрыли!
Да унесет тебя Тха поскорее!²¹

Песня «Бесльэн и кьузэ Аслъэнджэрий и уэрэд» – «Песня об Аслан-Гирее Бесланове» создана в жанре сетования по погибшему герою. Как уже упоминалось, воины, состоявшие при князе, по рыцарским законам должны были сражаться вместе со своим предводителем и защищать его ценой своей жизни. Дворяне-уорки, вопреки принятым правилам, не защитили своего князя от гибели, оставив его одного на поле битвы. В песне названы имена нарушителей закона рыцарской чести, которые проявили трусость и малодушие. «Наперед княжичи молодые на уорков пусть не надеются»²².

Таким образом, в историко-героических песнях и плачах нашли, прежде всего, отражение представления об идеальном наезднике-воине. В основе этих представлений лежала система глубоко и детально разработанных нравственно-этических, моральных (адыгагъэ – адыгство) и этикетных норм (адыгэ хабзэ – адыгский этикет).

В соответствии с этими нормами, рыцарские установки «уэркъ хабзэ» предусматривали незыблемый принцип не оставления тела погибшего соратника на поле боя. Это стало причиной появления в адыгском фольклоре мотива «спасения» тела погибшего. Содержится он в большей части адыгских песен времен Кавказской войны. Это свидетельствует о том, что наездник-воин строго следовал данному принципу, боясь быть обесславленным в песне и покрыть себя вечным позором.

Примечания

1. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 96 с. С. 36.
2. *Жиль Ф.А.* Письма о Кавказе и Крыме. Составление и перевод с французского К.А. Мальбахова. Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. С. 138–139. С. 138.
3. Там же. С. 139.
4. *Лонгворт Дж.А.* Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 531–584. С. 531.
5. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. 333 с. С. 309.
6. Адыгские песни времен Кавказской войны. [Текст] / Общ. ред., сост. вступ. ст. В.Х. Кажарова / сост. вступ. ст. А.М. Гутов. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 437 с. С. 93–96.
7. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. Ч. 1: Героические величальные и плачевые песни. Антология / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев / под ред. Е.В. Гиппиуса. М.: Сов. композитор, 1986. 264 с. С. 239–241.
8. *Бгажноков Б.Х.* Указ. соч. С. 25.
9. Адыгские песни времен Кавказской войны... С. 118–119.
10. Кабардинский фольклор / Общ. ред. Г.И. Бройдо. Ред. Ю.М. Соколова / Вступит. ст., коммент. и словарь М.Е. Талпа. М.–Л., 1936. 650 с. С. 382.

11. Адыгские песни времен Кавказской войны... С. 118–119.
12. Там же.
13. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов... С. 67–70.
14. Из адыгского нартского эпоса. Материалы архива Н.А. Цагова. Нальчик: Эльбрус, 1987. 106 с. С. 84–85.
15. Там же. С. 84–87.
16. Адыгские песни времен Кавказской войны... С. 118–120.
17. Там же.
18. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера // Адыги. Культурно-исторический журнал. Нальчик. № 1. С. 50–60; № 2. С. 3–55. 1992; № 3. С. 3–60; № 4. С. 3–48.
19. Адыгские песни времен Кавказской войны... С. 182.
20. Там же. С. 119–120.
21. Там же. С. 164–165.
22. Там же. С. 110–111.

THE MOTIVE OF “SAVING” THE BODY OF THE DECEASED IN THE ADYGHE FOLKLORE

Hagazheeva Liana Slavova, Junior researcher Sector of the Adyghe Folklore of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), liana1771@mail.ru

The article deals with one little-studied in Adyghe folklore motive of “saving” the body of the deceased on the battlefield. According to the military etiquette of the knights, leaving the body of the deceased was considered reprehensible for those who returned from the battlefield. This principle has become a folk motif, often in the legends and in the historical and heroic songs. This motif is reflected in the heroic tale. The article analyzes the specific forms of its reflection in the historical and heroic songs and the nature of its artistic interpretation. Also the motives of protection of the right of the victim for worthy burial and mourning by the family connected with it are studied.

Keywords: historical and heroic songs, adyghe habeze (adighe etiquette), rider-warrior, folk hero, principles of military ethics, artistic judgment motives.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-139-146

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:

- история;
- филология;
- проблемы развития современного общества;
- культурология.

2. Требования к оформлению статей:

2.1. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 с. (с учетом требований п.п. 2–4), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

2.2. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации).

2.3. Название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом.

2.4. Сведения об авторе/авторах на русском языке (фамилия, имя, отчество (без сокращений), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, электронный адрес).

2.5. Аннотация (не менее 100 слов) и ключевые слова на русском языке – шрифт 12 pt.

2.6. Текст статьи должен быть набран шрифтом Times New Roman 14 pt через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после «Примечаний» под заголовком «Принятые сокращения». Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

2.7. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:

1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.

2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора (выделить курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

2.8. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 2.3.–2.5.) на английском языке.

3. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Первая страница статьи подписывается автором.

4. Вместе со статьей в редакцию представляются:

- 4.1. направление организации, в которой работает автор;
- 4.2. акт экспертизы/ заключение о возможности публикации.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному экземпляру и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Усл. печ. л. 13

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 212

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *К.М. Шамахова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*